

ДЕНЬГИ

STORY

3

3 **НАКОВЫЕ**
МОМЕНТЫ

Знаковые моменты

Владимир Гаков

Цепные псы американской демократии

100 лет назад в США разразился первый шумный скандал, связанный с журналистским расследованием: журнал McClure's Magazine завершил почти двухлетнюю публикацию статей Иды Тарбелл, посвященных нечестной игре на рынке крупнейшей нефтяной компании Standard Oil. Результатом стало знаменитое решение верховного суда США от 1911 года о принудительном разделе Standard Oil. Так стартовала журналистика нового типа – muck-rake («разгребание грязи»), которая, можно сказать без преувеличения, изменила ход мировой истории.

На расследование деятельности Standard Oil Тарбел потратила несколько лет

Нестандартные методы Standard Oil

Нефть, которая была известна как источник энергии еще в древности, до середины XIX века добывали лишь открытым способом. Только в 1859 году была пробурена первая скважина – в Тайтусвилле (штат Пенсильвания). После этого открытие в США очередного месторождения немедленно приводило к локальной нефтяной лихорадке, ничем существенным не отличавшейся от легендарных золотых или алмазных. С последними раннюю нефтедобычу роднил и царивший правовой беспредел: в середине позапрошлого столетия подземные ресурсы не находились ни в частной, ни в федеральной собственности и все решали удача и расторопность. Тот, кому повезло открыть нефтяные залежи, не мог легально закрепить месторождение за собой и доил его единолично лишь до тех пор, пока на то же место не слетались как пчелы на мед конкуренты. Возникавшие конфликты решались с помощью единственного работающего закона, проверенного еще во времена освоения Дикого Запада, – верного кольта или смит-энд-вессона.

Первоначально нефть использовали преимущественно для получения керосина, который служил топливом для домашних и уличных ламп. Поэтому в конце XIX века наибольший доход приносила не добыча сырой нефти, а ее доставка (сначала с помощью гужевого транспорта, а затем по железной дороге) на нефтеперегонные заводы и дальнейшая переработка в керосин. Именно этим и занялся в 1863 году Джон Рокфеллер, к 23-летнему возрасту успевший сколотить состояние на посреднических сделках. Он вложил \$4 тыс. в нефтеперерабатывающий завод в Кливленде, потом вместе с партнерами построил еще один и быстро стал заметным игроком на рынке нефтепродуктов, где тогда работали тысячи мелких фирм. Успех обеспечивали развитие профильной инфраструктуры (контроль над каналами доставки сырья, собственное производство сопутствующего ассортимента, например серной кислоты, бочек, клея, собственные же склады для хранения продуктов нефтепереработки и т. п.), а также внедрение технологических новинок. С помощью последних удавалось выгонять из сырой нефти больше керосина, нежели получали

конкуренты, а кроме того, наладить успешную торговлю продуктами переработки: смазочными маслами, парафином, вазелином и воском.

Как следствие, Рокфеллер бил соперников и ценой, и качеством – и весьма успешно выдавливал их с рынка. К 1870 году, когда он основал компанию Standard Oil, завод в Кливленде стал крупнейшим в стране. В то же время компания занимала всего 4 % рынка, на котором работали 250 независимых производителей. Однако спустя четыре года ее доля выросла до 25 %, а к 1880 году – до 80-85 % (при этом число компаний-конкурентов сократилось до 80). К концу века монополист Рокфеллер владел танкерами, трубопроводами, многочисленными заводами и активно скупал сошедших с дистанции конкурентов, которые не могли или не хотели вкладываться в новые технологии, нефтехранилища и нефтепроводы (в отличие от Standard Oil), добился скидок у владельцев железных дорог, а кроме того, всячески сокращал производственные затраты. В результате за период с 1870-го по 1885 год цена на керосин упала с 26 до 8 центов за галлон.

В первые десятилетия XX века ситуация на рынке нефтепродуктов резко изменилась. Во-первых, лопнул его керосиновый сегмент: устаревшее осветительное топливо было окончательно вытеснено газом и электричеством. Зато образовался новый – бензиновый (до того бензин считался малопривлекательным отходом процесса переработки и продавался по 2 цента за галлон). Произошло это в связи с начавшимся автомобильным бумом: в 1900 году в США было 8 тыс. зарегистрированных автомобилей, а к 1912-му – уже 902 тыс. Над «керосиновой империей» Рокфеллера нависли тучи...

Еще в конце позапрошлого века угроза исходила из трех источников. Первым были американские конкуренты, с которыми, как уже было сказано, компания успешно разобралась. Вторым – зарубежные, в основном российские: к 1900 году, передав богатейшие бакинские месторождения концерну Нобеля, построив первый в мире танкер «Зороастр» и наладив железнодорожное сообщение с Западной Европой, Россия обогнала США по нефтедобыче (208 тыс. баррелей в день против 170 тыс. американских). И наконец, в 1890 году произошло роковое для детища Рокфеллера событие: был принят первый антимонопольный закон (закон Шермана). 15 мая 1911 года Верховный суд США признал правомерным решение о принудительном расчленении Standard Oil, к тому времени

контролировавшей лишь 65 % рынка, на несколько самостоятельных компаний: Standard Oil of New Jersey (с 1972 года – Exxon), Standard Oil of New York (трансформировавшуюся в Mobil Oil), Standard Oil of California (с 1984 года – Chevron) и др.

Была ли целью агрессивной ценовой политики Standard Oil монополизация рынка и была ли компания, основанная Рокфеллером, строго говоря, монополией (в статье, опубликованной в 1958 году известным экономистом Джоном Макги, это ставится под вопрос) – спорят и по сей день. Но что сделано – то сделано. В начале XX века американская общественность была шокирована публикациями Иды Тарбелл, разоблачавшими деятельность Standard Oil, и рукоплескала решению Верховного суда, приструнившего акул-монополистов. С тех пор право журналистов собирать и публиковать компромат на власть имущих – неважно, в политике или бизнесе, – в этой стране сомнению не подвергалось.

Грабли для навоза

По определению бывшего заместителя редактора газеты Newsday Роберта Грина, «журналистское расследование содержит три основных элемента: журналист копает там, где до него не копал никто; тема достаточно важна для читателя или телезрителя; есть силы, заинтересованные в сокрытии затронутых в расследовании фактов от общественности».

Сегодня в Америке этот жанр – один из надежных путей к славе и обогащению. В случае успеха автор расследования зарабатывает себе громкое имя, неизбежно выходят телевизионные ток-шоу, книги-бестселлеры – все эти дивиденды обычно превышают риски, связанные с возможными и часто весьма серьезными действиями против настырных журналистов, сующих нос куда не следует. Простым американцам нравится наблюдать, как выводят на чистую воду богатых и облеченных властью, причем подспудное желание быть свидетелем ниспровержения того, кому раньше повезло больше, чем тебе, обычно настолько сильно, что на корню подавляет скепсис по отношению к разоблачающей информации. Как бы то ни было, работает принцип «Что-то все-таки было – иначе не написали бы».

Иное дело – Америка начала прошлого века. Тогда от журналиста, решившего копать в сфере политики или бизнеса, тоже требовалось известное мужество, причем властная и бизнес-элита прессу просто не замечали. В отсутствие современных средств коммуникации первые «разгребатели грязи» проделывали работу, равную той, что сегодня составляет хлеб целой армии разного рода экспертов.

Ида Минерва Тарбелл родилась в 1857 году и стала единственным абитуриентом в юбке, поступившим в колледж Оллегени. В ту пору совместное обучение в американских университетах практиковалось лишь в виде эксперимента, вызывавшего повсеместную критику, и с туманной перспективой. Затем Тарбелл продолжила образование во Франции – в престижных Сорбонне и College de France.

О работоспособности и профессиональных качествах молодой журналистки свидетельствует такой факт. Во время ее учебы во Франции пришел заказ от McClure's Magazine: Иде поручили написать небольшую статью о трансатлантической телеграфной линии. Тарбелл

отправилась в Лондон, побеседовала с европейским уполномоченным по прокладке линии, изучила все виды кабелей, представленные в Британском музее, проштудировала литературу по истории кабелей и даже посетила предприятия на окраине Лондона, чтобы ознакомиться с процессом их производства. Собранных Тарбелл сведений хватило бы на целую книгу, однако начинавшая журналистка посчитала, что они придадут статье необходимые убедительность и глубину.

Звездным часом для Тарбелл стало расследование деятельности компании Standard Oil, на которое журналистка потратила несколько лет. За это время она изучила сотни тысяч страниц документов, в поисках которых объездила всю страну, встретила с десятками бывших и действующих сотрудников Standard Oil, а также компаний-конкурентов, правительственными чиновниками, юристами, экспертами. Книга Тарбелл «История компании Standard Oil», которую историк Дэниэл Йергин назвал самой важной из когда-либо написанных книг по истории большого бизнеса, вышла через год после окончания журнальной публикации и стала первым журналистским расследованием, достигшим статуса национального бестселлера.

К тому, что нефть – дело грязное, американское общество уже успело привыкнуть. Как и к тому, что любая успешная компания объективно стремится к монополизации рынка, поскольку старается предложить потребителю товары лучше и дешевле, чем у конкурентов. Однако пафос книги был направлен не против нефтяного бизнеса и не против монополий вообще, а конкретно против тех методов (по мнению Тарбелл и косвенно поддержавшего ее Верховного суда, незаконных), которыми пользовалась Standard Oil. Свою позицию автор двухтомного труда объяснила так: «У меня никогда не было предубеждения относительно их богатства и размеров, я ничего не имела против их корпоративной структуры. Мне хотелось, чтобы они объединялись и становились настолько крупными и богатыми, насколько возможно, но только законными методами. Однако они никогда не вели честной игры, и я утратила благоговение перед ними».

Самое любопытное, что 100 лет назад никому в Америке, в том числе главному «обвиняемому» – Рокфеллеру, и в голову не пришло приструнить зарвавшуюся журналистку. Глава Standard Oil лишь что-то буркнул в том смысле, что «собака лает», а президент Теодор

Рузвельт, раздраженный скандалами, связанными с публикациями Тарбелл и других журналистов (о них ниже), ограничился тем, что презрительно обозвал их «разгребателями грязи». Впоследствии это стало общеупотребительным термином. По американскому Webster's New World Dictionary, второе значение существительного muck-rake (буквально «грабли для навоза») – это «поиск и публикация фактов (реальных или утверждаемых голословно) коррупции в политике и т. д.». Популярный англо-русский словарь Мюллера дает и более резкое толкование: «любитель копаться в скандальной хронике и предполагать дурные мотивы поступков».

История со Standard Oil положила начало еще одной практике, теперь привычной и для нас, – PR-кампаниям. После разоблачений Тарбелл основательно пошатнулась репутация живой легенды Америки – нефтяного магната Рокфеллера. У главы Standard Oil пошли неприятности с компаньонами, внутри фирмы, даже в семье, и тогда он, по выражению историков public relations, «выпустил джинна PR из бутылки». Нанятый магнатом журналист Айви Ли, известный в деловых кругах, выстрелил серией хорошо подготовленных статей в крупнейших газетах, причем в этих публикациях акцент был сознательно смещен с предпринимателя и богача Рокфеллера на Рокфеллера-примерного мужа и любящего отца семейства. Расчет оказался верным: сентиментальные американцы вернули «старине Джо» кредит доверия, хотя это и не спасло его компанию.

Дорога на Уотергейт

Вскоре после публикаций в McClure's Magazine, прославивших Иду Тарбелл, она перешла в другой журнал – American Magazine, где проработала до 1915 года. Впоследствии Тарбелл занялась вольной журналистикой и публицистикой, написав два десятка книг, например биографии Наполеона и Линкольна (последнему Тарбелл посвятила целых восемь томов!). Также были опубликованы ее размышления о природе бизнеса, в том числе профессиональное исследование тарифной политики, и о роли женщин в обществе.

Одна из самых знаменитых американок XX века, своим профессиональным успехом затмившая претензии сильного пола на главенствующую роль в журналистике, Тарбелл тем не менее находилась в натянутых отношениях с предшественницами современных феминисток – суфражистками. В ответ на их кредо – «Этот гнусный, жестокий и коррумпированный мир создан мужчинами и для мужчин, и исправить его под силу только женщинам» – Тарбелл могла бы процитировать нашего «отца народов»: «Оба хуже». Сама она придерживалась вполне традиционного взгляда на место женщины в этом мире, себя же считала исключением. При этом она признавала, что дорого заплатила за успех в традиционно мужской профессии: свои восемь с лишним десятков лет Тарбелл прожила в одиночестве – без мужа, детей и друзей.

Помимо всего прочего, Ида Тарбелл прославилась тем, что в разное время отказала двум влиятельным американцам, решившим с помощью ее имени пропиарить собственные затеи. Генри Форд предложил Тарбелл присоединиться к широко разрекламированной им акции: автомобильный магнат решил организовать в 1914 году вояж знаменитостей на Корабле мира в Европу с целью предотвращения мировой войны. Однако знаменитая журналистка сочла этот план абсолютно нереалистичным и откровенно пропагандистским. Не вызвало у нее энтузиазма и предложение президента Вудро Вильсона занять пост в комиссии по тарифам, где до того заседали одни мужчины. Тарбелл заявила, что в своих книгах и статьях уже сказала о тарифах все, что нашла разумным и здравым, и добавить ей нечего.

Не прошли незамеченными и ее неоднократные отказы написать автобиографию – совершенно нетипичная история для соотечественников Тарбелл, которым улыбнулась фортуна. «Бабушка американской журналистики» сдалась, лишь разменяв девятый десяток, незадолго до смерти (она скончалась в 1944 году).

McClure's Magazine стал стартовой площадкой и для другого знаменитого «разгребателя грязи» – Линкольна Стеффенса, которого прославили репортажи, обличавшие коррупцию в администрациях крупных американских городов. Его сенсационная книга «Позор городов» вышла в том же году, что и произведение Тарбелл. Однако профессиональной репутации журналиста повредила его политическая ангажированность: разделявший модные тогда социалистические идеи Стеффенс побывал в советской России, встречался с Лениным и не скрывал своего восхищения большевиками.

Эстафету подхватил еще один известный левак – писатель Эптон Синклер, первым среди американцев удостоенный Нобелевской премии в области литературы. Ярлык «разгребателя грязи» прилип к нему после выхода социологического романа «Джунгли» (1906), посвященного жестоким нравам на крупнейших в стране чикагских бойнях (для получения достоверной информации писатель устроился работать на одну из них). В отличие от Тарбелл, стремившейся облагородить капитализм, очистить его от произвола монополий, Синклер ставил перед собой задачу прямо противоположную: на конкретном примере продемонстрировать обществу изначальную порочность капиталистического производства.

Однако общество увидело в романе иное: жуткую антисанитарию, среди которой обрабатывалось мясо, предназначенное для стола добропорядочных граждан. И в 1906 году президент Рузвельт, которого трудно было заподозрить в симпатиях к «разгребателю грязи», да еще социалисту, под давлением общественного мнения подписал два федеральных закона, ставших базой для усиления государственного влияния на большой бизнес: о контроле за мясом и о качестве пищевых продуктов и лекарств.

Следующие классические примеры разоблачительных расследований появились уже после Второй мировой войны. В 1946 году бывший военный корреспондент Джон Херси выпустил книгу-репортаж «Хиросима». В ней будущий видный американский прозаик

поразил соотечественников альтернативной правдой о героических парнях, сбросивших первую атомную бомбу на японский город.

Полтора десятилетия спустя, в 1962-м, нацию взбудоражили сразу две документальные книги: «Молчаливая весна» Рэйчел Карсон, первый яркий образец экологического «алармизма», и «Другая Америка» Майкла Харрингтона, открывшая глаза богатой Америке на параллельное с нею существование иной – бедной. А в 1970 году вышел шокирующий репортаж известного журналиста Сеймура Херша «Май Лай 4», посвященный трагедии в южновьетнамской деревушке Май Лай, у нас более известной как Сонгми. Результатом этого расследования, несмотря на активные попытки президентской администрации и высшего военного командования замять скандал, стал знаменитый процесс над лейтенантом Колли, по приказу которого американские солдаты вырезали население деревни, не пощадив даже женщин и детей.

Но вершиной деятельности журналистов-«грязекопателей» стал «Уотергейт», в 1973 году потрясший всю вертикаль американской власти по самую маковку. Если бы не поразительная упертость двух сотрудников газеты The Washington Post – Боба Вудворда и Карла Бернштейна, которые с тех пор превратились в легенду, администрации Никсона, скорее всего, удалось бы замять скандал, связанный с проникновением агентов Белого дома в предвыборный штаб демократической партии в 1972 году. Во всяком случае, на это были брошены все имевшиеся в наличии силы. В печать просочились тщательно разработанные cover stories («легенды прикрытия» – версии, отвлекающие внимание от истинной подоплеки инцидента), сотрудники Никсона нажали на все доступные им кнопки влияния, а самих Вудворда и Бернштейна подвергли разнообразному давлению: от попыток подкупа до организации компромата и угроз физического устранения. Любопытно, что руководство конкурирующей газеты The New York Times, в распоряжении которой также оказались компрометирующие президента материалы, в отличие от столичных коллег поддалось прямому нажиму Белого дома. Опубликованная в 1974 году книга Вудворда и Бернштейна «Вся президентская рать» принесла авторам славу и премии (став, естественно, бестселлером), а американскому обществу вернула веру в то, что законы писаны и для президентов.

Привычка к грязи

Для миллионов американцев пионеры разоблачительной журналистики по сей день остаются эталоном гражданского мужества и верности профессии. СМИ в этой стране видятся цепным псом, охраняющим общество от произвола властей, исполнительной, законодательной и судебной, и крупных корпораций, то и дело пытающихся диктовать свою волю рядовому потребителю. Еще более укрепили это реноме недавние громкие «дела» таких гигантов, как Enron, Global Crossing и WorldCom.

Здесь уместно упомянуть, что после событий 11 сентября 2001 года США, по мнению многих аналитиков, начали «леветь» – с угрожающей скоростью дрейфовать в сторону госрегулирования всего и вся. Последовательных либералов усиливающееся влияние государства сильно беспокоит, но большинство перепуганных американцев готовы, кажется, пожертвовать ради национальной безопасности свободами, всегда считавшимися главным национальным достоянием.

В этой связи неудивителен недавний успех бестселлера «Грошовая жизнь: как (не) прожить в Америке» журналистки Барбары Эренрейч, которую коллеги уже окрестили второй Идой Тарбелл. Решив проверить, можно ли существовать в богатейшей стране мира на гарантированную законом минимальную ставку почасовой оплаты (в 1998 году она составляла больше \$6), Эренрейч год проработала домработницей, горничной в отеле, медсестрой в ночлежке, официанткой и продавцом в супермаркете. Основные выводы книги: не существует такого понятия, как «неквалифицированный труд»; прожить на минимальную оплату сегодня в Америке физически невозможно (проще получать пособие по безработице); следовательно, федеральная власть должна вмешаться и навести порядок.

Оппоненты этой точки зрения тоже вспомнили о Тарбелл, но в другой связи. В ряде недавних публикаций журналистке попеняли и за отсутствие специального экономического образования, и за излишнюю демонизацию образа Рокфеллера. Упомянули и личные мотивы. Дело в том, что отец Тарбелл сам занимался нефтяным бизнесом и потерпел на этой ниве неудачу. И вообще, мол, не так страшны монополии, как

их малюют падкие на грязь малограмотные и пристрастные журналисты. А столетней давности нападки на Standard Oil всего лишь негодные попытки правительственных бюрократов наложить лапу на процветающий бизнес и рыночные свободы.

Знакомство с сегодняшней полемикой вокруг легендарных «разгребателей грязи» рождает странное чувство, будто все это происходило не раз и буквально рядом. Хотя отличие от нашей Думы, к примеру, все-таки имеется: в Америке даже критики журналистских расследований признают, что подобная «грязетерапия» имеет право на существование. Действительно, ее целительные для общества свойства очевидны. Вопрос только в том, когда и при каких заболеваниях использовать «грязелечение» и кто это будет делать: специалист или лекарь-дилетант.

Анастасия Фролова

Первые выстрелы Первой мировой

16 марта 1914 года в редакции парижской газеты «Фигаро» прозвучали один за другим шесть выстрелов. Стреляла Генриетта Кайо – жена известного французского политика, министра финансов Жозефа Кайо. Через несколько часов главный редактор газеты Гастон Кальметт скончался от полученных ран в больнице. Это было одно из трех убийств, проложивших дорогу к первой мировой войне.

– Ты будешь заниматься политикой, мой мальчик. У тебя есть возможность сделать карьеру в Сарте, но будь осторожен, сынок, будь осторожен, опасайся своего взрывного характера.

Эжен Кайо не ошибся. Его сын Жозеф очень рано стал депутатом парламента и, как и отец, министром финансов. Он унаследовал от отца не только способности финансиста и политика, но и весьма значительное состояние и положение в обществе. На этом сходство заканчивалось: если Кайо-отец был католиком, убежденным монархистом и вообще человеком последовательно правых взглядов, то Кайо-сын был переменчив и одно время даже считался общепризнанным лидером левых сил. Жозеф Кайо был крайне высокомерен, не упускал возможности подчеркнуть свое интеллектуальное превосходство и всюду пользовался преимуществами обладателя крупного состояния, да и вообще умел удивительно легко возбуждать неприязнь. В истории Франции начала XX века он трижды сыграл существенную роль. Сначала как финансист, годами добивавшийся и добившийся-таки введения прогрессивного подоходного налога. Затем как премьер-министр, урегулировавший в 1911 году агадирский кризис, когда Германия покушалась на французский протекторат Марокко. И наконец, как муж собственной жены, пошедшей ради него на преступление: в 1914 году дело Генриетты Кайо затмило для французов, да и для многих других европейцев, приближающуюся европейскую катастрофу.

«Я убила его, чтобы научить его жить»

Визит дамы

Утром 16 марта 1914 года Жозеф Кайо предупреждает жену: «Послушай, если Кальметт будет публиковать нашу переписку, я набью ему морду». Но Генриетта Кайо не стала ждать. Проводив мужа, она отправляется в знаменитый магазин оружия Гастин-Ренетта, где ей советуют купить браунинг: женщине легче с ним управляться, чем с револьвером. Генриетта просит разрешения потренироваться в тире, расположенном в подвале магазина. Результат вполне приличный: три пули из пяти достигают цели. Ей объясняют, как заряжается оружие. Выйдя на улицу и сев в экипаж, она досылает патрон в патронник, ставит браунинг на предохранитель и едет в банк, чтобы забрать кое-какие бумаги. Потом возвращается домой и пишет мужу: «Мое терпение кончилось».

Ближе к вечеру Генриетта Кайо в элегантном туалете и меховом манто входит в редакцию газеты «Фигаро» и просит аудиенции у главного редактора. Она терпеливо ждет больше часа, пряча руки в пушистой муфте. Наконец появляется Кальметт и интересуется целью неожиданного визита. «Вы знаете, зачем я здесь», – слышит он в ответ. Почти одновременно с этими словами раздались выстрелы. Генриетта Кайо выпустила шесть пуль в Кальметта с расстояния нескольких метров. Кальметт инстинктивно пригнулся, и первые две пули попали в книжный шкаф за его спиной, но четыре последующие тяжело ранили его в живот. «Не притрагивайтесь ко мне. Я дама!» – решительно останавливает Генриетта сотрудников редакции, вбежавших в кабинет. «Я исполнял свой долг. То, что я сделал, я сделал не из ненависти», – произносит Кальметт, когда его увозят в клинику Нейи. Медики долго не решаются на операцию, а когда она в конце концов сделана, уже слишком поздно. В тот же день Кальметт умер.

Арестованная Генриетта Кайо заявила, что «только револьвер мог остановить травлю», а на суде объяснила свой поступок фразой, которая стала знаменитой: «Я убила его, чтобы научить его жить». Урок по достоинству оценили многие. В письме Инессе Арманд Ленин спрашивал свою подругу: «Какое впечатление произвел на тебя le geste de M-me Caillaux? Признаться, не могу отделаться от чувства

некоторой симпатии: я думал, в этой среде одна продажность, трусость и подлость, а тут вдруг бой-баба лесоп дала решительный!!!»

Неслыханная травля

Даже по сегодняшним меркам, когда война компроматов стала заурядной частью политической жизни, ожесточенное преследование Кайо в «Фигаро» производит сильное впечатление. С 9 декабря 1913 года, когда Кайо стал в очередной раз министром финансов, до 16 марта 1914 года было опубликовано 110 статей, целью которых было навсегда погубить его репутацию. Среди предъявленных обвинений соединение политических функций с президентством в наблюдательном совете иностранного банка и поддержка финансиста Рошетта, осужденного за мошенничество. Традиционным обвинением было непатриотичное поведение во время агадирского кризиса и лицемерная защита прогрессивного налога. Наконец дело дошло и до личной жизни.

Отчасти Кайо был виноват в этом сам. Дело в том, что его личная жизнь была для того времени весьма необычной. Он был дважды женат, и оба раза его женами становились его любовницы. Первая жена, Берта Гейдан, перехватила письма Кайо к его тогдашней пассии Генриетте Ренуар. В момент развода Кайо получил эти письма обратно, но Берта предусмотрительно оставила себе копии. В начале 1914 года эти письма попали к Кальметту от Берты вместе с ее собственными. Вскоре читатели «Фигаро» были в подробностях осведомлены обо всех перипетиях жизни Кайо между 1900-м и 1906 годом.

Кайо пытается прекратить публикации, обратившись за помощью к президенту Раймону Пуанкаре. Он боится, что кроме личной переписки к Кальметту попали документы, связанные с агадирским кризисом. В момент кризиса германское посольство в Париже и руководство Германии обменялись тремя телеграммами, в которых, в частности, шла речь о секретных переговорах Кайо. Пуанкаре уверяет Кайо, что Кальметт как истинный джентльмен никогда не опустится до публикации интимных подробностей, а о неразглашении дипломатической тайны Пуанкаре берет на себя. Но Кайо не верит: Кальметт уже обещал читателям опубликовать все письма за подписью «Твой Жо» и «Твоя обожаемая Рири», в которых женатый респектабельный политик и замужняя дама изливают свои чувства, как

влюбленные школьники. Понимая, что переходит все границы приличий, Кальметт предваряет публикации обращением к читателям: «Это решительный момент, когда не следует отступать ни перед какими шагами, как бы они ни были болезненны для наших нравов, как бы их ни осуждал наш вкус и наши привычки. Впервые за мои 30 лет в журналистике я публикую частное интимное письмо вопреки желанию его владельца и его автора, и мое чувство собственного достоинства от этого испытывает истинные страдания».

Зачем, собственно, Кальметту было так мучиться, не совсем понятно. Очевидно, что публикация подобной переписки несколько выходит за рамки исполнения долга, о котором говорил умирающий Кальметт. Известно, что он был весьма богат. Ходили слухи о том, что он получал деньги от Венгрии и Германии, что его использовали политические противники Кайо в руководстве Франции, и даже о том, что неутолимая мстительность Кальметта объяснялась глубоко личными мотивами. В любом случае Кальметту удалось, хотя и ценой собственной жизни, погубить политическое будущее Кайо. На следующий день после убийства Кайо подал в отставку.

Финансовый гуру

Жозеф Кайо родился в городе Манс в 1863 году. Он блестяще окончил лицей, но провалился на устном экзамене в престижную Эколь Политекник и поступил на работу в финансовую инспекцию. В течение десяти лет, до 1898 года, он в качестве финансового инспектора ездит по стране, после чего, вспомнив, вероятно, предсказание отца, решает выставить свою кандидатуру на парламентских выборах в Сарте и побеждает с перевесом в 1200 голосов местного кандидата, став в 35 лет едва ли не самым молодым депутатом. С тех пор Кайо не только не проиграл в своей жизни ни одних выборов, но всегда бывал избран в первом туре.

Когда к власти во Франции приходит Вальдек-Руссо, Кайо, поддерживавший его еще в парламенте, попадает в правительство. С 1899-го по 1902 год продолжается его первый министерский срок. Как министр финансов он прославился тем, что добился введения прогрессивного подоходного налога взамен старой системы налогообложения, в основе которой лежали четыре налога, унаследованные от времен Директории. Налогами облагались главным образом внешние признаки богатства, а не денежные доходы населения. Одним из «старых» был, к примеру, весьма экзотический «налог на окна и двери», не слишком благоприятный для архитектурного облика зданий.

Подоходный налог в течение почти 20 лет вызывал во Франции настоящие битвы, особенно в период предвыборных кампаний. Радикалы и социалисты, естественно, считали подобный налог справедливым, а консерваторы рисовали последствия его введения в апокалиптических тонах. При этом экономические взгляды представителей радикальной партии были довольно своеобразными: они недолюбливали деньги, но при этом трепетно относились к собственности. Поэтому радикалы выступали за налог на доходы, но не на капитал.

Хотя Кайо интересовался налоговой системой с самого начала своей политической карьеры и был известен как автор брошюры «Налоги во Франции», его отношение к подоходному налогу менялось. Для начала, в феврале 1901 года он вводит понятие прогрессивного налога

на наследство, предложив ставки от 1 до 18,5 %. Летом того же года подоходный налог обсуждает парламент.

С 1902-го по 1906 годы Кайо заседает в парламенте, не слишком интересуясь идущими там дебатами. Он больше занят отношениями с Бертой Гейдан и приумножением фамильного состояния, цинично рассуждая о том, что места в административных советах и посты в коммерческих банках от него, бывшего министра и финансового инспектора, никуда не уйдут.

Второй министерский срок Кайо пришелся на 1906-1909 годы. Кайо в начале 1907 года вносит проект налоговой реформы, в соответствии с которым предлагается упразднить существующие прямые налоги и заменить их фиксированными налоговыми ставками на разные категории доходов: 3% – на трудовые доходы, 3,5 % – на смешанные доходы от труда и капитала (сюда относятся торговля, промышленность и сельское хозяйство) и 4 % – на движимое и недвижимое имущество. В случае если доход превышает 5 тыс. франков, он облагается дополнительным налогом (от 0,2 % – для 5 тыс. до 4 % – для 100 тыс. и более). Кроме того, взимается глобальный подоходный налог, охватывающий все виды доходов. От граждан требуется заполнение налоговых деклараций.

Проект вызвал, естественно, энтузиазм левых и протесты правых; к тому же уровень финансовой грамотности парламентариев оставлял желать лучшего и тонкости новых налогов были им непонятны. Тем не менее в 1909 году предложенный Кайо закон с рядом смягчающих поправок был принят парламентом, правда, до его утверждения сенатом прошло еще несколько лет. Окончательная версия вступила в силу всего за две недели до начала Первой мировой войны, когда Кайо-финансист уже никого не интересовал: на авансцену вышел Кайо-муж и любовник.

Дело Кайо

«Весь Париж, вся Франция, весь мир жадно начали следить за этим процессом, не пропуская ни одного слова. Всех, как самое кровное дело, занимал вопрос: может ли женщина, защищая свое честное имя, убить того, кто хотел ворваться в ее личную жизнь и опозорить через читаемую всеми газету ее и мужа? Героиня она или преступница? Будет ли оправдана она или осуждена? Неужели французский суд пошлет на гильотину ту, которая своим судом расправилась с этим интриганом Кальметтом?» Так описывает общественный резонанс, который получило дело Кайо, русский писатель Сергеев-Ценский в эпопее «Преображение России».

Защищал Генриетту Кайо знаменитый адвокат Фернан Лабори, прославившийся на процессе Дрейфуса и защищавший писателя Эмиля Золя. В основу линии защиты он положил тезис о том, что Генриетта совершила «преступление страсти», или, говоря современным языком, преступление в состоянии аффекта. В то время во Франции подобные преступления, особенно совершенные женщинами, пользовались большой популярностью и присяжные часто оправдывали подсудимых. Основная задача Лабори состояла в том, чтобы убедить присяжных в отсутствии умысла, а заодно воззвать к их патриотизму: вместо того чтобы наказывать его клиентку, следует «приберечь наш гнев для наших врагов». Сама мадам Кайо во всем винила «нервный срыв» и утверждала, что пистолет «просто выстрелил». Показания Генриетты опирались одновременно на романтически-литературные представления о женщине, которая находится во власти страстей, и новые для того времени научные и медицинские данные о функционировании нервной системы и бессознательных поступках. Литературные параллели вызывали сочувствие у публики, криминальная психология делала Кайо неподсудной.

Представитель обвинения Шарль Шеню ставил под сомнение женскую природу мадам Кайо, пытаясь показать, что Генриетта не обыкновенная женщина, а просто-таки железная леди, которая пошла на преступление сознательно и снисхождения не заслуживает. А адвокату мадам Кайо удалось найти статьи покойного Кальметта, в

которых тот оправдывал тех, кому приходится силой заставлять молчать клеветников...

Тем временем Кайо в соответствии со своей взрывной натурой вызвал на дуэль человека, нанесшего ему оскорбление; дуэлянты выпустили друг в друга дюжину пуль, но ни один из них даже не был ранен. Остряки не преминули заметить, что Кайо стреляет «хуже своей жены». Зато что он умел делать по-прежнему прекрасно, так это завоевывать голоса избирателей. На выборах в национальную ассамблею Кайо победил, причем, как всегда, в первом туре. По сравнению с выборами 1910 года политик, которого в течение нескольких месяцев мешали с грязью в центральной прессе, да к тому же муж убийцы, потерял всего 700 голосов. В Сарте, видимо, не читали «Фигаро», а те, кто читал, посылали мадам Кайо в тюрьму Сен-Лазар букеты цветов. Журналисты «Фигаро», возмущенные таким пренебрежением их мнением, поспешили раскритиковать «порочный» институт всеобщего избирательного права, допустивший переизбрание «преступного плутократа».

Вообще, дело Кайо стало звездным часом французской прессы. Едва ли не каждый номер каждой газеты открывали сообщения из зала суда. Газеты не только пересказывали ход заседаний, но и активно формировали общественное мнение, разумеется, в соответствии с собственными политическими взглядами. Левые издания симпатизировали мадам Кайо, приводили аргументы в пользу ее страстности и женственности и описывали ее как жертву трагических обстоятельств: «Опустив глаза, с бледным лицом и светлыми волосами мадам Кайо казалась искренне погруженной в свое горе». Правые, прежде всего «Фигаро», выступали за злой умысел и представляли Кальметта в роли страдальца за правду. Мадам Кайо для них – безжалостное, «почти бесполое существо с тонким носом, тонкими губами и тяжелым профилем».

Публикации оказывали колоссальное влияние на присяжных, тем более что не прислушаться к мнению прессы в этом деле нельзя было еще и потому, что в конечном счете именно пресса была прямой виновницей преступления.

Суд продолжался семь дней. Присяжные выбирали между оправдательным приговором и минимальным тюремным сроком – пять лет. 28 июля 1914 года после совещания, длившегося меньше часа,

присяжные вынесли вердикт: Генриетта Кайо невиновна в убийстве Гастона Кальметта. Жюри, состоявшее исключительно из мужчин, пришло к выводу, что убийство было совершено неумышленно и без преступного намерения. На пороге здания суда супруги Кайо были встречены бурными аплодисментами и столь же энергичной бранью. Несколькими часами ранее Австро-Венгрия объявила войну Сербии. До вступления Франции в Первую мировую войну оставались считанные дни...

Человек Германии

Впрочем, война Франции и Германии могла бы начаться и раньше, если бы не Жозеф Кайо. Именно он в 1911 году сыграл решающую роль в урегулировании агадирского инцидента. В начале XX века европейские державы боролись за влияние в Северной Африке. В апреле 1911 года французские войска оккупировали столицу Марокко под предлогом защиты от нападения берберов. Германия, хотя и признала еще в 1909 году особые интересы Франции в Марокко, сочла, что введение войск – это уже слишком, и послала к берегам Марокко свой боевой корабль «Пантера» для обеспечения интересов Германии и германских бизнесменов в связи с угрозой вторжения Франции в Марокко. «Пантера» вошла в порт Агадир в Атлантическом океане 1 июля 1911 года.

За пять дней до этого премьер-министром Франции и министром внутренних дел стал Жозеф Кайо. Именно ему предстояло урегулировать агадирский кризис вопреки противодействию французской «партии войны». Министр иностранных дел Франции выступил перед национальной ассамблеей с речью, в которой назвал поступок Германии «недопустимой провокацией». На самом деле война была невыгодна Франции, отстававшей в техническом отношении и к тому моменту еще не принявшей закон о продлении воинской службы до трех лет. В результате засекреченных переговоров с немцами Кайо добился заключения в ноябре 1911 года компромиссного соглашения, по которому Германия признала протекторат Франции в Марокко в обмен на 275 тыс. кв. км территории Конго и Камеруна. Французские патриоты были в бешенстве, но и немцы остались недовольны сделкой, в результате которой им досталось «10 млрд мух цеце».

Дипломатический успех дорого обошелся Кайо. Обиженный министр иностранных дел, с чьим мнением Кайо не посчитался, в январе 1912 года подал в отставку, что в соответствии с законами Третьей республики означало отставку всего кабинета. Так закончился недолгий период пребывания Кайо на вершине власти, добавивший к его репутации блестящего финансиста сомнительные лавры пацифиста и сторонника сделок с врагом. Подозрения в том, что Кайо – человек

Германии, вновь всплыли в 1913 году, когда Кайо выступил против продления срока военной службы до трех лет. Он не скрывал, что, объединившись с лидером социалистов Жаном Жоресом и придя к власти, он бы попытался предотвратить надвигающуюся мировую войну или по крайней мере избежать участия в ней Франции.

Но все сложилось иначе. Президентом становится Раймон Пуанкаре, прозванный Пуанкаре-война. В июне 1914 года в Сараево убит эрцгерцог Франц Фердинанд. Дело Кайо лишило Жозефа Кайо шансов стать премьером и обратиться к Жоресу, к тому же спустя три дня после вынесения оправдательного приговора Генриетте Кайо Жан Жорес был застрелен. Во время допроса его убийца сообщил, что готовил покушение на Кайо, но после выстрела мадам Кайо необходимость в этом отпала: Кайо и так был уже политическим трупом.

Тефлоновый политик

Однако ультраправые рано радовались. Жозеф и Генриетта Кайо покидают Францию, но Кайо и во время войны ведет себя крайне рискованно и не оставляет попыток инициировать мирные переговоры. Путешествуя по Латинской Америке, Кайо встречается с графом Жаком Минотто. Минотто, чей отец был австрийцем из итальянского дворянского рода, а мать немкой, родился и вырос в Берлине, перед войной работал в представительствах Дойче-банка в Нью-Йорке и Лондоне. После начала Первой мировой войны Минотто направляется в Нью-Йорк, где встречается с немецким послом, а затем устраивается на работу в американскую Guaranty Trust Company. В октябре 1914 года компания направляет Минотто в Латинскую Америку для выяснения экономической и политической обстановки. Считается, что на самом деле Минотто, будучи германским агентом, должен был выяснить возможные механизмы финансирования германской военной кампании, после того как лондонский финансовый рынок оказался закрыт для немцев. Граф Минотто публично появлялся вместе с четой Кайо в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, в Уругвае и Буэнос-Айресе. По возвращении во Францию Кайо и его жена жили в Биаррице в качестве гостей Поля Боло-Паши, который также был если не шпионом, то, во всяком случае, агентом влияния Германии в США и Франции. Позже, в 1915 году, Минотто и Боло-Паша также встречались с четой Кайо. После возвращения в США Минотто в 1916 году попытался поступить на работу в американскую морскую разведку и был арестован по обвинению в прогерманской деятельности, а Поля Боло-Пашу французские власти арестовали в Париже в сентябре 1917 года, признали виновным в сборе средств для врага нации с целью организации антивоенного движения во Франции и приговорили к смерти. Он был расстрелян в апреле 1918 года.

Судьба Кайо сложилась не так печально. После того как премьером в 1917 году стал Жорж Клемансо, он инициировал процессы против французских пацифистов. Кайо был обвинен в измене родине, лишен депутатской неприкосновенности, а в январе 1918 года арестован. Клемансо хотел дождаться победы союзников, прежде чем начинать суд над Кайо, поэтому процесс состоялся только через два года. В 1920

году Верховный суд приговорил его к трем годам тюрьмы и десяти годам лишения гражданских прав за «нанесение ущерба внешней безопасности государства»; обвинение в измене родине было снято. Затем приговор был смягчен, и Кайо вместе с женой покинул страну. В 1924 году к власти во Франции пришли левые и объявили амнистию, так что Кайо смог вернуться в Париж, а в 1925 году – и в политическую жизнь. Сначала он был избран в сенат, затем временно занял привычное место министра финансов во французском правительстве, после чего многие годы возглавлял сенатскую комиссию по финансам.

Последний раз Жозеф Кайо активно вмешивался в политику перед Второй мировой войной. Он поддерживал идею заключения мирного соглашения с Гитлером, а позже одобрил мюнхенский сговор, но когда возникло коллаборационистское правительство в Виши, участвовать в нем не стал. Кайо умер 22 ноября 1944 года в Мамере. Мало кто заметил уход из жизни одного из самых ярких французских политических деятелей первой половины XX века, человека, чьей биографии вполне хватило бы на несколько жизней.

Сейчас Жозефа Кайо назвали бы тефлоновым политиком. Никакой Билл Клинтон не идет с ним в сравнение. Такое количество скандалов, которые выпали на долю Кайо, пожалуй, трудно припомнить в связи с какой-нибудь другой личностью. Обвинения в измене и предательстве, в финансовой недобросовестности и аморальной личной жизни, в политической беспринципности и в том, что он заставил жену пойти на убийство, чтобы спасти свою репутацию... Любого из них было бы достаточно, чтобы навсегда сделать обвиняемого персоной нон грата в политике. Публикации в прессе, которая едва ли не впервые преступила все законы профессиональной этики, погубили-таки репутацию Кайо, спровоцировав убийство и помешав ему прийти к власти, но пресса же оказала решающее влияние на исход судебного процесса и спасла мадам Кайо от приговора. Кайо был, несомненно, идеальным персонажем газетной хроники, который никого не оставлял равнодушным. Одних он раздражал и возмущал, другие им восхищались и завидовали. Многочисленные скандалы позволяли газетам бесконечно обсуждать «кровавого Кайо», «богача Кайо», «зазнайку Кайо», «коррупционера Кайо», «предателя Кайо», а его невозмутимое высокомерие только подогревало интерес публики.

За громкими делами и первополосными заголовками так и остался без ответа вопрос о том, каков был на самом деле этот человек. Был ли это несостоявшийся французский Ленин, который, по мнению некоторых конспирологов, мог совершить большевистский переворот во Франции, или просто политик, считавший за благо для своей родины неучастие в мировой войне? Был ли это министр, сумевший за короткий срок перестроить налоговую систему Франции в соответствии с требованиями времени, или ловкий финансист, использовавший служебное положение для собственного обогащения? Были ли его отношения с женой столь идиллическими, как он демонстрировал во время суда, или это был пиар, рассчитанный на присяжных? Одно несомненно: супруги Кайо сыграли в истории роль, достойную романа.

Марат Бирсенгалиев, Аркадий Борисов

Право первой пули

«Убили, значит, Фердинанда-то нашего» – так начал самую смешную книгу о Первой мировой войне Ярослав Гашек.

В советских школьных учебниках происшедшее излагалось тоже предельно ясно: плохой наследник австрийского престола Франц Фердинанд приехал в Сараево, где и был застрелен хорошим юношей Гаврилой Принципом, членом тайных организаций «Млада Босна» и «Черная рука». В чем эрцгерцог провинился перед сербами, нигде не уточнялось, но, как представитель царизма, права на жизнь он явно не имел. И все же любой внимательный человек, изучая документы той эпохи, увидит массу нестыковок в этой чересчур простой на первый взгляд истории.

У эрцгерцога не было ни малейшего шанса

Служил Гаврила террористом

Главная нестыковка заключалась в том, что именно руководству Сербии убийство эрцгерцога в конце июня 1914 года было чрезвычайно невыгодно. Буквально за две недели до покушения в Белграде произошел очередной дворцовый переворот и международный авторитет государства упал практически до нуля. Только что закончились две балканские войны, полностью истощившие государственную казну, запасы снарядов и патронов. Совсем недавно дружественно (по балканским меркам) настроенные к сербам болгары и албанцы стали их злейшими врагами, а в присоединенной Македонии шла гражданская война. И установление хороших отношений с Австро-Венгрией было серьезной задачей государства.

После так называемой свиной войны между Австрией и Сербией – торгового конфликта, произошедшего из-за слишком высокого качества сербской свинины, которую за Дунаем покупали гораздо охотнее венгерской, – убытки понесли обе стороны. И как раз к началу 1914 года с обеих сторон начались попытки к увеличению солидного некогда товарообмена и, что чрезвычайно важно, обсуждалось строительство железной дороги Вена – Салоники, которая проходила бы через сербскую территорию.

Необходимость мира понимали даже в союзе высших офицеров сербской армии «Черная рука». Ее руководящий орган 15 июня проголосовал против покушения на Франца Фердинанда. Предлог выбрали следующий: сначала нужно убить тезку эрцгерцога, Фердинанда Болгарского (который был действительно злейшим врагом Сербии, а также России). Как претворялось в жизнь это решение, сказать трудно. Но причастность «Черной руки» к покушению на эрцгерцога так и не доказали. Недоказанной осталась и передача ему револьвера и бомбы мальчишкам из «Млады Босны». А уж заниматься тайной переправкой австрийских граждан Принципа со товарищи в родную империю, куда они могли совершенно спокойно проехать в любое время, «Черной руке» было совершенно точно не с руки.

Тем не менее «Млада Босна» достаточно солидно подготовилась к покушению и своими силами. Основной боевой единицей был, как ни

странно, мусульманин Мухаммед Мехмедбашич. Если бы он не испугался, а метнул в эрцгерцога лежавшую в его кармане бомбу, обвинять в покушении сербов было бы нелегко. Но выступил следующий террорист – Неделько Габринович. Немолодой эрцгерцог сумел нейтрализовать эту опасность, отбив летящую бомбу зонтиком.

И вот в действие вступает резервный вариант. Обреченного сановника привозят прямо к кафе, где Принцип, слышавший взрыв, отмечает успех покушения. Гаврила прерывает трапезу, выхватывает браунинг (а не револьвер, как писали в газетах) и двумя выстрелами в упор убивает эрцгерцога и его жену, чешскую графиню Софию Хойтек. При этом одна из пуль попадает точно в глаз дракону, вытатуированному на шее Фердинанда.

И даже если бы автомобиль эрцгерцога не свернул в переулок Франца Иосифа, а поехал куда-нибудь в другое место, его поджидали еще четыре террориста... Так что роковой выстрел (или взрыв) все равно прозвучал бы в этот день. И все равно началась бы война.

Кругом враги

Историки дипломатии знают и более серьезные поводы к началу войны (в частности, Марокканский кризис), которые завершились мирно. Нет, те кто «заказал» Франца Фердинанда, преследовали вполне конкретную цель: устранить этого человека из европейской политики. Слишком многое он хотел и мог в ней изменить.

В мае 1914 года престарелый император Франц Иосиф, дядя эрцгерцога, заболевает тяжелейшим воспалением легких. И вполне реальным становится восхождение на австрийский престол наследника, человека вполне определенных и в каком-то смысле революционных политических взглядов. Франц Фердинанд сделал наконец достоянием гласности свой план государственного переустройства Австро-Венгрии, который «положит конец многовековой приниженности славян в двуединой монархии». Государство должно было стать федерацией большинства ее народов, а не только австрийцев и венгров. В качестве цементирующих же выдвигались такие идеи, как верность Габсбургам, католичество и противопоставление себя соседям-конкурентам – Германии и России. При этом отношения с историческими монархиями Европы должны были быть достаточно дружественными, но равными.

Союзников в осуществлении этого плана Франц Фердинанд найти не смог. Подавляющее большинство сильных мира сего от всей души желали ему неудач. Список его недоброжелателей настолько велик, что сравним, наверное, только с аналогичным списком применительно к Саддаму Хусейну.

Самое активное противодействие эрцгерцог встречал в родной Вене. Особенностью габсбургской монархии было несовпадение политического центра империи Вены и ее экономического центра – столицы Богемии Праги. Антагонизм между венской и пражской элитой был чрезвычайно силен. Производя 70 % промышленной продукции империи, почти всю ее сталь и оружие, богемцы вполне в духе эрцгерцогских реформ требовали большего участия в управлении страной. Венцы, естественно, этого не хотели и опасались, что породнившийся с видными чешскими аристократами эрцгерцог перераспределит теплые местечки австрийской госслужбы между

своими родственниками и земляками: замок Конопеште, где эрцгерцог в основном и жил, находился недалеко от Праги. И Стефан Цвейг, к примеру, вспоминал, что венцы восприняли известие о гибели эрцгерцога абсолютно равнодушно.

Еще более люто эрцгерцога ненавидели венгерские дворяне, которых он хотел сделать равноправными участниками новой федерации. Человек, собиравшийся отобрать у мадьяр завоеванное во время революции 1848 года право угнетать румын, словаков и сербов, был в Будапеште форменной персоной нон грата.

Но и чешская элита по отношению к идее сильной Австро-Венгрии раскололась. Ее либеральная часть выступала уже не за усиление своих позиций внутри этой империи, а за выход из нее. Говоря о временах богемского короля Отокара Пржемысла, управлявшего и Богемией, и Австрией непосредственно перед первым Габсбургом Рудольфом, лучший друг Антанты Томаш Массарик многозначительно заметил: «Были мы до Австрии, будем и после нее». Действительно, перспектива отделить от слабо развитой аграрной империи территорию, на которой производилось 70 % всей ее промышленной продукции, 90 % угля, 90 % стали, 100 % тяжелого вооружения, не могла не вскружить голову молодой чешской буржуазии. Поэтому богемские немцы, составлявшие как-никак 38 % населения провинции и панически боявшиеся чешского национализма, надеялись не на эрцгерцога и даже не на Франца Иосифа, а на Германскую империю. Именно в Богемии действовала партия пангерманистов, настроенная и проберлински, и антикатолически.

Еще больше врагов эрцгерцог нажил за границей. Практически как о решенном после его воцарения деле говорилось о вторжении в Италию с целью восстановления светской власти Папы Римского. Не исключено, что именно на эту операцию эрцгерцог спрашивал согласия у главного участника Тройственного союза кайзера Вильгельма во время встречи в начале июня 1914 года в Конопеште. Так что посол Италии в Вене Альдровани в своих мемуарах называл эрцгерцога открытым врагом Италии абсолютно заслуженно. Действительно, победоносная война против Италии, да еще под таким благовидным предлогом, могла решить множество проблем сразу.

Наставляя своего подчиненного, начальника австро-венгерского генштаба Конрада фон Гетцендорфа, эрцгерцог недвусмысленно

предостерегал: «Если мы предпримем что-нибудь против Сербии, Россия встанет на ее сторону, и тогда мы должны будем воевать с русскими. Войны с Россией надо избегать». А вот Италия, дважды – сначала в союзе с Францией, а потом с Пруссией – наносившая удары в спину Австрийской империи, была прекрасным объектом для нападения. Австрийские генералы «выпустили бы пар», Антанта и Россия не полезли бы в конфликт между союзниками, а уж сомнений в победе Австрии над Италией в войне один на один сомневаться было смешно. Кстати, если в Белграде после известий о покушении на эрцгерцога был объявлен траур, то в Риме начались чуть ли не народные гулянья.

Впрочем, и сербская верхушка тоже не испытывала симпатии к Францу Фердинанду. Его явное предпочтение католичеству вкупе с достаточно агрессивными устремлениями на Балканах не внушало православным сербам ни малейшего оптимизма. А перспектива самой широкой автономии южных славян в рамках Австрийской империи резко снижала шансы на добровольное вхождение хорватов и боснийцев в будущую Великую Сербию.

Более того, в отличие от венценосного дяди, который отказался в свое время от покупки Сербии у князя Милана, дескать, своих сербов некуда девать, эрцгерцогу лишние славянские подданные были очень даже кстати. Опять-таки полная финансовая зависимость от французского капитала, заключенный в январе 1914 года военный союз с Россией и всевластие в стране террористов из «Черной руки» сильно ограничивали свободу действий сербской верхушки. Тем не менее премьер Никола Пашич честно попытался предостеречь эрцгерцога от поездки в Сараево по дипломатическим каналам, но услышан не был.

Крайне враждебно относились к идеям эрцгерцога и в Санкт-Петербурге. Ориентация России на союз с Францией и постоянная борьба за влияние на Балканах не давали двум государствам шанса на мало-мальски добрососедские отношения. И хотя эрцгерцог поддерживал хорошие отношения с Александром III, найти общего языка с его сыном Николаем он не смог.

Франц Фердинанд в общем-то не любил Россию. Но незадолго до смерти он приезжал в Санкт-Петербург и пытался лично объяснить последнему Романову, что «война между Австрией и Россией

закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или свержением обеих династий». Николай, естественно, отмолчался. Но не молчали российские дипломаты и военные. Находящийся, по сути дела, на французской службе министр иностранных дел Извольский делал все, чтобы спровоцировать австро-русскую войну. Тем же занимались и в военном министерстве, в частности военный атташе в Белграде Артамонов.

Руководители других держав, соседних с Австро-Венгрией, – Турции и Румынии относились к планам эрцгерцога и к нему самому тоже весьма настороженно. Стамбульские младотурки не забыли недавнюю обиду, нанесенную им Францем Фердинандом: аннексию Австрией оттоманской провинции Босния и Герцеговина. А в Бухаресте уже засматривались на населенную этническими румынами Трансильванию, чье присоединение при живом эрцгерцоге было, безусловно, невозможно. Убийство в начале 1914 года румыном Катарау епископа униатской (то есть подчиняющейся Риму) церкви подлило масла в огонь.

Еще более могущественные враги эрцгерцога находились в будто бы самом дружественном для него месте Европы – Берлине. Мощное движение пангерманизма, определявшее всю внешнюю политику императора Вильгельма II, совершенно не было заинтересовано в усилении (а на самом деле и в существовании) Австрийской монархии, и уж тем более полностью лишеной германского содержания. Будущий воплощение пангерманских идей Гитлер в «Майн кампф» зло и несправедливо отзывался о «сознательной чехизации» родной ему Австро-Венгрии: «Руководящая идея этого нового Габсбурга, в чьей семье разговаривали только по-чешски, состояла в том, что в центре Европы нужно создать славянское государство, построенное на католической основе». Далее он пишет: «После известия об убийстве эрцгерцога меня охватила тревога, не убит ли он немецкими студентами, которые захотели бы освободить немецкий народ от этого внутреннего врага». Кстати, сын эрцгерцога Максимилиан до конца своих дней (в гитлеровском концлагере Маутхаузен) придерживался именно пангерманской версии смерти родителей.

«Он умрет на ступенях трона»

Увы, список недоброжелателей Франца Фердинанда не исчерпывался официальными лицами. Итальянские террористы, анархисты, уже убившие тетю эрцгерцога, жену Франца Иосифа, и его коллегу, собственного короля Умберто, тоже испытывали к наследнику австрийского престола ярко выраженную антипатию. Они готовились к покушению сами и помогали сербским друзьям. Балканский корреспондент газеты «Киевская мысль» Лев Троцкий отмечал «карбонарский» характер боснийского террористического подполья: печатный орган «Черной руки» назывался «Пьемонт», а название «Млада Босна» было просто заимствовано у «дедушки европейского террора» Джузеппе Мадзини, чья «Молодая Италия» много лет сражалась против австрийских интересов.

Смешно, но когда Мадзини создал тайную республиканскую организацию «Священная фаланга», ее официальным лозунгом он провозгласил «Долой Австрию», после чего итальянские власти перестали преследовать подпольщиков.

Но убили эрцгерцога все-таки боевики из «Млады Босны». А кто, собственно говоря, они были такие, что приказы вышестоящей, казалось бы, «Черной руки» могли просто не замечать? Главный идеолог «Млады Босны» Владимир Гачинович был достаточно убежденным социалистом, читал Бакунина, Кропоткина и Нечаева, неоднократно встречался с видными членами РСДРП Карлом Радеком, Львом Троцким, Юлием Мартовым. И заказ на убийство эрцгерцога вполне мог прийти в «Младу Босну» и помимо «Черной руки» – по социал-демократическим каналам. Ведь Ленин буквально мечтал, чтобы «Николаша и Франц Иосиф доставили нам (большевикам. – „Деньги“) такое удовольствие, как война между Австрией и Россией». Так что не исключено, что социал-демократические гуру подталкивали младобоснийцев к ускорению пожара мировой революции. В благодарность за помощь в этом нужном деле Ильич не слишком обоснованно отметил освободительную войну Сербии в общем неприглядном фоне кровавой империалистической бойни. А в 1937 году Радек попытался что-то рассказать о сараевском убийстве, но выбрал уж больно неподходящее для этого место – зал суда над собой.

Сталинские юристы резонно рассудили, что «троцкистская собака» просто хочет затянуть процесс, и, к сожалению, не дали ему отклониться от темы вредительства и шпионажа.

И австрийские, и сербские расследователи сараевского покушения сделали все, чтобы скрыть малейшие проблески правды. К 1918 году в могилу по разным причинам сошли все непосредственные участники события: Принцип, Габринович (умерли в тюрьме), Дмитриевич (расстрелян французами), Гачинович (умер от неизвестной болезни). А год спустя бесследно исчез катер, перевозивший из Вены в Белград по Дунаю архивные документы, связанные с покушением. И начали гулять по книжным страницам страшные истории о поезде эрцгерцога, который вез его в Сараево при свечах, о его автомобиле, погубившем восемь своих последующих хозяев, о предсказаниях в никому не известном масонском журнале, что «он приговорен и умрет на ступенях трона». На самом деле у эрцгерцога, имеющего столько серьезных врагов, не было ни малейшего шанса выжить в тогдашней Европе, где политические убийства были самым обычным явлением на всем пространстве от Атлантики до Урала.

Павел Жаворонков

Кровь и зерно

Убийство российского императора Павла I в 1801 году для Европы стало настоящим шоком. Вообще говоря, в течение всего XVIII века дворцовые перевороты были явлением довольно регулярным и обыватели вполне успели привыкнуть к тому, что всемогущие царедворцы в любой момент могут задушить монарха в собственной постели, накормить мышьяком или навечно заточить его в крепости. Однако мотивом для покушений на августейших особ всегда были амбиции нетерпеливых наследников.

Павел I оказался, пожалуй, единственным российским императором, убитым не из политических соображений, а из-за денег: он попытался встать на пути налаженного сырьевого экспорта.

«Папенька скончались от апоплексического удара»

Эмбарго для якобинцев

Вся внешняя торговля России второй половины XVIII века строилась на экспорте сельхозпродукции в европейские страны. «Нефтью и газом» того времени были пшеница, лен и конопляное семя, которые практически не имели сбыта на внутреннем рынке. Пшеница не пользовалась спросом, поскольку народ питался дешевым ржаным хлебом, а лен и конопля в крупных объемах могли использоваться только в текстильной промышленности, которая в тот момент лишь зарождалась в стране.

Главным торговым контрагентом Российской империи во времена правления Екатерины Великой, матери Павла, стала Англия. Она покупала более трети всей отечественной сельскохозяйственной продукции. Этому способствовал целый ряд причин.

Во-первых, британцы имели самый развитый торговый флот, к тому же на основных торговых путях бесчинствовали сотни пиратских судов, которые находились под покровительством британской короны и потому грабили всех купцов, кроме английских.

Во-вторых, Британия охотно расплачивалась за дефицитную в Англии пшеницу дефицитными в России мануфактурными товарами и купец за один торговый рейс мог увеличить свой капитал в два-три раза.

Наконец, после победы якобинской революции во Франции и казни Бурбонов русская царица испытывала стойкую неприязнь к своему второму по значению покупателю. Всех послереволюционных французских «ответработников» от Робеспьера до Наполеона она считала плебеями, узурпаторами и царевубийцами. Результатом ее ненависти к республике стал манифест 1793 года, в котором запрещался вывоз из России во Францию всех русских товаров и ввоз в страну любой французской продукции. Впрочем, на экономике Российской империи это практически не отразилось.

Французский рынок давно уже перестал быть интересен русским купцам: якобинцы умудрились разрушить не только Бастилию, но и практически всю промышленность Франции и страна на долгое время стала почти неплатежеспособной. Для самой же республики экономическое эмбарго со стороны России грозило полным

банкротством и голодом. Оставалась единственная надежда на скорую смерть русской императрицы и на то, что ее наследник будет более лоялен к революционным диктаторам.

Привет с Мальты

События превзошли даже самые смелые ожидания французских политиков: российский престол унаследовал Павел, открыто ненавидевший свою мать, ее фаворитов и политику, которую они вершили. Ненависть была взаимной: Екатерина сослала цесаревича еще младенцем в село Павловское, поскольку он был ей живым укором за участие в заговоре и убийстве собственного мужа, императора Петра III.

Когда Екатерина уже лежала на смертном одре, практически никто, кроме нее самой, не сомневался, что наследником престола в завещании будет назначен малолетний Александр – ее любимый внук, а регентом станет либо ее советник граф Панин, либо один из ее последних фаворитов братьев Зубовых. Однако умирающая императрица не решилась нарушить принцип мажоритарного престолонаследия и передала власть сыну. С его вступлением на престол в 1796 году европейская политика империи, что, впрочем, неудивительно, развернулась на 180 градусов.

Наполеон Бонапарт преподнес молодому царю очень своеобразный подарок. Захватив в 1798 году остров Мальта, последний оплот рыцарства в Европе, и зная романтический склад характера русского наследника, он подарил Павлу I титул гроссмейстера Мальтийского ордена, предварительно разграбив все рыцарские сокровища.

В нагрузку к Белому кресту, латам и жезлу Великого магистра Наполеон прислал Павлу некоего патера Губера, который «досконально знал все рыцарские обряды», и еще несколько таких же высококлассных французских шпионов, замаскированных под мальтийцев, которые впоследствии успешно лоббировали интересы Наполеона при русском дворе. Губер по всем правилам произвел Павла в рыцари, от чего тот пришел в экстаз, и буквально на следующий день Россия отменила торговое эмбарго Франции, а все придворные, проявившие недовольство, в их числе и братья Зубовы, были сосланы в удаленные поселения.

Остается добавить, что в Европе «подарок Наполеона» был признан лучшей шуткой столетия: русский император, который, как глава Синода, являлся лидером православной церкви, став магистром

католического ордена, переходил в прямое подчинение Римского Папы.

Мертвые души от коммерции советника

Об эпохе правления Павла I помнят в основном по анекдотам. Молодой император считал себя великим реформатором и пытался внедрять нововведения во всех без исключения областях. Каждый раз все заканчивалось очень смешно – просто до слез. Например, чтобы решить проблему инфляции бумажных денег, которые на тот момент разменивались на серебряные по курсу 1:1,5, он принародно сжег на Дворцовой площади на 5 млн рублей бумажных ассигнаций.

Для компенсации дефицита в казне он приказал Монетному двору перелить все столовое серебро царской фамилии в монеты. «Я буду есть на олове до тех пор, пока в России не наступит всеобщее благоденствие!» – заявил император.

Результат чем-то напоминает более позднюю историю с пересаживанием российских чиновников на «Волги». Рыночная стоимость высокохудожественных серебряных сервизов с царского стола составляла порядка 800 тыс. рублей, из них удалось отчеканить около 50 тыс. рублей. Так как доходная часть бюджета при Павле I не превышала 50 млн, можно представить, как в стране развилась система взаимозачетов.

«Блестящее» решение предложил советник коммерц-коллегии «мечтательный теоретик» Вут, в прошлом известный международный авантюрист. По его инициативе был создан «Банк вспомогательный для дворянства», куда дворяне могли заложить крепостные души. Ссуды выдавались вновь напечатанными бумажными ассигнациями, которые тут же обесценивались и моментально проматывались заемщиками. Еще до окончания срока погашения ссуд банк пришлось ликвидировать из-за дикой инфляции и повального банкротства дворян. Зато другим итогом этой авантюры можно считать «Мертвые души» Николая Гоголя.

Секвестр

Тем временем Франция не без помощи российских кредитных поставок успела оправиться от послереволюционной разрухи и вновь стала активным игроком в европейской политике. В частности, Наполеон стал инициатором так называемой континентальной блокады Англии.

Торговые отношения русских и английских купцов встали на пути Бонапарта к мировому господству. Без них британские солдаты не могли получить полноценных поставок продовольствия. К тому же больше половины английских текстильных фабрик перерабатывали российское сырье. Если бы события разворачивались так, как рассчитывал Наполеон, и торговые отношения Британии и России прекратились хотя бы на четыре-пять лет, в битве при Аустерлице английские и австрийские солдаты вышли бы против него голыми и голодными.

Летом 1800 года через наполеоновскую агентуру Павлу поступило предложение вступить в антианглийскую коалицию. Стратегию вовлечения России в войну разрабатывал едва ли не лучший дипломат того времени Талейран.

Убеждая российского императора, он делал основной упор не столько на экономические выгоды, которые принесет его стране победа над Англией, сколько на то, что Павел совершит несметное количество подвигов плечом к плечу с самым великим полководцем всех времен и народов.

На Павла, с детства мечтавшего о военной славе, это предложение подействовало не менее опьяняюще, чем раньше – мальтийский жезл. 23 октября 1800 года генерал-прокурору и коммерц-коллегии было велено «наложить секвестр на все английские товары и суда, в российских портах находящиеся». В связи с конфискацией товара поднялся сложный вопрос о расчетах и кредитных операциях между английскими и русскими купцами.

По этому поводу 22 ноября 1800 года был издан высочайший указ коммерц-коллегии: «Состоящие на российских купцах долги англичан впредь до расчета оставить, а имеющиеся в лавках и магазинах английские товары в продаже запретить и описать». Затем по

ходатайству русских купцов английскую мануфактуру, которая была поставлена с предоплатой, разрешено было продавать. Судьбу остальных товаров, которые англичане ввезли в форме товарного кредита, должны были решить специально учрежденные ликвидационные конторы в Петербурге, Риге и Архангельске.

В результате по совету одного из «мальтийских рыцарей» при русском дворе император принял решение арестовать английские товары и суда, находящиеся в портах, а затем использовать их для погашения внешнего долга России, который впервые возник при Елизавете Петровне, а в эпоху правления Павла I возрос до 124 млн рублей. Содействие в этой операции ему оказал Наполеон. Верный ему банкирский дом Голе в Амстердаме выкупил у Англии российские векселя на сумму около 15 млн рублей и тайно погасил их за счет поступивших ему из Петербурга средств, вырученных от продажи английских товаров.

Англичане, поняв, что с ними рассчитались их же собственными деньгами, недолго думая захватили «любимую игрушку» Павла – Мальту. Император был в бешенстве: «Бессовестные англичане захватили мою Мальту и не отдают, сколько я к ним ни обращался». В ноябре 1800 года он дает общее предписание о запрете ввоза английских товаров и вывоза в Англию отечественной сельхозпродукции.

Второе было выполнить гораздо сложнее. Как уже говорилось, Англия была на тот момент единственным освоенным рынком для сбыта российских зерновых культур, цены на перенасыщенном внутреннем рынке упали в четыре-пять раз. Этот манифест разорял не только безответных крепостных крестьян и купцов, но и крупных землевладельцев-дворян, которые были способны постоять за себя.

Первый заговор против императора организовал адмирал де Рибас, который обладал огромными земельными угодьями. В торговле с Англией он был заинтересован еще и потому, что получал немалую мзду от каждого купеческого корабля, проходившего через его таможни. Вместе с ним в заговоре состояли граф Пьер фон дер Пален, советник императора и владелец тысяч гектаров украинской земли, засеянной коноплей и озимой пшеницей, а также другой видный царедворец граф Панин, который в результате падения цен на пшеницу и сорванных контрактов терял почти треть своего состояния.

Косвенно в заговоре участвовал и прославленный полководец фельдмаршал Суворов. Он тоже страдал от континентальной блокады Англии в материальном плане, однако деньги его в тот момент уже слабо интересовали. Суворов, который совсем недавно вернулся из очередного победоносного похода, получил от завистливого императора тяжелое оскорбление. Павел запретил ему являться ко двору и выпустил манифест, в котором под страхом публичной порки запрещал называть князя Суворова «его светлостью», что, по сути, приравнивалось к лишению дворянского звания.

Основной задачей первого заговора было разрушение французской партии при русском дворе. Заговорщикам даже удалось перевербовать «мальтийского» патера Губера, который успел склонить императора к мистицизму, в результате чего Павел I принимал важнейшие политические решения на основе его гороскопов.

Губера заставили нагадать Павлу, что тому не грозят никакие опасности в течение ближайших четырех лет. В результате из ссылки ко двору вернулись многие опальные дворяне и екатерининские фавориты, которые тут же присоединились к заговору. Однако даже их общими усилиями не удалось убедить императора возобновить отношения с Англией. 11 марта 1801 года, в последний день своей жизни, Павел узнал, что российские купцы продолжают тайно вывозить в Британию зерно через территорию Пруссии.

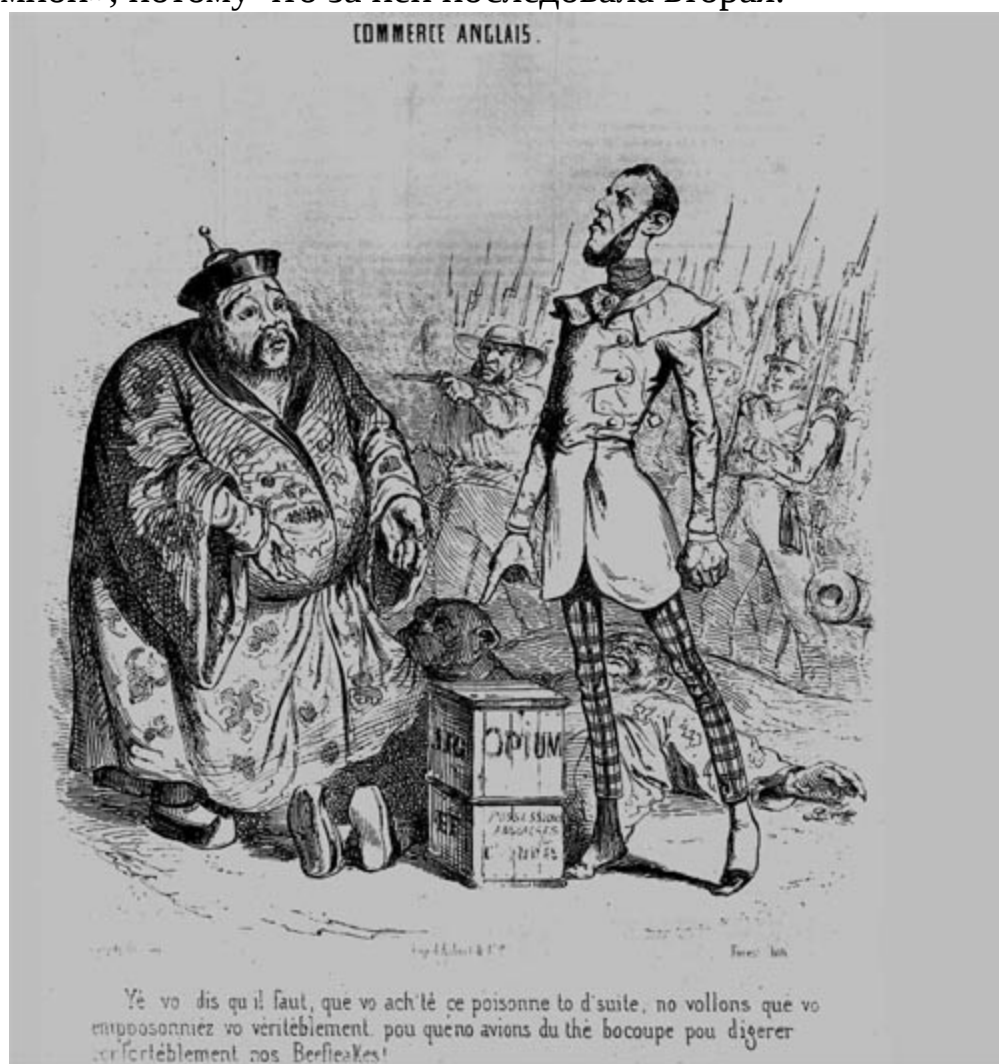
Тогда он подписывает роковой указ, который превращает страну в закрытую экономическую зону: «...чтобы из российских портов и пограничных сухопутных таможен и застав никаких российских товаров выпускаемо никуда не было без особого Высочайшего повеления». В ту же ночь верхушка заговорщиков решается на переворот, который изначально планируется как бескровный. Цесаревич Александр подписывает свое согласие принять престол. Ворвавшись в спальню Павла во главе отряда разъяренных пьяных гвардейцев, Николай Зубов оглушает императора, а гвардейцы добивают его ногами и прикладами. Весь следующий день знаменитый художник и архитектор Карл Росси гримирует изуродованное лицо мертвого императора, а с утра перепуганный Александр I объявляет, что «папенька скончались от апоплексического удара, при мне все будет как при бабушке».

В тот же день русская пшеница беспрепятственно отправилась в Англию. Наполеон, который как раз оправлялся после покушения английских наемников, узнав о произошедшем, закричал: «Англичане не смогли убить меня в Париже, зато убили меня в Петербурге!» Действительно, по убеждению многих историков, негласным координатором и финансовым центром заговора был глава Английского банка Вильям Питт, который разыграл интересы русских экспортеров и жизнь императора как карты в большой европейской политической игре.

Кирилл Большаков

Маковая опухоль

Почти 170 лет назад, в марте 1839 года, начался самый масштабный в истории конфликт, связанный с наркобизнесом. Конфликт вылился в настоящую войну, где главными участниками были Китай и подсадившая его на опиум Великобритания. Собственно, эта война и известна как «опиумная». Впоследствии ее стали называть первой «опиумной», потому что за ней последовала вторая.

Поставки наркотика неуклонно увеличивались из-за чудовищной коррупции китайского чиновничества

Маньчжурская доктрина

В середине XVIII века средний европеец не мыслил жизни без чашки чая, а богатый европеец предпочитал, чтобы она была из фарфора. И чай, и фарфор доставлялись в Европу из Китая наряду с шелком, ревенем, целебными травами и изделиями вроде вееров и ширм. В то же время Китай упорно отказывался принимать европейские товары и вообще был страной, живущей в почти полной изоляции от остального мира.

Так, для иноземцев был открыт лишь один порт – Гуанчжоу (Кантон), и им было запрещено перемещаться по стране. Самим жителям Поднебесной строго-настрого запретили учить иностранные языки, обучать китайскому чужеземных «варваров», а также строить большие корабли, пригодные для заморской торговли. Торговать с европейцами имели право только члены торговой корпорации «Гунхан», в которую можно было вступить, уплатив взнос в размере 2 тыс. лян серебра (1 лян равнялся приблизительно 37 г).

Постоянных дипломатических связей Китай не имел ни с одной страной мира и налаживать их не стремился. Так, император Цяньлун направил английскому королю Георгу III, который пытался прорвать эту добровольную блокаду, письмо, где, в частности, писал: «У нас есть все, что можно пожелать, и нам никогда не были нужны товары варваров». Заканчивалось письмо словами: «Трепещи, повинуйся и не выказывай небрежения».

Цяньлун вовсе не хотел нанести оскорбление зарубежному монарху, поскольку просто не считал Георга III таковым. Поднебесная ведь была центром вселенной, а китайский император – повелителем мира. Соответственно, все прочие страны официально числились вассалами Китая, а если и «выказывали небрежение», не платя положенной дани, то исключительно по своей дикости.

Выдуманная мировая гегемония являлась изобретением династии Цин, правившей с 1644 года. Дело в том, что Цин не были китайцами, они были маньчжурами. Сравнительно малочисленные маньчжуры, захватив власть в Китае, стали там господствующим этносом. Для них были зарезервированы лучшие должности в госаппарате, их судили особым судом, и даже сидели они в особых тюрьмах – «только для

маньчжуров». Также в стране была маньчжурская «восьмизнаменная армия» и «армия зеленого знамени», в которой служили одни китайцы, получая за службу значительно меньше, чем маньчжуры. Естественно, цинские идеологи провозгласили, что маньчжуры сделали Китай непобедимым и он покори́л весь мир. Но хуже всего было то, что в эту официальную доктрину свято уверовали ее сочинители.

Между тем «варвары» не могли смириться с потерей для торговли многомиллионного Китая. В 1805 году туда из Петербурга отправилось посольство графа Головкина, в задачу которого входило добиться привилегий для русских купцов. Но китайцы не пустили его дальше Монголии, граф вернулся на родину ни с чем. Тот же успех имели английские миссии лорда Амхерста в 1816 году и лорда Нэпира в 1834-м. Последнего отказался принять даже губернатор провинции Гуандун.

Однако там, где официальные посланники упираются в глухую стену, обязательно найдет лазейку хитроумный контрабандист с товаром, которому обеспечен ажиотажный спрос.

Настоящее английское качество

В конце XVIII века англичане, а вслед за ними и американцы начали ввозить в Китай опиум. Англичане поставляли в Индию мануфактуру, на выручку скупали у тамошних крестьян опиум, сбывали его в Китае и возвращались в Англию с чаем, фарфором и шелком. Американцы везли опиум из Турции, но их операции значительно уступали по масштабам английским.

Первый китайский указ о запрете этого зелья был издан в 1796 году. Складеировать опиум в портах было нельзя, но наркоторговцы нашли выход: его хранили на кораблях, стоявших на якоре у побережья, и торговля велась прямо с них. В конце XVIII века англичане ввозили в Китай ежегодно около 2 тыс. ящиков опиума (порядка 65 кг в каждом), в начале XIX века объем экспорта удвоился. В 1816 году он достиг 22 тыс. ящиков, а в 1837-м англичане ввезли уже 39 тыс. ящиков, выручив за них порядка 25 млн юаней (более 6 млн, или более 16 млн лянов серебра).

Власти Китая запрещали ввозить, покупать, продавать и потреблять опиум в 1822, 1829, 1833 и 1834 годах, однако поставки наркотика неуклонно увеличивались, причиной чему была чудовищная коррупция в среде китайского чиновничества. Вскоре после появления первого запрета на опиум один из английских торговых агентов писал в донесении: «Все уверены, что начальник морской таможни втайне поощряет эту незаконную торговлю в целях личного обогащения, и он, конечно, не будет активно ей препятствовать».

В 1809 году наместник южных провинций Гуандун и Гуанси Бай Лин запретил ввоз опиума самым решительным образом. Однако в докладе английского навигационного комитета, составленном через два года, говорилось: «Приказ губернатора о запрещении опиума – всего лишь слова в официальном документе, власти давно уже потворствуют контрабандным перевозкам, используя их в качестве удобного средства наживы». Такое положение вещей не было секретом для Пекина. В 1813 году император Юньян писал в своем указе, что «во всех морских таможнях есть подлецы, которые в личных интересах взимают опиумные сборы в серебре. Нужно ли удивляться, что приток этой отравы все время увеличивается».

Еще яснее опасность опиума видел следующий император – Даогуан, занявший престол в 1820 году. Спустя два года он объявил на всю Поднебесную, что «опиум, проникая в страну, сильно вредит нашим обычаям и отражается на умственных способностях людей. Все это происходит потому, что таможенные чиновники в портах допускают контрабандную торговлю, которая приобрела большой размах». В указе император в очередной раз запретил чиновникам брать взятки, но те почему-то не образумились. Когда Даогуан потребовал от наместника провинций Гуандун и Гуанси Юань Юаня принять наконец действенные меры против коррупции и контрабанды, тот отписал императору, что в таких делах «следует действовать увещанием», а надлежащие меры следует «не торопясь обдумать».

К концу первой четверти XIX века в Китае фактически сложилась очень мощная наркомафия, имеющая связи на самом верху. Главными «опиумными» позициями были пост губернатора провинции Гуандун, в которой находился единственный открытый для иностранцев порт Гуанчжоу, и пост главы морской таможни Гуандуна. Так, в 1826 году гуандунский губернатор Ли Хунбинь отрядил специальное судно для сбора взяток с иностранцев за разрешение торговать опиумом. Судно привозило главе провинции ежемесячно около 36 тыс. лянов серебра. Система работала четко. Регулярно, раз в несколько лет, из столицы приезжали ревизоры, которые изымали в казну часть полученных от иностранцев денег, никого при этом не наказывая. Свою долю получал и император. Ему гуандунская таможня три раза в год отправляла бэйгун: дарила диковины заморского происхождения вроде часов и музыкальных шкатулок.

Схема распространения наркотика была такой. Англичане доставляли ящики с опиумом на корабли-склады в провинции Гуандун. Потом товар перегружался на джонки, которые доставляли его в порты прибрежных провинций Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу и Шаньдун, а также в порт Тяньцзинь недалеко от Пекина. Оттуда наркотик расходился по всему Китаю: торговцы доставляли его на лодках и повозках. По свидетельству современников, склады и торговые точки, где можно было приобрести опиум, работали в каждом крупном городе.

Борьба с наркоторговлей превратилась для китайских чиновников в выгодный бизнес. Так, активную борьбу с контрабандой повел капитан

корабля береговой охраны Хань Чжаоцин, который регулярно сдавал государству по несколько ящиков опиума, якобы конфискованных у контрабандистов. На самом деле англичане просто давали грозному таможеннику взятки натурой, а потом он получал награды от правительства. Хань Чжаоцину были пожалованы звание адмирала и почетное право носить павлиньи перья. Встав во главе эскадры, он начал развозить опиум на военных кораблях, и за время его адмиральства ввоз наркотика вырос до 40-50 тыс. ящиков в год.

Курение опиума приобрело в Китае массовый характер: к середине XIX века там было около 2 млн курильщиков (население страны составляло порядка 400 млн человек). Хуан Цзюэцзы, крупный сановник, ставший впоследствии идейным вдохновителем борьбы с опиумом, писал в докладе, поданном императору: «Начиная с чиновничьего сословия вплоть до хозяев мастерских и лавок, актеров и слуг, а также женщин, буддийских монахов и даосских проповедников – все среди бела дня курят опиум». По подсчетам Хуан Цзюэцзы, выходило, что из десяти столичных чиновников наркотик употребляют двое, из десятка провинциальных – трое, а из десяти служащих уголовной и налоговой полиции – уже пятеро-шестеро.

Стремилась приобщиться к опиуму и низшие слои населения. В 1842 году губернатор провинции Чжэцзян Лю Юнькэ сообщал в Пекин, что в уезде Хуанянь днем не услышишь человеческого голоса, поскольку население лежит по домам, обкурившись, и только ночью приходит в себя, чтобы сбегать за новой дозой.

Тем не менее курение опиума было дорогим удовольствием. По подсчетам современников, курильщик опиума тратил на зелье в год около 36 лян серебра. При этом общий годовой бюджет среднего крестьянина составлял примерно 18 лян.

Наркомафия, располагавшая значительными финансовыми средствами и административным ресурсом, превращалась в серьезную силу. Во всяком случае, суровые указы Даогуана не мешали ей чувствовать себя вполне комфортно. Китайский хронист того времени писал: «Люди, занимавшиеся борьбой против опиума, и те, кто его продавал и потреблял, взаимно защищали и покрывали друг друга. Они объединились, подобно шайке жуликов, для осуществления своих темных дел и не давали возможности ни проверить их, ни наказать».

Разборка в большом Кантоне

Распространение опиума пагубно сказывалось не только на здоровье и кошельках жителей Поднебесной, в опасности оказалась государственная казна. Отток серебра из страны приобретал все более угрожающие масштабы, а ведь на этом металле основывалась финансовая система Китая. Поднаторевший в статистике Хуан Цзюэцзы в связи с этим представил в 1838 году Даогуану доклад. Выходило, что с 1823-го по 1831 год из Китая ежегодно вывозилось 17 млн ляннов серебра, с 1831-го по 1834-й – по 20 млн ляннов, а с 1834-го по 1838-й страна ежегодно теряла порядка 30 млн ляннов. «Если так будет продолжаться дальше, то как мы сможем финансировать государственные нужды, как сбалансируем бюджет?» – беспокоился Хуан Цзюэцзы.

Императору было о чем задуматься. Помимо всех прочих напастей возникла и вполне ощутимая угроза трону: опиум стал распространяться среди солдат, включая маньчжуров. Более того, опиум проник в самую Маньчжурию, оплот Цинской династии. А в случае потери боеспособности своих войск маньчжуры могли потерять и весь Китай.

В 1838 году Даогуан собрал на совет высших сановников и губернаторов провинций с тем, чтобы решить, что делать с опиумом. На совете столкнулись мнения трех группировок. Во главе первой стоял канцлер Му Чжанэ, который выступал за сохранение существующего положения. Он указывал, что запрещать опиум не имеет смысла, поскольку это делалось уже не раз, а разрешать было бы самоубийственным для государственного престижа. Кстати, контрабандистам, которые наживались не только на торговле наркотиком, но и на борьбе с ней, такая легализация тоже была невыгодна.

Вторая группировка поддержала сановника Сюй Найцзи, который в 1836 году предложил легализовать опиумный бизнес, но обложить его налогом. При этом выдвигалась идея импорто-замещения: зачем отдавать серебро англичанам, если опиум можно производить у себя? Действительно, во внутренних районах Китая в течение ряда лет посевы мака стабильно увеличивались и местный опиум уже всюду

завоевывал рынок. Этот продукт был хуже и дешевле индийского, его употребляли главным образом бедняки, но китайским наркопроизводителям уже хотелось потеснить на рынке англичан и их посредников. За легализацию опиума с последующим налогообложением выступил и наместник ключевых в опиумном бизнесе провинций Гуандун и Гуанси Дэн Тинчжэнь.

Третью партию представляли Хуан Цзюэцзы и его друг Линь Цзэсюй (оба, между прочим, входили в кружок поэтов «Сюань-нань»). Они требовали незамедлительного принятия самых жестких мер по искоренению торговли и потребления опиума. В то время как Хуан Цзюэцзы занимался статистическими подсчетами, Линь Цзэсюй, будучи наместником провинций Хунань и Хубэй, взялся за непосредственную борьбу с наркотиком. В 1838 году он сумел реквизировать у населения более 5 тыс. трубок и 12 тыс. лянов опиума. Кроме того, поэт-губернатор начал сбор пожертвований на создание чудодейственного средства, которое должно было избавлять людей от наркотической зависимости.

В результате император встал на сторону непримиримых противников опиума и назначил Линь Цзэсюя своим чрезвычайным уполномоченным в провинции Гуандун, приказав покончить с опиумом раз и навсегда.

Прослышав о том, что в его провинцию едет ревизор, губернатор Гуандуна мгновенно перековался из сторонника легализации наркотиков в ярого врага наркомании. Впрочем, китайским наркобаронам, наладившим производство опиума, разборка с англичанами – пусть и руками принципиального идеалиста – могла быть даже полезна...

18 марта 1839 года Линь Цзэсюй прибыл в Гуанчжоу, и большая разборка началась. Первым делом комиссар Линь задержал 22 английских судна с опиумом. Затем в тот же день он собрал у себя представителей всех фирм, торговавших с иностранцами, и потребовал от них прекратить операции с опиумом, а также полную опись хранящегося на складах зелья.

Представлявший английские интересы капитан Чарльз Эллиот попытался противодействовать Линь Цзэсюю, организовав побег нескольких торговцев опиумом. В ответ Линь блокировал английские фактории и приказал всем китайцам прекратить работу на англичан. В

итоге Эллиоту пришлось сдать китайцам 20 тыс. ящиков с наркотиком. С 3 по 25 июня люди Линь Цзэсюя уничтожали реквизированный опиум: заливали его морской водой и, высушив, сжигали. Наркотоорговцы пожаловались своей «крыше», и «крыша» не бросила их на произвол судьбы.

Британия потребовала от Китая возместить торговцам нанесенный им ущерб. Линь Цзэсюй был, в принципе, не против: он намеревался откупиться от англичан чайным листом. Однако Пекин посоветовал Линь Цзэсюю самостоятельно искать средства для выкупа, и нужного количества чая собрать не удалось. Линь Цзэсюй решил требовать от всех английских капитанов расписку в том, что они не будут ввозить опиум, грозя при этом смертной казнью каждому нарушителю договоренности. Эллиот же запретил англичанам подписывать что бы то ни было и, естественно, выступил против возможного предания англичан китайскому правосудию. Масла в огонь подлил инцидент 7 июля: английский матрос в драке убил китайца. Линь потребовал выдать матроса, но Эллиот ему отказал, сославшись на то, что Китай и Великобритания не подписывали ни одного соглашения, в частности о выдаче преступников. В воздухе запахло войной.

Линь Цзэсюй войны не боялся, поскольку верил в непобедимость Поднебесной. К тому же он намеревался спроектировать пушку, которая наводила бы ужас на всех «варваров». Британию он рассчитывал сломить экономической блокадой. Линь писал друзьям: «Если варвары не получают от нас чайного листа и ревеня, то им придется туго, ведь жизнь без этих вещей для них не жизнь». А если Китай закроет для иностранцев свои порты, то «деловая жизнь в других государствах замрет». Кроме того, Линь полагал, что боеспособность британских войск оставляет желать лучшего, поскольку «у вражеских солдат ноги обмотаны очень плотно, и им поворачиваться неудобно, и если они высадутся на берег, то все равно не смогут действовать». Но англичане смогли.

Первое столкновение произошло 3 ноября 1839 года, когда китайские джонки пытались окружить два британских военных корабля. Британцы потопили четыре посудины, остальные предпочли ретироваться. После этого Великобритания послала к берегам Китая целую эскадру и потребовала от него возмещения убытков, возобновления торговли и какой-нибудь прибрежный остров для

устройства на нем колонии. Пекин считал для себя неподобающим отвечать «варварам», и в апреле 1840 года Великобритания объявила Китаю войну.

Вскоре англичане захватили Гонконг. Неудивительно, Китай смог выставить против них лишь плохо обученных, обкурившихся опиума солдат, вооруженных главным образом копьями, луками и кремниевыми ружьями. Линь Цзэсюй попытался привлечь к борьбе с англичанами народные массы, посулив за голову каждого «белоголового дьявола» 100 юаней и 50 юаней – за каждого «чернокожего дьявола», индийского сипая. Были даже энтузиасты, ответившие на призыв Линь Цзэсюя созданием «отрядов по усмирению англичан», однако обеспечить перелом в борьбе эти формирования не смогли. Британцы повсеместно громили китайские силы, а эскадра к тому же служила прикрытием для торговли. Под защитой королевского флота английские купцы продавали китайцам опиум по ценам, на 70 % ниже довоенных.

В ноябре 1840 года Линь Цзэсюй был отстранен от должности, объявлен «виновником всех бед» и удален в ссылку. 20 января 1841 года новый губернатор Гуандуна Ци Шань договорился о прекращении боевых действий. Англичанам были обещаны контрибуция 8 млн юаней и Гонконг, а также установление дипломатических отношений. Однако император не захотел подписывать мир на таких условиях, и война возобновилась.

Китайцы по-прежнему воевали из рук вон плохо, поражения следовали одно за другим. В октябре 1841 года англичане взяли город Динхай, а в июле 1842-го – Чженьцзян, расположенный на пересечении Янцзы и Великого канала. Теперь «варвары» фактически контролировали реку, разделяющую Китай на две части, и канал, по которому на север страны поставлялся рис. Императору оставалось лишь просить о мире, который и был заключен 29 августа 1842 года на палубе английского корабля «Корнуэлс». Договор получил название Нанкинского, поскольку был подписан вблизи исторической столицы Китая Нанкина.

По этому документу Китай отдавал Великобритании Гонконг, открывал для торговли с европейцами города Гуанчжоу, Нинбо, Сямынь, Фуджоу и Шанхай, а также должен был выплатить 21 млн юаней в качестве контрибуции. Что касается торговли опиумом, то она

Нанкинским договором не запрещалась и не разрешалась. В результате английский экспорт опиума продолжал расти и к 1851 году перевалил за 55 тыс. ящиков в год. Победа над Китаем оказалась выгодной не только наркодилерам. В 1842 году в Китай было ввезено товаров британского производства на сумму 969,3 тыс., а в 1845 году – уже более чем на 3 млн. При этом не обходилось без курьезов: были случаи, когда английские фирмы решали наводнить Китай ножами и вилками или направляли туда крупные партии роялей.

После подписания Нанкинского договора Китай заключил еще несколько соглашений с Англией, Францией, Россией и США, предоставив им примерно равные возможности в освоении Поднебесной в надежде, что «варвары» передерутся между собой. Этого не произошло, зато между собой передрались китайцы.

Борьба невежества с несправедливостью

Включение в мировую торговлю обошлось Китаю дорого: наркоманов меньше не стало, а серебро продолжало уходить за границу. В 1843 году залян серебра давали 1656 медных вэней, а в 1849-м он стоил уже 2355 вэней, что не могло не сказаться на благосостоянии жителей Поднебесной, которым платили за работу главным образом медной монетой.

Недовольство населения использовали в своих интересах тайные общества, включая знаменитую впоследствии «Триаду». Все они рассчитывали в один прекрасный день поднять восстание и сбросить власть ненавистных Цинов. Больше других в деле борьбы с маньчжурами преуспело «Бай шанди хуэй» («Общество небесного отца»), которое намеревалось покончить одновременно и с Цинами, и с опиумом.

«Бай шанди хуэй» было основано в 1843 году сельским учителем Хун Сюцюанем, который имел все основания быть недовольным Цинами, поскольку трижды проваливался на экзаменах на право занятия государственных должностей. Учитель Хун всерьез решил поквитаться с ненавистным конфуцианством (на экзаменах требовали знания конфуцианских текстов), а кроме того, прочтя несколько христианских миссионерских брошюр, возомнил себя избранником нового бога. Так или иначе, благодаря своим пламенным речам Хун Сюцюань сумел сплотить большую группу единомышленников. А после поражения Китая в первой «опиумной» войне их стало еще больше.

Организация Хун Сюцюаня втайне разрабатывала новое вероучение, а заодно готовила восстание с целью свержения маньчжуров. Выступление было назначено на 11 января 1851 года и действительно началось строго по расписанию. Повстанцы сожгли все свое имущество и провозгласили основание «Тайпин тяньго» – Небесного государства великого благоденствия (отсюда и название повстанцев – тайпины). Сам Хун Сюцюань присвоил себе титул царя небесного – «тянь вана».

Тайпины двинулись по стране, громя пораженные опиумом цинские войска, грабя и убивая богатых и раздавая их имущество бедным. Путь

к великому благоденствию тайпинам виделся так: «Нужно добиться того, чтобы вся Поднебесная пользовалась великими благами, дарованными богом-вседержителем, чтобы все совместно обрабатывали землю, совместно питались и одевались, совместно расходовали деньги, чтобы все было поровну и никто не остался голодным и холодным».

19 марта 1853 года тайпины взяли Нанкин и сделали его своей столицей, переименовав в Тяньцзин («Небесная столица»). Поначалу европейские державы относились к тайпинам благосклонно, поскольку те были в некотором приближении христианами, а также обещали европейцам свободную торговлю в своем Небесном государстве. Однако тайпины беспощадно боролись с опиумом и к тому же не умели поддерживать на своих территориях надлежащий порядок. Все это не устраивало европейские державы, но до поры до времени тайпинов вполне можно было использовать для давления на Пекин.

В 1854 году Великобритания, Франция и США потребовали от Цинов подтверждения прежних договоров и официального разрешения торговли опиумом. Пекин отказал, что сделало новую войну неизбежной. В 1856 году китайцы захватили судно «Эрроу» под британским флагом, на котором плавали китайские контрабандисты. Инцидент был использован Великобританией как повод развязать войну. К ней присоединилась Франция: предлогом стало убийство миссионера Шапдэлена.

В июне 1858 года, после того как китайцы потерпели ряд решающих поражений, были подписаны так называемые Тяньцзинские договоры, по которым иностранцы могли использовать для торговли ряд новых портов, свободно перемещаться по стране и вести навигацию на Янцзы. Кроме того, в Пекине открывались посольства, пошлины были снижены, а торговля опиумом легализована.

Послы Великобритании и Франции отправились в соответствии с договором в Пекин на военных кораблях. В устье реки Байхэ китайцы обстреляли эскадру, после чего военные действия возобновились. Европейские войска высадились на севере Китая и, разгромив маньчжурскую конницу, вступили в Пекин, где первым делом разграбили и сожгли Летний дворец императора. Новый мирный договор, заключенный 25 октября 1860 года, в частности, подтверждал все положения Тяньцзинских договоров.

Теперь, когда Цины предоставили иностранцам свободу действий в Китае, оставалось только разобраться с тайпинами. Английский торговый флот наладил снабжение и перевозку цинских войск. Американец Уорд сформировал из английских матросов и филиппинских наемников «всегда побеждающую армию» – действительно наиболее боеспособное соединение, противостоящее тайпинам. Франция послала Цинам своих офицеров, стараниями которых был создан весьма успешно воевавший «отряд иностранных ружей».

Тайпины потерпели ряд поражений, после чего 1 июня 1864 года Хун Сюцюань покончил с собой, то ли выпив яд, то ли проглотив золотую пластину. 19 июля Нанкин пал. Гражданская война шла до конца 1868 года, однако большой угрозы для Цинской династии тайпины уже не представляли.

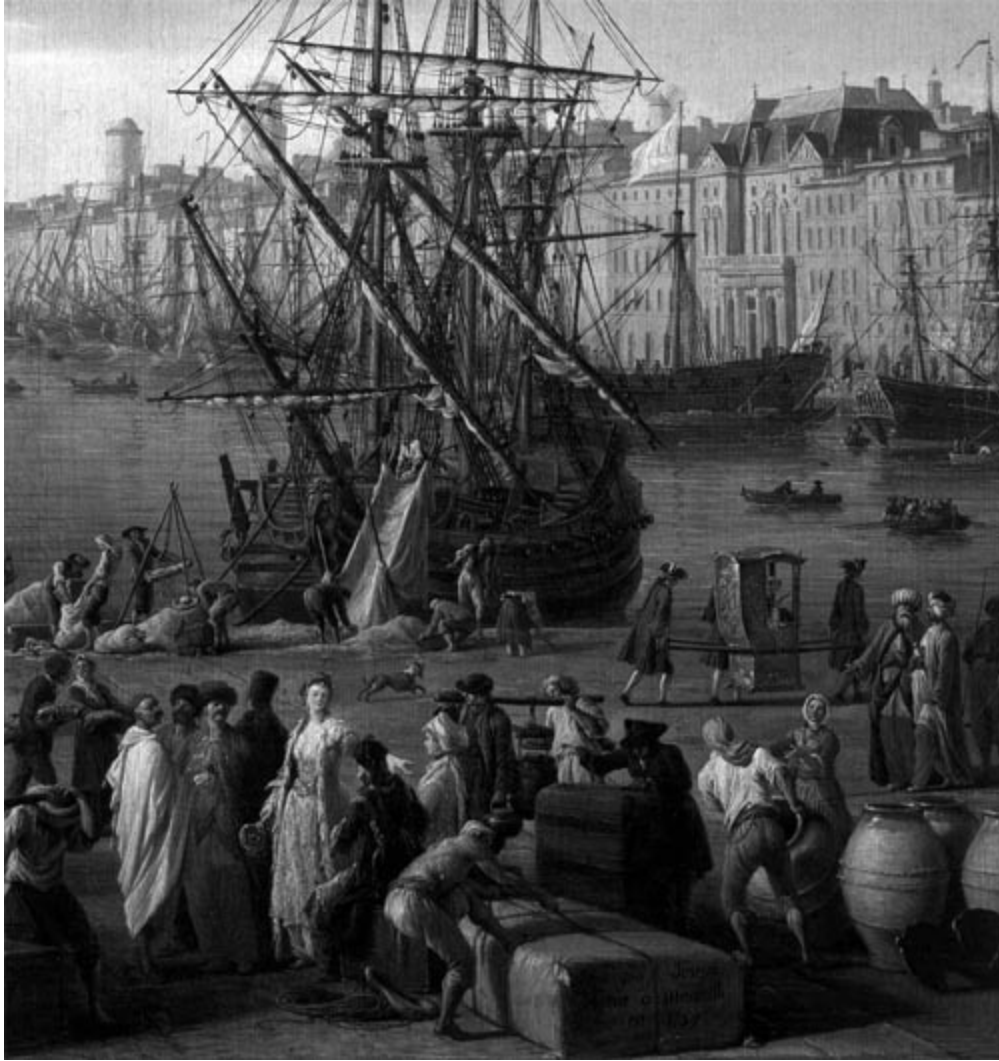
Так с помощью опиума европейцы разрушили вымышленный мир, в котором китайский император был повелителем вселенной, и открыли Китай для мировой торговли.

Кирилл Большаков

Глава колониальных товаров

Во все времена для бизнеса было важно иметь хорошие отношения с властью. Если же деловым людям предоставляется возможность самим стать властью, они ее обычно не упускают.

Однако современные масштабы притязаний бизнесменов не идут ни в какое сравнение с амбициями их далеких предшественников. Истории известно акционерное общество, которое взяло в аренду огромную территорию с многомиллионным населением и управляло им около 100 лет с немалой прибылью. Это британская Ост-Индская компания, которая просуществовала в целом почти три столетия и прошла путь от небольшой торговой фирмы до настоящего коммерческого государства.

Ост-Индская компания была первым в истории акционерным обществом

Первая акционерная

К концу XVI века Англия только начинала чувствовать вкус величия, а ее деловая элита едва отвоевала внутренний рынок у голландских и ганзейских купцов. Единственная ниша тогдашнего европейского рынка, в которой могущественные конкуренты терпели англичан, – торговля шерстью, – хотя и была достаточно доходной, не шла ни в какое сравнение со сказочными богатствами Америки, доставшимися испанцам, или с торговлей восточными пряностями, которую монополизировали голландцы и португальцы. В ту пору в английском обществе появилось новое поколение бизнесменов – купцы-авантюристы, которые готовы были плыть куда угодно независимо от степени риска, если только путешествие сулило прибыль. Не меньшими авантюристами были люди, готовые финансировать самые безумные экспедиции, лишь бы добраться до богатств неведомых земель. И те и другие готовы были рисковать ради установления торговых связей с Ост-Индией, как в ту пору называли все земли между Аравией и Китаем, откуда голландцы и португальцы везли специи, ценившиеся на вес золота. Однако, прежде чем рисковать жизнью и капиталом, следовало позаботиться о том, чтобы все обретенные богатства были надлежащим образом разделены между участниками предприятия. Лучшим способом зарезервировать грядущие прибыли в ту пору была соответствующая королевская хартия. И с получения такой хартии начался путь англичан на Восток.

22 сентября 1599 года в Лондоне состоялось собрание купцов, готовых на паях финансировать экспедицию в Ост-Индию. В число пайщиков пожелал вступить 101 человек. Взносы колебались от f100 до 3 тыс., всего собрать удалось 30 тыс. 133 фунта 6 шиллингов и 8 пенсов. Было решено учредить компанию, которая бы вела торговлю с Ост-Индией. 31 декабря 1600 года Елизавета I Тюдор подписала хартию об учреждении Ост-Индской компании, в которой компаньонам даровалось право на свой страх и риск, на собственные средства, а также во славу Английского королевства, в целях развития мореплавания и расширения торговли пускаться в предприятия и организовывать плавания в Ост-Индию. Компания получила право вести торговлю к востоку от мыса Доброй Надежды, приобретать в тех

краях земли и распоряжаться ими при условии соблюдения английских законов. Все другие английские подданные отныне могли заниматься коммерцией на Востоке только по лицензии, полученной от Ост-Индской компании, и сама королева обязалась без согласия компании таких лицензий не выдавать. Привилегии даровались компании на 15 лет, после чего хартия могла быть возобновлена при условии, что торговля с Ост-Индией окажется прибыльной. Таким образом, корона без всякого риска для себя даровала группе деловых людей право делать почти все, что угодно, в странах, которые никоим образом не подпадали под английскую юрисдикцию.

По сути, английская Ост-Индская компания была первым в истории акционерным обществом, поскольку до того сообщества торговцев, как-то Московская компания и другие, не имели уставного капитала, складывавшегося из взносов пайщиков, а были лишь объединениями купцов с равными правами.

Плаванья судов Ост-Индской компании на Восток сразу стали приносить впечатляющую прибыль. Первая экспедиция возвратилась с 1 млн 30 тыс. фунтов перца, что с лихвой окупало затраты пайщиков. Вторая принесла 95 % прибыли, а два последующих путешествия вместе – 234 % прибыли. Суда компании стали регулярно вывозить из Индии пряности, селитру, фарфор и ткани, что приносило акционерам немалый доход.

Трудности роста

Однако не все шло гладко. На Востоке англичане столкнулись с цивилизацией, которая мало походила на европейскую. Прежде всего им пришлось усвоить, что в Индии, которой правили Великие Моголы, у них нет никаких прав, а единственный закон здесь – воля местных правителей. Английские купцы были вынуждены угождать и давать взятки, что, впрочем, могло помочь не всегда. Прибывший в 1609 году ко двору Великого Могола Джахангира посланник компании Уильям Хокинс так полюбился Моголу за веселый нрав и страсть к горячительным напиткам, что владыка Индии запретил своему любимцу возвращаться на родину. Хокинс был вынужден подчиниться и, обзаведясь индийской семьей, остался при дворе навсегда. В другой раз служащий компании был принужден остаться в Дели оттого, что Моголу понравилось, как тот играл на кларнете.

Тем не менее трудности не могли остановить англичан. В 1612 году стараниями Хокинса Джахангир даровал Ост-Индской компании своим фирманом (указом) право вести торговлю и основывать фактории на землях его империи. Однако по-настоящему угодить делийскому двору англичане смогли в 1614 году, когда помогли индийцам отстоять город Гогу, на который напали португальцы. За этот подвиг Великий Могол издал другой фирман, давший англичанам право беспрепятственно торговать по всей Индии, а в 1624 году у компании уже был новый указ, позволявший беспошлинно торговать в Сурате, Камбее и ряде других городов. К тому же Могол милостиво разрешил компании захватывать любые неиндийские суда (чем англичане, собственно, и раньше не брезговали).

Проблемы у компании возникали не только с восточными деспотами, но и на родине, где чиновники были не прочь поучаствовать в дележе прибыли. Так, в 1622 году флот компании помог персидским кораблям разгромить португальский флот у Ормуза. Добыча оказалась огромной, а потому тогдашний лорд-адмирал герцог Букингем, воспетый впоследствии Александром Дюма в «Трех мушкетерах», потребовал своей доли. Директора компании отказали королевскому фавориту на том основании, что компания действовала при Ормузе на свой страх и риск, как то и определялось ее хартией, и

не получала никакой поддержки от адмиралтейства. Между Букингом и Ост-Индской компанией началась долгая тяжба, в которой у акционерного общества не было шансов на победу, поскольку дело рассматривалось в адмиралтейском суде. К тому же Букингем начал под разными предлогами задерживать корабли компании в портах, что приносило значительные убытки. В итоге директора пошли на мировую и выплатили герцогу £10 тыс.

Английское правительство тоже не всегда соблюдало условия хартии. Протектор Английской республики Оливер Кромвель относился к монополии толстосумов из Сити без особого почтения и даже не пытался оберегать привилегии компании. Возникшая конкуренция резко понизила доходы акционеров, и в 1657 году компания объявила о намерении продать хартию на Лондонской бирже. В том же году Кромвель сменил гнев на милость и предоставил компании новую хартию, заодно реформировав ее паевую систему. Если раньше взносы делались для каждой экспедиции, а прибыль делилась после возвращения, то теперь компания превращалась в акционерное общество в современном смысле: купцы-пайщики становились держателями акций, по которым начислялись дивиденды.

В 1698 году корона преподнесла компании неприятный сюрприз, не встав на защиту дарованных хартиями монопольных прав. Английские купцы, недовольные привилегиями акционеров, создали новую компанию, которая взялась торговать с Индией без лицензии Ост-Индской компании. Дело несколько раз чуть не доходило до поножовщины между агентами двух компаний. Спор разрешился в 1702 году, когда обе фирмы составили Объединенную компанию купцов, торгующих с Ост-Индией.

Но самой большой проблемой для компании все же были иностранные конкуренты. На юге Индии действовала Французская Ост-Индская компания, которая, хотя и была создана лишь в 1664 году, сумела захватить город Пондишери и подчинить себе несколько княжеств, включая крупное государство Хайдарабад. Французы изобрели тактику, позволившую им к середине XVIII века быстро обойти англичан: они навязывали индийским князьям так называемые субсидиарные договоры. Суть заключалась в следующем: французы формировали отряды сипаев (наемников индийского происхождения), обучали их на европейский манер, вооружали и приставляли

французских офицеров; затем эти отряды размещались на территории того или иного индийского княжества для защиты его от врагов, причем местный раджа обязывался эти отряды субсидировать (содержать за свой счет). При этом правитель, подписавший такой договор, отказывался от самостоятельного ведения внешней политики, передавая ее в руки своих французских покровителей. Многие индийские князья были даже рады таким договорам, поскольку империя Моголов окончательно обессилела и в стране шли постоянные междоусобные войны, в которых лишиться и княжества, и жизни было проще простого. Войска же, обученные европейцами, были самой боеспособной силой в стране, и субсидиарный договор давал князю возможность почувствовать себя в безопасности. Однако англичане сумели перенять французский опыт и вскоре сами начали набирать сипайские отряды. Копирование бизнес-плана конкурентов пошло на пользу англичанам. Французы понесли ряд военных и торговых поражений и в 1761 году окончательно утратили свои позиции в Индии.

Покупай и властвуй

Понемногу компания прибирала к рукам в Индии все новые территории. Особенно повезло англичанам в 1717 году, когда Великий Могол Фаррукшир внезапно заболел, а индийские лекари ничего не могли с этим поделать. К счастью для Могола, в Дели оказались послы компании, в свите которых находился некий доктор Гамильтон, оказавшийся знающим врачом. Владыка поправился и предложил Гамильтону просить, чего его душа пожелает. Гамильтон оказался лояльным служащим и попросил предоставить компании новые привилегии в Бенгалии. Фаррукшир подарил англичанам три деревни под Мадрасом и дал право купить еще 37 населенных пунктов. Компания воспользовалась щедрым предложением. Фаррукшир также освободил англичан от таможенных пошлин при условии ежегодной уплаты в казну 3 тыс. рупий. Отныне товары англичан освобождались от таможенного досмотра. В результате доходы компании выросли с £278,5 тыс. в 1717 году до £364 тыс. в 1729-м.

Компания обзавелась армией и флотом, чеканила собственную монету, организовала на подвластных территориях собственную бюрократию и день ото дня все больше походила на государство. Всеми делами управлял совет директоров, в который входили 24 директора, избираемые ежегодно на собраниях акционеров. Директора управляли комитетами, которые вели переписку с представителями компании на местах. Учитывая, что распоряжения из Лондона доходили до Индии в лучшем случае за четыре месяца, управляющие на местах наделялись огромными полномочиями. Служба в компании не без основания считалась прибыльным делом, а потому руководство имело возможность отбирать для работы в Индии наиболее образованных и способных молодых людей. Обычно от кандидатов требовались знание основ коммерции и владение восточными языками, что, впрочем, не отменяло необходимости высокой протекции или взяток.

Настоящей находкой для компании оказался молодой офицер Роберт Клайв.

Родившийся в 1725 году Клайв был трудным ребенком. Он был вздорен, ленив и совершенно не желал учиться, за что его выгнали из

школы. Когда юноше исполнилось 18 лет, его отправили в Мадрас на службу в Ост-Индской компании. Там молодой человек поначалу часто затевал ссоры, подрался на дуэли, пристрастился к опиуму, а также совершил несколько попыток самоубийства. Однако чего не смогли добиться учителя и воспитатели в Англии, сумела сделать библиотека мадрасского губернатора: юный Клайв увлекся чтением и в короткий срок ликвидировал пробелы в образовании. Во время войны с французами он отличился, за что получил звание полковника. Но звездный час настал для него в 1756 году, когда наваб (правитель) Бенгалии Сурадж уд-Доула захватил принадлежавшую англичанам Калькутту.

Компания приказала полковнику Клайву отбить Калькутту, что он и сделал. Но этого ему было мало, и он организовал против наваба заговор, в котором участвовали связанные с компанией бенгальские ростовщики и вельможи.

Клайв возобновил войну, и 23 июня 1757 года войска компании сошлись с армией Сураджа уд-Доулы под Плесси близ Калькутты. Войско наваба превосходило отряд Клайва примерно в 20 раз. Тем не менее индийцы были наголову разгромлены, Сурадж уд-Доула лишился трона и головы, а Бенгалию возглавил предавший своего наваба полководец Мир Джафар, ставший послушной марионеткой в руках Клайва. Отныне компании принадлежали огромные территории на востоке Индии с многомиллионным населением. Лондонским акционерам пришлось выступать в роли собственников целой страны, что их, впрочем, нисколько не испугало.

Страна больших возможностей

Чем больше компания походила на государство, тем больше ее менеджеры становились похожи на коррумпированных чиновников. После битвы при Плесси Клайв присвоил себе £234 тыс. из казны наваба, которая теоретически должна была перейти под контроль компании. Но не один лишь Роберт Клайв умел делать деньги: если самой компании удалось с 1757-го по 1765 год вывезти из Бенгалии £5,26 млн, то за тот же период к рукам ее менеджеров «прилипло» около £3 млн. Персонал действовал в Индии в своих интересах с неменьшим усердием, чем в интересах акционеров, что в течение ближайших 20 лет поставило компанию на грань банкротства.

Дела в Бенгалии велись с размахом. Англичане и их индийские агенты торговали беспощадно, в то время как для остальных купцов были введены многочисленные таможенные посты. На компанию работали тысячи местных ткачей, которым выплачивались небольшие авансы, а готовая продукция изымалась по мизерным ценам. Ткачам запрещалось работать на сторону, пока не был выполнен заказ компании.

Налоги, значительно увеличенные англичанами, также взимались в пользу компании, в то время как навабы довольствовались фиксированной пенсией. Британцы не изменили существовавшей в Индии системы налогообложения: главным налогом оставался поземельный, его собирали с крестьян заминдары – наполовину помещики, наполовину откупщики. Они вносили в казну фиксированные суммы, а из крестьян выколачивали столько, сколько те могли уплатить. Английская администрация работала эффективнее слуг наваба: налоги не только были повышены, повышалась и их собираемость. Так, в 1763 году компания собрала в Бенгалии £646 тыс., в 1764-м – 762 тыс., а в 1765-м – 818 тыс.

На собранные таким образом средства компания закупала интересующие ее товары для отправки в Европу. Впрочем, торговые операции в Индии также проводились на основе принципов, отличных от законов свободного рынка. Один из служащих компании описывал процесс купли-продажи так: «Агент компании насильно заставлял жителей покупать его товары либо продавать свои. В случае отказа

немедленно следует порка или тюрьма. Агенты компании платят за забираемые товары гроши либо ничего не платят».

Сам Клайв, описывая ситуацию, сложившуюся в Бенгалии в период его правления, говорил: «Я могу сказать лишь, что такой анархии и коррупции, как в Бенгалии, я не видел ни в одной стране. Служащие накладывали контрибуцию и вымогали деньги у каждого, кто имел хоть какую-либо власть, начиная от наваба и кончая последним заминдаром».

Опустошению подверглась не только Бенгалия, и страдали не одни лишь крестьяне и ткачи. Служащие компании опутывали долговыми обязательствами целые княжества. Так, правитель княжества Карнатик наваб Мухаммед-Али допустил на свои земли субсидиарные войска компании, которым, как выяснилось, он платить не может. Наваб задолжал компании, а чтобы платить по счетам, начал одалживать у ее служащих. Долг все рос и рос, достигнув к 1769 году f880 тыс. Одним из главных кредиторов Мухаммеда-Али оказался некий Пол Бенфилд, занимавший в Мадрасе должность архитектора с годовым окладом f200. Наваб был должен Бенфилду f230 тыс. Будучи младшим клерком компании, Бенфилд имел лучших лошадей в Мадрасе и жил в роскоши. Кроме Бенфилда, в операции по закабалению Карнатика принимали участие служащие среднего звена господ Тейлор, Меджен-ди, Колл, а также полковник Стюарт. Эти люди благодаря нажитым в Индии состояниям приобрели значительное влияние в высшей администрации компании и среди властных кругов Англии. Так, Бенфилд провел в палату общин семерых депутатов, а впоследствии сам сделался членом парламента. Своего поверенного Ричарда Аткинсона, который непосредственно занимался продвижением в парламент нужных людей, Бенфилд ввел в совет директоров компании, а также сделал его членом совета олдерменов (городского совета) Лондона.

Расплачиваясь с кредиторами, наваб Карнатика пустил своих подданных по миру, и в дело вмешался губернатор Мадраса лорд Пигот, попытавшийся обуздать аферистов. Лорд решил отправить к навабу своего представителя для расследования обстоятельств дела, однако мадрасский совет, члены которого уже были повязаны с группой Бенфилда, отклонил кандидатуру, предложенную Пиготом, и направил к Мухаммеду-Али полковника Стюарта. 24 августа 1776 года

полковник Стюарт арестовал губернатора Пигота и заключил его в тюрьму, где несчастный лорд вскоре скончался. В Англии началось парламентское расследование произошедшего, однако люди Бенфилда и его сообщников подкупили нужных депутатов, и дело было замято.

После смерти Мухаммеда-Али его земли, а также его долги перешли к компании, которая оказалась теперь должна собственным служащим 20 млн 390 тыс. 570 фунтов. В итоге большую часть долга компания платить отказалась, однако 1 млн 346 тыс. 796 фунтов все же были выплачены кредиторам покойного наваба.

Служащие компании составляли себе состояние и более простыми способами. Так, английский наместник Динаджпура – одной из бенгальских областей – Джеймс Гудлэд назначил управлять сбором податей индийца Деби Синга, который ранее был выгнан компанией со службы за излишнюю жестокость. При том что Гудлэд оставался в стороне, его протеже буквально до нитки ограбил динаджпурцев, выколачивая из них все, что те имели. В Динаджпуре было разрушено ремесло, на треть сократились посевы (Деби Синг забирал даже то зерно, которое предназначалось для сева), население начало разбегаться по джунглям. На дорогах были выставлены патрули, которые возвращали беженцев обратно.

Похожим образом разбогател полковник Хэнни, который был направлен в княжество Ауд в качестве командующего бригады субсидиарного войска. Бригада должна была кормиться за счет сборов с провинций Барриах и Горкапур, но полковник Хэнни не мог доверить столь важную задачу, как сбор податей с этих провинций, туземным чиновникам. Полковник оккупировал провинции и, сделавшись в них полновластным правителем, взял все, что только смог. Правитель Ауда пожаловался генерал-губернатору Гастингсу на самоуправство офицера компании, однако Хэнни был отозван лишь после того, как в Ауде вспыхнуло антианглийское восстание.

Бывало, что менеджеры компании шли даже на киднепинг. В 1767 году умер махараджа Бурдвана (область в Бенгалии) Тилак Чанг, и его земли унаследовал малолетний сын. Вдова Тилак Чанга Рани назначила регентом своего родственника Лалла Уми Чанда, однако английский наместник Джон Грэм потребовал, чтобы регентом стал его агент, некий Брадж Кисора. Рани отказалась передать Браджу Кисоре печать махараджи, дающую право распоряжаться бурдванской

казной. В ответ люди Грэма похитили сына Рани и удерживали его, пока вдова не отдала печать. Брэдж Кисора разграбил казну махараджи, а Джон Грэм стал богатым человеком.

Выходя в отставку, служащие компании возвращались в Англию богачами, тонули в роскоши, покупали поместья обедневших лордов и по привычке продолжали подкупать чиновников и парламентариев. Их ненавидели все – от газетчиков и благочестивых буржуа до пэров Англии. Их считали вульгарными нуворишами с нечистой совестью и нечестно нажитым богатством и называли набобами (искаженное «наваб»). С тех пор до нас дошла поговорка «богат как набоб».

Социальная ответственность бизнеса

Главным набобом Англии был сам Роберт Клайв, вернувшийся на родину хозяином огромного поместья под Калькуттой, которое давало £223 тыс. в год. Король Георг III присвоил ему титулы лорда и барона Плесси. Клайв купил место в парламенте, однако его беспокойная душа рвалась обратно на Восток. Скупив контрольный пакет акций компании, Клайв вернулся в Индию и принудил директоров вновь назначить себя губернатором Бенгалии. Второе губернаторство Клайва продолжалось с 1764-го по 1767 год. А в 1769 году в Бенгалии вспыхнул страшный голод, погубивший почти 10 млн человек, то есть около трети населения страны. Началось все из-за того, что, несмотря на засуху и неурожай, налоги не были понижены, как это обычно происходило при навабах. Проблему усугубило то, что британцы не заботились об ирригационной системе страны, что привело к ее упадку и не позволило справиться с засухой. Хозяйство Бенгалии было полностью разрушено, население разорено, и грабить было уже просто нечего.

Вести о голоде должны были сказаться на котировках акций компании не лучшим образом, а потому руководство компании в лице самого могущественного из ее директоров, Лоуренса Салливана, не сообщило акционерам о несчастье, постигшем Бенгалию. Директора были переизбраны советом акционеров на новый срок, но скрывать правду о голоде бесконечно было невозможно. Уже в 1773 году компания стояла на пороге банкротства и просила правительство Великобритании оказать ей помощь.

С этих пор за компанию взялся парламент, тон в котором задавали виги – либеральная партия, видевшая в набобах рассадник коррупции, а в самой компании – оплот реакционеров. Первый удар парламентарии нанесли компании в 1767 году, когда обязали ее ежегодно вносить в казну по £400 тыс. После кризиса 1773 года парламент принял так называемый Акт об управлении Индией, ставящий действия компании под контроль государства. Согласно этому акту, все губернаторы компании подчинялись генерал-губернатору, который одновременно был правителем Бенгалии. Генерал-губернатор должен был править вместе с бенгальским советом

– органом, члены которого назначались правительством, а не компанией. Тогда же по инициативе вигов парламент расследовал деятельность Роберта Клайва, обвиняемого в злоупотреблениях. Свою защиту герой Плесси построил на том, что на его месте любой другой взял бы значительно больше. Парламент признал Клайва виновным, после чего оправдал, поскольку тот «оказал большие похвальные услуги своей стране». Тем не менее ранимая душа любителя опиума не вынесла унижений: в 1774 году Роберт Клайв исполнил то, чего не сумел сделать в юности, – покончил с собой. Истинные причины и обстоятельства самоубийства завоевателя Бенгалии до сих пор остаются неизвестными.

Казалось, после принятия Акта об управлении Индией компания должна была лишиться независимости, однако ее бюрократы сумели обойти государственных. Первый генерал-губернатор Индии Уоррен Гастингс был верен интересам ее служащих. Он эффективно противостоял попыткам госчиновников поставить деятельность компании под контроль и даже дрался на дуэли с представителем короны Филипом Фрэнсисом, который пытался передать власть над Индией в руки государства. Фрэнсис был ранен и уехал в Англию обиженным. Так генерал-губернатор с оружием в руках отстаивал интересы компании и ее служащих. В итоге Гастингсу все же пришлось, как и Клайву, отвечать перед британским правосудием по обвинению в злоупотреблениях. Он тоже был оправдан и, в отличие от Клайва, дожил свой век в почете и богатстве.

Однако парламентарии не успокоились. В 1784 году парламент создал контрольный совет, с которым совет директоров компании должен был согласовывать свои действия. Серьезным ударом был парламентский акт 1813 года, который отнял у акционерного общества монополию торговли с Востоком, за исключением торговли китайским чаем, а в 1833 году компания лишилась и этой привилегии. На этом ее торговая деятельность была завершена, и она фактически превратилась в подрядчика государства по управлению Индией.

По словам английского историка XIX века Томаса Маколея, компания была «подданным в одном полушарии и сувереном в другом», причем ни в том, ни в другом она большую часть своего существования не пользовалась популярностью. В Англии парламент не оставлял попыток поставить деятельность компании под контроль,

а в Индии восстания следовали одно за другим. Посетивший Индию в первые годы XIX века английский натуралист доктор Хайн писал, что в душе индийцев «кротость граничит со склонностью к убийству, а благость выливается в разбой и грабеж. Подчиненный бессловесно сносит притеснения вышестоящего, но это вовсе не означает смирения первого. Дайте ему волю, предоставьте возможность мести, и станет ясным, каков он в действительности. Он моментально становится высокомерным, и его обидчику нечего ждать, кроме смерти».

Несмотря на ограничения со стороны парламента, компания оставалась собственником значительной части Индии, ее владения продолжали расти, а дивиденды акционеров не опускались ниже 10 %. Компания отнимала лучшие провинции у вассальных княжеств иногда за долги, а иногда просто так, а если после смерти князя у него не оставалось прямых наследников мужского пола, земли княжества также переходили в собственность компании. Изрядная часть индийских налогов шла на содержание армии компании, в которой к 1830 году служили 223,5 тыс. человек. В ту пору это была самая большая армия в мире. Она была нужна компании, чтобы собирать налоги и подавлять восстания.

Гром грянул в 1857 году, через 100 лет после победы Клайва под Плесси. Уставшие быть орудием притеснения своих соотечественников сипаи бенгальской армии, расквартированной в северных районах Индии, подняли восстание и, перебив своих офицеров-англичан, заняли Дели. Поводом к восстанию стало нежелание сипаев использовать поступившие на вооружение новые ружья Энфилда. По слухам, бумажная обертка патрона, которую надо было скусывать зубами, пропитывалась коровьим или свиным жиром. Таким образом, и мусульманин, и индуист совершали страшное кощунство, дотрагиваясь зубами до этих патронов.

Восстание быстро распространилось на север Индии. В результате действий восставших власть компании во внутренних районах Индии повсеместно рушилась. Несмотря на то что мадрасская и бомбейская армии сохранили лояльность в отношении англичан, компания была не в состоянии самостоятельно справиться с кризисом. Понадобились крупные подкрепления из Англии, которые смогли в итоге обеспечить подавление восстания.

В Индии еще грохотали пушки, когда 2 августа 1858 года британский парламент принял закон об улучшении управления Индией. Ост-Индская компания полностью отстранялась от управления Индией, а ее владения переходили Великобритании. Индия становилась колонией и частью Британской империи. Контрольный совет ликвидировался, а его функции, как и функции совета директоров компании, переходили создаваемому министерству по делам Индии. Акционерам компании выплачивалась компенсация в размере £3 млн, причем выплаты осуществлялись за счет бюджета Индии. Процедуры, связанные с передачей дел корпорации государству, затянулись на 15 лет: официально Ост-Индская компания была ликвидирована лишь в 1873 году.

Оставив печальный след в истории Индии, компания-государство была национализирована, но опыт ее служащих был востребован королевской администрацией. Не менее востребованными оказались в Великобритании и те богатства, которые компания выкачивала из своих владений. Несметные сокровища, лежавшие мертвым грузом во дворцах раджей или шедшие на содержание гаремов, в Англии превращались в фабрики и железные дороги, которые в итоге изменили жизнь и самой Индии.

Справочник акционера

Морская компанейщина

Нидерландская Ост-Индская компания была основана в 1602 году по инициативе голландского правительства. Компания получила монопольное право торговать, основывать фактории и приобретать в собственность земли в бассейнах Индийского и Тихого океанов. Компания захватила значительную часть современной Индонезии и южное побережье Африки. Центром владений голландцев стал город Батавия на острове Ява. Основные доходы компании приносил вывоз пряностей с Зондских и Молуккских островов.

Плимутская компания создана в апреле 1606 года для колонизации Северной Америки. Акционеры, главным образом выходцы из Плимута, Бристоля и Эксетера, получили от английского короля право управления территориями между 38-й и 45-й параллелями северной широты (территория современных США). Колонии, основанные компанией, быстро пришли в упадок, и в 1620 году компания была ликвидирована.

Лондонская компания была создана в апреле 1606 года одновременно с Плимутской. Акционерами выступали лондонские купцы. Король предоставил компании хартию на управление землями между 34-й и 41-й параллелями северной широты (территория современных США). Колонизация шла успешно, и в 1609 году компания получила права на полосу шириной 640 км, протянувшуюся через весь континент от Атлантики до Тихого океана. В 1624 году компания судилась с королем Англии Джеймсом I, отстаивая свое право выращивать табак, проиграла процесс и была ликвидирована.

Французская Ост-Индская компания была основана в 1664 году по инициативе министра финансов короля Людовика XIV Жан-Батиста Кольбера. Многие купцы становились пайщиками компании под нажимом со стороны властей. Компания получила монопольные права на торговлю со странами Востока, право управлять всеми захваченными территориями, объявлять войну и заключать мир. Компания овладела южными районами Индии, центром ее владений стал город Пондишери. С 1744-го по 1761 год вела борьбу с Британской Ост-Индской компанией за контроль над Индией и

потерпела поражение. Лишившись своих владений, компания перестала приносить прибыль, и в 1789 году была распущена.

Компания Гудзонова залива создана в 1670 году английскими купцами для поиска северного морского пути в Тихий океан. Компания начала осваивать территории к западу от французской Канады (Квебек, Монреаль). Основным предметом вывоза компании была пушнина. Компания получила в управление территории от Лабрадора до Скалистых гор, что составляет порядка трех четвертей территории современной Канады. В 1870 году Компания Гудзонова залива продала свои права на управление этими территориями правительству Канады за £300 тыс.

Западная компания (Компания Миссисипи) была создана в 1717 году во Франции шотландским финансистом Джоном Лоу. Ей были переданы территории бассейна Миссисипи, а также монополия на торговлю рабами и табаком. Акционерам выплачивались высокие дивиденды за счет средств, поступающих от продажи новых акций. Превратившись в финансовую пирамиду, лопнула в 1720 году.

Королевская Нигерийская компания образовалась в 1886 году из Объединенной Африканской компании, которая не владела правами на управление территориями. Королевская Нигерийская компания получила права на управление территориями к северу от Лагоса и до северных границ современной Нигерии. Эти территории были завоеваны по инициативе директора и основателя компании Джорджа Голди. В 1900 году управление на этих землях перешло Великобритании.

Британская Южно-Африканская привилегированная компания была создана в 1888 году по инициативе Сесилия Родса. Компания получила право управлять территориями Северной и Южной Родезии (современные Замбия и Зимбабве), которые были ею завоеваны. В 1924 году правительство Великобритании выкупило у компании право на управление этими территориями за £3,75 млн. Сама компания существовала до 1965 года.

Дмитрий Кондратьев, Юрий Калашнов

Чем царь Петр окно в Европу прорубил

310 лет назад, в августе 1698 года, в России началась одна из самых примечательных денежных реформ. В результате этой реформы монеты приобрели правильную круглую форму, их больше не чеканили вручную: это стало делом техники. Благодаря ей в России стали использовать арабские цифры, гораздо более удобные, чем буквенные обозначения, перешли на летоисчисление от Рождества Христова, а не от сотворения мира. Кроме того, появилось много других мелочей, существование которых кажется нам вечным. Но все эти нововведения лишь копировали то, что уже давно было принято в Европе. Был, однако, у русской реформы и совершенно уникальный итог – утверждение десятичного принципа денежного счета, который через несколько десятилетий был заимствован у России другими странами и распространен на всю метрологию.

Петровский рубль рынок с удовольствием принял по номиналу – 100 копеек

Несчетные деньги

Один из самых именитых российских нумизматов Иван Спасский в своей книге «Русская монетная система» рассказывает такую историю. В 1736 году в Россию приехал двадцатилетний датский путешественник Петер ван Хавен. Через три года он возвращался в Копенгаген, увозя на родину довольно любопытные сувениры. Это были не самовары и матрешки, а русские счеты и монеты. Рядом с ними в дорожном сундуке лежали путевые заметки и наброски к книге «Путешествие в Россию», которая увидела свет в 1743 году и вскоре была переведена на несколько европейских языков.

Книгу эту можно было бы смело поставить в один ряд с путевыми заметками барона фон Герберштейна, маркиза де Кюстина, лорда Кейнса и других именитых иностранцев, наезжавших в Россию в XV–XX веках, если бы не одно обстоятельство. Интересовавшийся среди прочего математикой ван Хавен не без зависти отметил, что в основе русского денежного счета лежит так называемый десятичный принцип. Это когда крупный номинал равен десяти более мелким, а те, в свою очередь, десяти еще более мелким (частный случай – крупный номинал равен ста мелким), что весьма облегчает подсчеты, а затем и расчеты. А потому ван Хавен предположил, что и другие страны рано или поздно последуют примеру России и переделают свои денежные системы на основе десятичного принципа. Более того, подчинят ему и единицы веса, длины, объема и т. д.

Понять зависть датчанина довольно просто, если представить, что где-то за тридевять земель существует тридесятое царство, где используются денежные знаки трех номиналов, например златники, сребреники и медники. Причем златник равен 12 сребреникам, а сребреник – 12 медникам. И вот вы пришли в местный магазин, чтобы купить какую-нибудь безделушку за 1 златник 2 сребреника и 4 медника, имея в кармане 2 златника. Чему будет равна сдача? Умножив, сложив, вычтя, а затем поделив, продавец протянет вам 9 сребреников и 6 медников, но, заметив в вашей руке калькулятор, стыдливо выложит на прилавок еще 2 монеты медникового достоинства.

И это не околонуточная фантастика. Это та самая правда жизни, с которой ежедневно сталкивались жители практически всех стран Европы и Америки до конца XVIII века, а некоторые аж до 1971 года. А называется эта правда дуодецимальным принципом счета, который ван Хавен имел удовольствие наблюдать во многих странах. В некоторых существовали монеты, равные $1/3$, $1/6$, $1/12$, $1/24$ и так далее вплоть до $1/360$ части самой крупной денежной единицы. Но это еще не все. Встречался сексагезимальный денежный счет (крупный номинал равен 60 мелким) и четвертичный (крупный номинал равен 4 мелким). Но и это цветочки. Ягодки – это когда использовалась смешанная система, сочетающая в себе особенности нескольких принципов счета. А такое встречалось сплошь да рядом.

Но вот к концу XVIII века пророчество ван Хавена начало сбываться. В 1792 году проект денежной системы, основанной на десятичном принципе, утвердил национальный конгресс США. Итог – появление доллара и цента ($1/100$ доллара). Примерно тогда же Французская академия наук приступила к перестройке по десятичному принципу всей метрологии, в том числе и денежного счета. В результате в 1795 году были отчеканены франк и сантим ($1/100$ франка). В конце концов на десятичный принцип денежного счета перешли все страны мира. Последней это сделала Великобритания, где до 1971 года самая крупная денежная единица – фунт стерлингов – равнялась 20 шиллингам или 240 пенсам. Теперь – только 100 пенсам. Россия избавилась от подобного кошмара первой среди стран Европы и Америки.

Начетные денги

На Руси все было просто и ясно уже тогда, когда ее впервые увидел ван Хавен. 1 рубль – это 10 гривенников, а 10 гривенников – 100 копеек. Существовали и другие номиналы, например равная половине копейки денга (с мягким знаком это слово начали писать и произносить только в конце XVIII века) и соответствовавший 3 копейкам алтын, однако к 1736 году они стали лишь вспомогательными денежными единицами, облегчавшими расчеты.

А вот если бы ван Хавен родился лет на пятьдесят раньше и побывал в России, например, в 1686 году, то встретил бы совершенно иную картину. Как и все иностранцы, он наверняка захотел бы посмотреть на Царь-пушку или Царь-колокол и рядом с ними непременно заметил бы приторговывавшего пирожками тринадцатилетнего сынишку придворного конюха Данилы. И если бы датчанин понаблюдал за юным офеней в течение нескольких дней, то однажды увидел бы, как тот лихо обсчитал какого-то стрельца, получил от последнего по шее, но вскоре был обласкан наблюдавшим эту сцену Петром I. Так ван Хавен стал бы свидетелем знакомства четырнадцатилетнего русского царя со своим будущим фаворитом Александром Меншиковым.

А еще узнал бы, как легко обсчитать покупателя, когда цены выражены в соотносящихся как шесть к одному денгах и алтынах – именно они в течение нескольких столетий были основой русского денежного счета. Цену 20-копеечного товара обозначили бы так: 6 алтын и 4 денги, а рублевого – 33 алтына и 2 денги. Лишь через 35 лет, в 1721 году, Петр I подписал указ, запретивший государственным учреждениям упоминать алтыны и денги и обязавший их все цены, пошлины и начеты выражать в рублях и копейках. Вскоре их примеру последовали частные лавочки, и в России утвердился десятичный, рублево-копеечный счет. Стоит, правда, заметить, что он использовался и раньше, но значительно реже денежно-алтынного. Но почему реже, ведь вроде так удобно?

Слово «рубль» появилось в русском языке по крайней мере в XIII веке – так называли новгородские гривны (серебряные 200-граммовые слитки). К началу XVII века гривны исчезли из обращения, и в

результате слово «рубль», лишившись своего первого воплощения, превратилось в счетное понятие для обозначения 100 копеек. Но вот интересная запись времен Алексея Михайловича, сделанная подьячим Григорием Котошихиным: «Наготовливают денги в бумаге по полуполтине, и по полтине, и по рублю, и по два, и по пять, и по десять, и по двадцать, и по тридцать: чтоб было готово». Иными словами, 1 рубль – это 100 копеек (или 200 денег), завернутых в бумагу. Назывались эти свертки начетными денгами. Понятно, однако, что из-за угрозы мошенничества широкого распространения второе воплощение слова «рубль» получить не могло: все равно нужно пересчитывать.

И вот в начале 1654 года, при том же Алексее Михайловиче, рубль впервые стал монетой. Но ненадолго. Рубли эти чеканили на талерах – крупных европейских монетах правильной круглой формы, с которых предварительно сбивали изображения и надписи. Серебра в них было примерно столько же, сколько в 64 копейках, приравнять же их казна хотела, ясное дело, к 100. Рубль ведь все-таки. Понятно и то, что, несмотря на все указы, на рынке третье воплощение слова «рубль» принимали по 64 копейки, поэтому очень скоро правительству пришлось привести его номинал к рыночной цене.

К тому же монетный двор не смог решить технические проблемы чеканки этих «рублей». Ранее все русские монеты делали так: серебряную проволоку резали на примерно равные кусочки, плющили их, а затем вручную с помощью молотка и двух штемпелей (металлических стержней с негативным изображением на круглом торце) выбивали рисунок и надпись. А поскольку заготовки, как правило, не соответствовали штемпелю ни по размеру, ни по форме, часть изображения или надписи всегда оставалась за пределами монетного поля. Сами же монеты походили на рыбью чешую, поэтому сегодня их так и называют – чешуйки (Петр был более категоричен и называл их старыми вшами). А вот для того, чтобы отчеканить изображение на крупных монетах, требовались уже специальные молотовые снаряды. Но те очень быстро выходили из строя. В результате примерно через год от чеканки «рублевиков» вообще отказались.

Иными словами, рубль вроде бы и существовал, а вроде бы и нет. А какой же счет на то, чего нет? Чтобы слово «рубль» вновь воплотилось

в металле, понадобилось еще почти полвека.

Круглые деньги

В марте 1697 года из Москвы по направлению к Риге выехало Великое посольство, куда под именем Петр Михайлов входил и Петр I. За полтора года послы посетили Голландию, Польшу, Англию, Австрию, а также ряд германских государств. Об этом путешествии написаны сотни, если не тысячи книг. Поэтому мы ограничимся упоминанием того, что при посещении всех этих стран Петр неизменно старался заглянуть на местные серебряные рудники и монетные дворы, чтобы поговорить с механиками, металлургами, медальерами и чеканщиками.

В августе 1698-го, узнав о вспыхнувшем в Москве стрелецком бунте, Петр срочно выехал домой. Среди вещей, наспех захваченных с собой, значились мешок картофельных клубней, корабельные чертежи, навигационные приборы и набор западноевропейских монет, в частности английских. Их Петр получил в подарок от Исаака Ньютона. Помимо всего прочего, Ньютон был еще и смотрителем Королевского монетного двора и руководил перечеканкой английских монет машинным способом. Здесь он однажды и встретился с Петром. О чем беседовали английский физик и русский царь, мы никогда не узнаем (некоторые историки даже утверждают, что не было и самой встречи), однако посещение Тауэра явно не прошло даром.

Уже через несколько дней после возвращения в Москву (они ушли на подавление бунта) Петр подписал два важных указа. Первый предписывал брить бороды и носить одежду европейского образца, положив тем самым начало широкому импорту европейского ширпотреба в Россию. Во втором же говорилось о начале денежной реформы, которая, как это бывает почти всегда, носила прежде всего конфискационный характер. Завоевание выхода к морю, перевооружение армии, создание мощного флота, постройка каналов, гаваней, верфей, заводов – словом, создание всего того, что уже существовало в европейских странах, требовало поиска новых источников пополнения казны. Решению проблемы и способствовало снижение веса копейки с 0,38 до 0,28 грамма, высвободившее серебро для других целей.

Но почему именно до 0,28 грамма? А потому что теперь 100 копеек соответствовали по содержанию серебра талеру, в те времена занимавшему то же место, что сегодня доллар – ключевая валюта в международной торговле. Но не только талеру. Еще и будущему рублю, который начали чеканить в 1704 году первоначально так же, как и во времена Алексея Михайловича. Но обратите внимание, как легко Петр избежал той ошибки, которую допустил его отец, не ставший снижать вес копейки. Поэтому петровский рубль рынок с удовольствием принял по номиналу – 100 копеек. Для утверждения еще и десятичного принципа счета нужна была самая малость – указ о запрещении упоминать алтыны и денги при обозначении цен, который, как уже говорилось, появился в 1721 году.

Шальные деньги

Изложенная выше хроника событий практически не оставляет сомнений в том, что Петр очень последовательно шел к цели – созданию стройной, согласующейся с требованиями математики денежной системы. Кажется, что уже в 1698 году ему были совершенно ясны ее будущие контуры, что уже тогда он наметил более или менее четкий план предстоящих действий. Однако это вряд ли соответствовало действительности. По меткому выражению одного историка, при проведении реформ Петр попал «в положение предпринимателя, принужденного тратиться далеко не в размере доходов его предприятия, когда ему приходилось метаться из стороны в сторону, чтобы только как-нибудь достать денег на ближайшие нужды, только как-нибудь оплатить расходы текущего дня, о завтрашнем дне представляя себе думать завтра». Это прекрасно видно на примере налоговой политики Петра (ей, кстати, тоже исполнилось ровно 310 лет).

В наследство от предшественников он получил не то что отсталую – явно захудалую в экономическом отношении страну. Однако если до Петра казна сводила роспись доходов и расходов с небольшим, но все же плюсом, то при нем хронический бюджетный дефицит стал обычным явлением. При этом в отличие, скажем, от нынешнего правительства у него не было даже надежды на получение иностранных кредитов. Известно, что Петр обращался с подобными просьбами к нескольким европейским монархам. Но даже после победы под Полтавой, которая резко повысила авторитет России, – без успеха. Пришлось выжать все без остатка из внутренних источников. В частности, использовать старый добрый прием – повысить (в среднем в два раза) налоговые ставки и увеличить число самих налогов. Появились сборы с рыбной ловли, бань, постоянных дворов, пчельников, дубовых колод для изготовления гробов и т. п. Причем некоторые из них за невозможностью собрать тут же отменяли.

То же самое происходило и при реформировании денежной системы. Вводились, но вскоре исчезали новые номиналы, снижался, а затем повышался вес монет, постоянно менялось их оформление. А как объяснить появление не имевшей каких-либо прообразов в

истории денежной системы России монеты с названием «десять денег»? Ее сразу же можно было окрестить пятью копейками (но это случилось лишь в 1723 году) или на худой конец полгривенником по аналогии с полтиной (50 копеек) и полуполтинником (25 копеек).

Наконец, на то, что можно было сделать за несколько лет, Петру – это при его-то стремлении получить все и сразу, а не по частям и в рассрочку – понадобилось почти три десятилетия (реформой денежной системы он занимался до последних дней жизни). Это можно объяснить лишь тем, что в действительности никакого четкого плана преобразования денежного хозяйства у него не было с самого начала. Все делалось без просчета даже на год вперед. К примеру, только по счастливой случайности в начале XVIII века Россия избежала инфляции, аналогичной французской. В 1717 году Петр ездил во Францию, где в это время в самом разгаре был эксперимент Джона Ло по введению ассигнаций. Есть свидетельства, что царь приглашал Ло в Россию для передачи опыта по введению бумажных денег. Тот, к счастью, отказался. К счастью – потому что уже через полтора года из-за неумеренного выпуска ассигнаций во Франции творилось примерно то, что не так давно случилось в России.

Но так или иначе результат денежных блужданий Петра оказался потрясающим: именно в России впервые утвердился десятичный принцип денежного счета, который лишь спустя несколько десятилетий начали заимствовать другие страны.

Новые деньги

Рубль и копейка, соотносящиеся как сто к одному, определяют денежную систему России и сегодня. Но так ли удобна ее десятичная основа? Ведь это условность, к которой легко привыкнуть, но так же легко от нее и отвыкнуть. Никто, наверное, не будет оспаривать удобство деления суток на 24 часа, часа на 60 минут, а минуты на 60 секунд (эдакого сочетания дуодецимальной и сексагезимальной систем). Но почему бы для удобства не разделить час на 100 минут?

Примерно так в самом начале XX века и рассуждал некто Гартц, предлагая скорректировать десятичный принцип денежной системы России. По его мнению, наиболее удобно использование монет достоинством 1, 2,4, 8, 16, 32, 64 копейки и 1 рубль. Это, конечно, не революция, но выглядит все равно странно. Однако ученый убедительно обосновывал свою точку зрения. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что он приводил чрезвычайно стройные математические выкладки и доказывал, что переход к его системе номиналов заметно облегчит расчеты и, что самое главное, чисто психологически помешает торговцам прибегать к такому нехитрому способу повышения цен, как их округление. Хорошо это или плохо, но проект лег под сукно. Навечно ли?

Иван Сборов

Телеграмма ценой в Аляску

Телеграфиста – забитое, унылое существо в пенсне – мы представляем себе по рассказам Чехова или по старым советским фильмам про гражданскую войну, когда красный командир или белый генерал тычет телеграфисту в нос маузером и велит ему отправить оскорбительную депешу врагу. Между тем телеграф и телеграфисты сыграли в истории России гораздо более важную роль, чем принято считать. И мало кто знает, что благодаря одному телеграфисту мы лишились Аляски.

Телеграфные новости опережали курьерские поезда

Западный союз судьи и шерифа

В 1832 году Сэмюэль Морзе изобрел телеграф. В 1837 году американский конгресс одобрил выделение \$35 тыс. (около \$500 тыс. в сегодняшнем масштабе цен) на строительство экспериментальной телеграфной линии на западе страны, между Вашингтоном и Балтимором.

Сначала Морзе хотел сделать подземную линию изолированного провода, но на первые несколько миль было истрачено почти \$20 тыс. Тогда решили подвешивать оголенные провода на столбах, используя в качестве изолятора горлышки от бутылок: дешево и технологично. Прокладка линии Вашингтон – Балтимор завершилась в срок. Как раз в это время в Балтиморе собрался съезд партии вигов по выдвижению кандидата в президенты.

В Вашингтоне Сэма Морзе попросили установить аппарат прямо в зале Верховного суда в Капитолии, чтобы узнавать обо всех событиях, происходящих на съезде «в режиме онлайн». Посыльные, спешившие со срочными сообщениями, с удивлением обнаруживали, что телеграфные новости опережали курьерские поезда.

В 1845 году Морзе нанимает бывшего начальника почты Амоса Кендала, который за пару месяцев привлекает группу инвесторов. Собрав первые \$15 тыс., партнеры организуют частную акционерную компанию Magnetic Telegraph. Весной 1846 года Magnetic Telegraph завершает строительство первой в мире коммерческой линии между Нью-Йорком и Вашингтоном. Морзе начинает продавать лицензии всем желающим, и телеграфные компании растут как грибы.

К середине XIX столетия в Америке работало уже больше пятидесяти телеграфных компаний. Появляются альтернативные технологии, одна из них, изобретенная Роялом Хаусом, печатает сообщения буквами. В результате возникла ситуация, знакомая по современному рынку мобильной связи: борьба стандартов. Несовместимость стандартов породила массу судебных исков и недоверие к телеграфу в целом.

В 1851 году произошла историческая встреча двух служителей закона: шерифа округа Монро Хирама Сибли и судьи Сэмюэля Селдена, владельца одного из телеграфных патентов. В том же году

они создают компанию New York and Mississippi Valley Printing Telegraph Company, позже переименованную в Western Union Telegraph Company.

В пяти штатах к востоку от Огайо действовали две конкурирующие системы, принадлежащие 13 разным компаниям. Стоимость телеграфных услуг, несмотря на конкуренцию, была очень высока: небольшая телеграмма стоила около \$20.

Разочаровавшись в телеграфном бизнесе, владельцы этих компаний с радостью приняли предложение Сибли купить их дело. В том же году Сибли удалось выкупить патент на телеграф Морзе, который на тот момент имел репутацию самого совершенного.

В 1860 году конгресс США выпускает Pacific Telegraph Pact, предписывающий организацию тендера на создание трансконтинентальной линии. Поначалу помимо Western Union в тендере участвовали еще две телеграфные компании. Но когда было подсчитано, что строительство линии в 2000 миль должно занять около десяти лет, обе сошли с дистанции.

Выиграв тендер, Western Union построила линию всего за 112 дней. Первая же телеграмма, отправленная по ней, была адресована президенту Аврааму Линкольну и сообщала о присоединении Калифорнии к Соединенным Штатам Америки. Президент был в восторге. Правительство США пользовалось отныне услугами Western Union. Компания становится лидером телеграфной индустрии и заключает контракт, дающий ей первоочередное право покупать патенты на изобретения Томаса Эдисона.

Неосторожное слово почтмейстера

Вскоре на повестке дня оказалась телеграфная связь со Старым Светом. Но Western Union не торопится прокладывать кабель в Европу по дну Атлантического океана: попытки конкурентов уже показали, что эта идея сомнительная. В 1864 году компания проектирует альтернативную линию: через российскую Аляску, узкий Берингов пролив и Сибирь. И хотя этому проекту не было суждено осуществиться, впечатляющим оказался его побочный эффект.

В 1862 году американский посол в Санкт-Петербурге Саймон Камерон обратился с официальным предложением относительно строительства транссибирского телеграфа (как части трансокеанского по проекту Western Union) к российскому министру иностранных дел, вице-канцлеру князю Александру Горчакову.

Россия тем временем находилась в очень тяжелом финансовом и политическом положении после Крымской войны 1853-1856 годов. Очередное польское восстание, продолжающаяся война на Кавказе и реформирование страны после отмены крепостного права отнимали у правительства все силы.

Одной из проблем стало управление российскими владениями в Америке. Ведь по парижскому мирному договору 1856 года Россия практически лишилась военного флота, который раньше обеспечивал регулярную связь с Русской Америкой в Калифорнии и на Аляске. Кроме того, русские охотники, добывавшие на Аляске шкуры каланов и тюленей, все чаще стали сообщать о золоте, якобы имеющемся там в большом количестве. Александр II боялся, что на Аляску скоро хлынет волна переселенцев-золотоискателей, опасно похожая на ту, что в 1845 году оторвала южную часть Калифорнии от Мексики. Представлялось, что Аляску лучше побыстрее продать, чем потерять ее через несколько лет бесплатно. А вырученные средства направить на освоение недавно присоединенных земель на Востоке с более благоприятным климатом, плодородными почвами и находящимися на досягаемом для контроля расстоянии.

Создание надежной телеграфной связи как между обеими державами, так и между Северной Америкой и Евразией через Россию отвечало геополитическим планам обеих стран. Предложения о

постройке телеграфа передали наряду с Western Union еще две компании. В марте 1863 года главноуправляющий почтовым департаментом граф Иван Толстой подписал соглашение об условиях телеграфного сообщения между Россией и Америкой. «С Высочайшего соизволения Его Императорского Величества предоставлено Американской Компании Западных соединенных телеграфов (Western Union Telegraph Company) устройство телеграфа из Америки через Русские владения по приморской области до г. Николаевска на устьях р. Амура. Свидетельствуя об этом, покорнейше прошу местные власти оказывать представителю этой Компании Американскому Гражданину майору Перри Коллинзу все возможное содействие при исполнении этого дела».

Изыскание трассы нового телеграфа и его строительство планировалось проводить одновременно с научными работами по исследованию этой территории, что было важно и для Америки, изучавшей вопрос о целесообразности приобретения Аляски.

В состав телеграфной экспедиции были включены ботаник, зоолог, палеонтолог, энтомолог, ихтиолог и специалист по моллюскам. Кроме уникальных образцов флоры и фауны, собранных в дальних землях, были получены достоверные географические сведения и обозначен путь будущей линии. Но в самый разгар работы экспедиция была прервана.

Во время очередной встречи в Санкт-Петербурге с графом Толстым, на которой обсуждался маршрут телеграфной линии, Хирам Сибли пожаловался на то, что русско-американская компания Hudson Bay требует за право пересечь Аляску почти \$6 млн.

«Вот это да! Да мы бы ее продали целиком за такую сумму», – вырвалось у главного почтмейстера империи. Сибли, естественно, немедленно сообщил об этом президенту Франклину Пирсу. И через шесть недель, 18 марта 1867 года, был подписан договор, по которому США купили Аляску у России за \$7,2 млн.

Первая телекоммуникационная война

В 1876 году Александр Белл изобрел телефон и создал Bell Telephone Company. Western Union, хорошо понимая перспективы нового вида связи, в конце 1870-х предпринимает попытку завладеть главными телефонными патентами и предлагает Эдисону изобрести свой телефон, основанный на иных принципах. В качестве передающего устройства в телефоне Белла использовалась железная мембрана, которую Эдисон заменил на угольный микрофон с диафрагмой. Телефон Эдисона мог посылать более мощный сигнал, чем белловский, а Western Union могла утверждать в любом суде, что патентное право компании Белла не нарушено.

Воюя с Беллом, глава Western Union Уильям Вандербильт одновременно отражал атаки железнодорожного магната с Уоллстрит Джея Гоулда. Уже достаточно давно Гоулд предпринимал попытки захватить Western Union, скупая все перспективные патенты.

Самый сильный удар он нанес в 1874 году, выкупив патент на изобретенный Эдисоном квадраплекс – устройство, позволяющее одновременно передавать по два сообщения в каждом направлении. За свое изобретение Эдисон получил рекордную для того времени сумму – свыше \$100 тыс. И хотя Western Union многоканальный телеграф Эдисона принес целых \$15 млн, война на два фронта совершенно истощила ее силы. В результате в 1879 году она была вынуждена пойти на перемирие с компанией Белла. Стороны пришли к следующему соглашению: Western Union передает все свои телефонные патенты и оборудование в обмен на обещание Белла держаться подальше от телеграфного бизнеса.

Телеграф и сам по себе приносил хорошие доходы. В частности, совершил переворот на фондовом рынке: в 1866 году Western Union передала биржевые котировки в режиме реального времени. А в 1871 году осуществила и первый денежный перевод, возможно даже не подозревая о том, что через сто с лишним лет это станет основной ее услугой.

Куклы из космоса

В 1920 году компания впервые в мире передала через Атлантику фотоизображение. Эта технология использовалась многие десятилетия, журналисты по обе стороны океана получили возможность оперативно снабжать свои репортажи фотографиями.

В середине 30-х по всему миру действует 14-тысячная армия курьеров Western Union, готовых доставить телеграмму практически в любой уголок планеты. Рекламный лозунг компании «Don't Write – Telegraph!» меняет образ жизни американских граждан. Помимо обычных телеграмм вводится множество вариаций на все случаи жизни. Адресаты получают поздравительные Santagrams вместе с маленьким рождественским подарком от компании, Dollygrams и Bunnygrams сопровождают куклы и игрушечные зверьки. А однажды девушка-оператор, вместо того чтобы просто зачитать текст поздравления по телефону, спела «Happy birthday». Забавный случай был упомянут в газете, после чего, следуя настоятельным пожеланиям американцев, компании пришлось разработать одну из своих самых популярных услуг – «поющую телеграмму».

Великая депрессия стала, как ни странно, катализатором для разработки новых технологий. Телеграф все больше используют в бизнесе, и компания устанавливает прямые линии из офисов к местным отделениям связи. Кроме того, из конторы теперь можно отправить не только сообщение, но и изображение: возник прототип современных факсов. Позднее компания разрабатывает и внедряет телекс, обеспечивающий компаниям доступный и эффективный обмен сообщениями друг с другом.

Система связи Western Union отвечает правительственному стандарту «четыре девятки», то есть надежна на 99,99 %. Компания обеспечивает связью важнейшие американские организации: Белый дом, министерство обороны, Федеральный резервный банк, полицию...

Но самые решительные изменения в телеграфной индустрии происходят после Второй мировой войны. Western Union накапливает достаточный опыт разработки беспроводных способов передачи информации (например, с 1904 года предоставляет услуги

радиотелеграфа пассажирам океанских лайнеров). К 1964 году паутину телеграфных проводов на столбах полностью замещает трансконтинентальная микроволновая система. К наземным станциям Western Union добавляет спутниковую связь. И наконец, первой из американских компаний Western Union запускает собственный спутник – Westar I.

Скорая финансовая помощь

В наши дни телеграф как вид связи уже давно стал реликтом. С 1990 года деятельность Western Union сосредоточена в области срочных денежных переводов, и на сегодняшний день она лидирует на этом рынке. Тем более что с падением «железного занавеса» и возникновением множества суверенных государств на просторах бывшего Варшавского договора для оказания срочной финансовой помощи образовалось обширное благодатное поле.

Western Union находит себе работу и в районах активных боевых действий: в Косово ее сотрудники в буквальном смысле ползали по окопам со спутниковыми телефонами, ноутбуками и мешками для денег, принимая на передовой переводы от бойцов домашним. А в госпиталях и лагерях вручали деньги раненым и беженцам.

Романтикой овеяно и само название компании, напоминающее о ее героической молодости в пограничных городках Среднего Запада с непременным салуном, буйными клиентами и почтой напротив, где рядом с почтмейстером в стэтсоновской шляпе и кольцом сорок пятого калибра на поясе сидит телеграфист Western Union – тоже в шляпе и с кольцом.

Еще одна картинка – уже из другого времени. Под собачий лай в бревенчатую хибарку с вывеской Western Union на сороковой миле замерзшего Юкона в облаке морозного пара вваливается гигант в унтах. Сдирая сосульки с бороды, хрипло диктует заветный адрес в солнечной Калифорнии и бросает на весы тяжеленькую замшевую колбаску с песком. Служащий свое дело знает. Сначала он примет по курсу Гудзоновской компании золото и телеграфирует неведомой ему Сью, чтобы та пришла получить перевод от своего Джека. И лишь потом подбросит дров в печурку и примется растирать спиртом обессиленного героя.

В США Western Union – давно имя нарицательное. А ее экспозиция в Национальном музее истории Америки рассказывает в общем об истории страны.

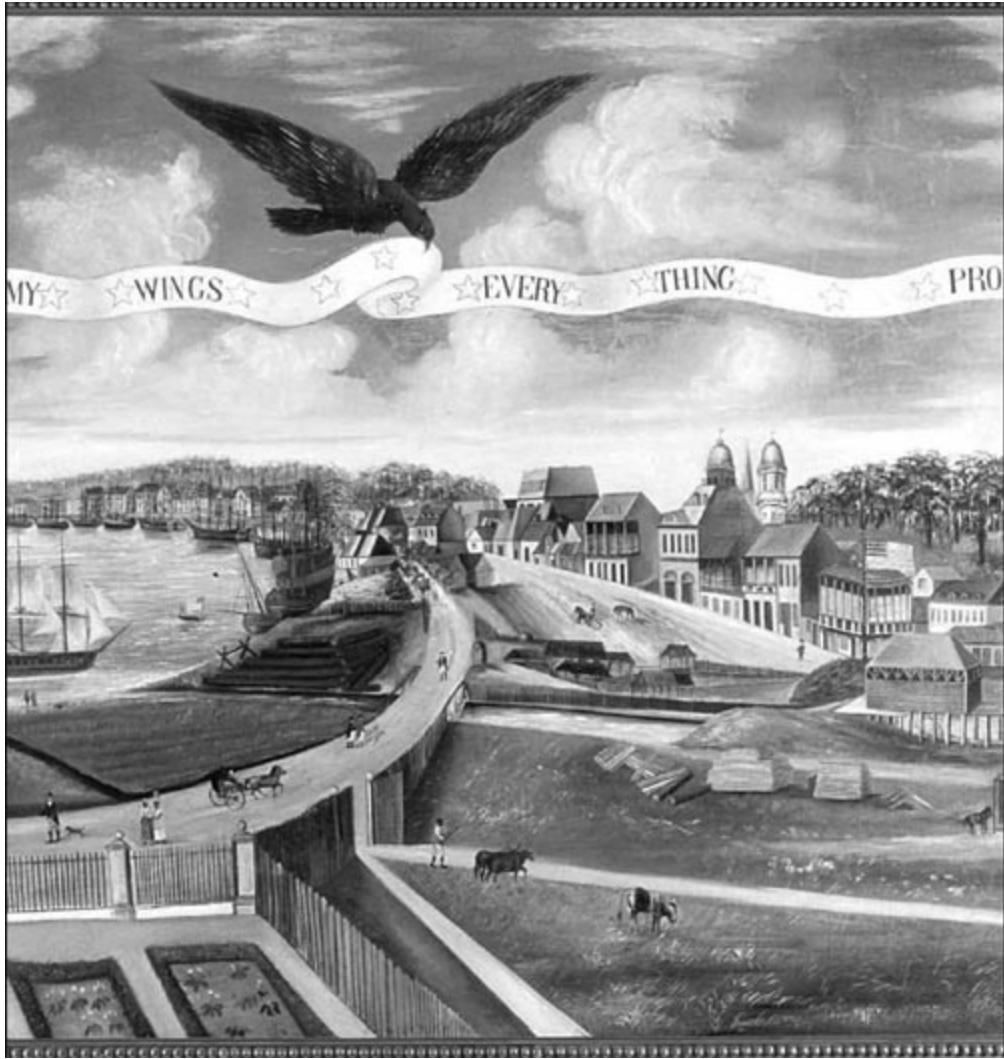
Сергей Петухов

\$15 млн за мировую гегемонию

В 1867 году Александр II продал Аляску за \$7 млн, чтобы иметь возможность финансировать демократические реформы после отмены крепостного права. Другая выгодная покупка США известна гораздо меньше, хотя повлияла на ход мировой истории намного серьезнее.

Почти два века назад, в октябре 1800 года, Франция заключила секретный договор с Испанией, по которому Наполеон вернул под свой контроль Испанскую Луизиану, огромную территорию от Миссисипи до Скалистых гор.

У Франции была реальная возможность стать со временем супердержавой. Однако Соединенные Штаты, заняв денег у английских банкиров, лишили ее этого шанса. Наполеон Бонапарт продал великое будущее французской нации за \$15 млн.

Вид на Новый Орлеан со стороны плантации Мариньи

Последствия победы Чингачгука

В 1763 году закончилась Семилетняя война между Англией и Пруссией с одной стороны и Францией, Австрией, Россией, Швецией и Саксонией – с другой. Боевые действия велись на двух континентах, американская их часть более известна как французско-индейская война и подробно описана Фенимором Купером. Чингачгук и его военный советник Следопыт, как известно, победили гуронов и их союзников-французов, и по Парижскому договору 1763 года Франция передала свои канадские владения под управление британцев. А в 1769 году Франция уступила Испании обширную территорию от Миссисипи до Скалистых гор.

Первыми из европейцев в эти места пришли французы, и почти все поселения здесь были французскими. Правда, освоено было к тому времени менее 1 % Луизианы, в основном ее юго-восточная часть. В нижнем течении Миссисипи на 40 тыс. плантаций негры-рабы выращивали хлопок и сахарный тростник. Вверх по течению стояли небольшие военные гарнизоны: чем выше, тем меньше и реже. До 1769 года северным французским форпостом была крепость Сент-Луис, располагавшаяся при слиянии рек Миссури и Миссисипи. На остальной территории Луизианы свободно кочевали индейские племена пони и сиу.

Любовь королевы

Испания могла контролировать побережье Мексиканского залива, но ее владычество над огромной Луизианой было чисто номинальным. Если бы американцы двинулись на запад, Испания не смогла бы им противостоять и не удержала бы свои колонии в Калифорнии, к западу от Скалистых гор. И потому, когда Наполеон Бонапарт стал первым консулом Французской республики и вспомнил о некогда французской Луизиане, Испания в лице короля Карла IV, а точнее, его супруги Марии-Луизы, фактически правившей империей, согласилась на переговоры.

Интерес Испании был очевиден. Возвращая Луизиану, она запирала сильной французской колонией прямую дорогу через Скалистые горы к Тихому океану и своим калифорнийским владениям. Кроме того, исконным конкурентом Испании в Новом Свете была Британская империя, и в лице наполеоновской Франции она получала сильного стратегического союзника.

Наполеон, со своей стороны, понимал: чтобы победить англичан, надо бить прежде всего по их колониям. Имея плацдарм, простиравшийся от Нового Орлеана до Великих озер, он мог надеяться на реванш Франции в Канаде.

В октябре 1800 года между Испанией и Францией был заключен договор, по которому Луизиана вновь становилась французской. Договор был секретным в связи с упомянутыми выше соображениями. Кроме того, одним из его пунктов решалась судьба Пармского герцогства, которое было оккупировано войсками революционной Франции в 1796 году. В обмен на Луизиану Наполеон обещал сделать королем Пармы Мануэля Годоя, любовника испанской королевы. Это была третья и, возможно, главная причина передачи Испанской Луизианы Франции.

Словом, все были довольны, и никто даже не вспомнил о еще одной заинтересованной стороне, видимо сочтя, что ей еще рановато играть во «взрослую» мировую политику.

Десант на Эспаньолу

Соединенные Штаты в то время не имели выхода ни к Мексиканскому заливу, ни к Тихому океану. Западная граница страны пролегла по реке Миссисипи и только до 31-й параллели. Здесь линия границы поворачивала на восток, к Атлантическому океану. Южнее лежали испанские владения – Восточная и Западная Флорида с портом Новый Орлеан.

Президент США Томас Джефферсон, избранный в 1800 году, считал, что Миссисипи «станет одной из главных торговых артерий для территории к западу от Аллеганских гор». Проще говоря, на миссисипском транзите держалась экономика половины тогдашних США. В 1794 году Испания признала западную границу Соединенных Штатов по левому берегу Миссисипи и гарантировала американским гражданам свободное плавание до устья реки с «правом привозить, складировать в порту Нового Орлеана и экспортировать отсюда свои товары далее без какой-либо другой платы, кроме честного найма складов и торговых помещений». Однако при всей выгодности таких условий американская торговля на Миссисипи целиком зависела от доброй воли Испании, а с 1800 года – еще и Франции. Впрочем, официальной смены хозяина Луизианы (то есть в среднем и верхнем течении Миссисипи) пока не произошло и американское правительство ничего не знало о секретном испано-французском договоре.

Для Испании же пока был секретом стратегический план Наполеона. Ему было мало Испанской Луизианы, он планировал вытеснить испанцев еще и с побережья Мексиканского залива. Кое-что начало проясняться, когда Бонапарт вместо того, чтобы послать войска занимать гарнизоны по правому берегу Миссисипи, отправил экспедиционный корпус генерала Леклерка на Эспаньолу (ныне остров Гаити). Поводом стало восстание негров-рабов под предводительством Туссена Лувертюра, которые убивали всех белых без разбора. Подавив бунт, французские войска могли бы блокировать Новый Орлеан с юга, и Наполеон «попросил» бы Испанию уступить ему заодно с Луизианой и обе Флориды вместе со стратегически важным портом Новый Орлеан.

Главная ошибка Бонапарта

Но блицкрига на Эспаньоле не получилось: повстанцы оказали ожесточенное сопротивление. А тем временем случилось то, чего боялись американцы. В конце 1802 года Испания закрыла для них Новый Орлеан, по официальной версии Мадрида, чтобы «пресечь американскую контрабанду» и в ответ на «плохое отношение» к испанским морякам в американских портах. Правительство США пригрозило ввести в этот город войска, и испанцы были вынуждены обнародовать хранившийся до сего момента в секрете договор по Луизиане.

Правда, о чем-то подобном в Вашингтоне уже догадывались. В апреле 1802 года, наблюдая за ходом французской оккупации Эспаньолы, президент Джефферсон писал своему министру по особым поручениям в Париже Роберту Ливингстону: «В тот день, когда Франция возьмет под контроль Новый Орлеан, мы снова пойдем под венец с британским флотом и британской нацией».

Американцы восприняли бы оккупацию Нового Орлеана с чувством глубокого удовлетворения, пусть даже это привело бы к полномасштабной войне с Испанией. Однако Томас Джефферсон решил попробовать мирный вариант. Он послал в Париж письмо Ливингстону с приказом «сделать все возможное, чтобы предотвратить передачу Франции Испанской Луизианы, а если это окажется невыполнимым, попытаться выкупить у французов Восточную и Западную Флориды и Новый Орлеан». Деликатность ситуации состояла в том, что Ливингстон должен был предложить деньги за то, что Франции не принадлежало: она еще только планировала захватить Новый Орлеан и обе Флориды.

Следом за письмом во Францию в помощь Ливингстону отправился чрезвычайный эмиссар президента Джеймс Монро, который имел уже более конкретные полномочия. Ему было поручено предложить Франции \$10 млн за обе Флориды с Новым Орлеаном. Если бы французы отказались, американский эмиссар посулил бы им \$7,5 млн за один город-порт. В случае нового отказа Монро имел право заключить двусторонний договор, согласно которому американским купцам разрешалось бы свободно торговать в Новом Орлеане. Если бы

французы продолжали упорствовать, им было бы предложено продать участок земли на восточном берегу Миссисипи, напротив Нового Орлеана, с тем чтобы Соединенные Штаты смогли построить там собственный морской порт. И наконец, если бы французы отказали опять, Монро имел инструкцию откланяться и отправиться в Лондон предлагать Британии альянс со своей бывшей колонией.

Монро отплыл из Нью-Йорка 8 марта 1802 года, и, пока он плыл, отношения Англии и Франции резко обострились. Разведка доносила министру иностранных дел Франции Талейрану, что в Лондоне объявление войны уже считается делом решенным и, в частности, планируется экспедиция английского флота к Новому Орлеану. Французские войска на Эспаньоле, численность которых к тому времени достигла 35 тыс. человек, прочно и, по-видимому, надолго увязли в партизанской войне. Без опоры на Эспаньолу французский флот не мог помешать англичанам захватить Новый Орлеан, которые, таким образом, отрезали бы от Франции Луизиану. С другой стороны, Наполеону требовались деньги на войну с Австрией. Перед Францией стояла дилемма: продолжать выстраивать континентальную блокаду Британии в Старом Свете, покоряя для этого одну за другой европейские страны, или заключить мир с Австрией и подорвать мощь своего главного противника, атакуя его в колониях. Наполеон выбрал первое, совершив, по-видимому, главную ошибку в своей жизни.

Четыре цента за акр

8 апреля чрезвычайный эмиссар президента Джефферсона Джеймс Монро высадился в Гавре, а 11 апреля, когда он еще только добирался до Парижа, Талейран неожиданно спросил у Ливингстона, сколько бы дали Соединенные Штаты Франции за Испанскую Луизиану. Тот быстро смекнул, в чем дело, и оценил принадлежащую Франции Луизиану в \$4 млн, то есть в два в половиной раза ниже, чем не принадлежащие Франции обе испанские Флориды и Новый Орлеан. Талейран отпустил Ливингстона, велел ему подумать и придти завтра с настоящей ценой.

Джеймс Монро прибыл в Париж – тот уже гудел от слухов о предстоящей сделке века – и едва успел закончить туалет, как слуга доложил, что американского эмиссара хотят видеть по неотложному делу представители сразу двух английских банкирских домов – House of Nore и Baring. Англичане решили ссудить своей мятежной колонии (именно таковой в ту пору считались на Британских островах Соединенные Штаты) \$10 млн под божеские 6 %, с тем чтобы она выкупила Испанскую Луизиану у Франции.

Следующий раунд переговоров проходил уже между Джеймсом Монро и министром финансов Франции Франсуа де Барб-Марбуа. Американцы все больше интересовались, почем нынче обе Флориды с Новым Орлеаном, а французы твердили свое: либо берите Луизиану, либо вообще ничего не продается. При этом заокеанских покупателей торопили: война между Англией и Францией должна была начаться со дня на день. У Монро и Ливингстона не было времени связаться с Вашингтоном, и 30 апреля 1802 года они на свой страх и риск обязались от лица Соединенных Штатов выплатить Франции \$15 млн, что составляло около f3 млн (расчеты велись в фунтах стерлингов), за 828 тыс. кв. миль Луизианы, то есть за территорию в пять раз больше Франции. \$11,25 млн получало французское правительство, а \$3,75 млн предназначались в качестве компенсации французам, чьи имущественные интересы затрагивала продажа Луизианы. Дополнительным условием сделки было предоставление всем луизианским жителям гражданства Соединенных Штатов.

Из Парижа Монро отправился в Мадрид, где попробовал договориться о покупке обеих Флорид и Нового Орлеана уже с законными владельцами этих территорий. Но испанцы сказали ему твердое «нет». Кроме того, они сожалели о продаже Луизианы (в основном обижались на вероломство французов, которые в свое время клятвенно обещали Испании не передавать Луизиану третьей стороне), правда, возразить по существу ничего не могли. 30 ноября испанский губернатор Луизианы официально передал Луизиану французскому префекту, а через три недели ее вручили американскому представителю. Фактически же смена власти на юге Луизианы произошла 20 декабря, а на севере, в Сент-Луисе, – 9 марта 1804 года. 80 тыс. луизианцев стали гражданами США.

Разные дивиденды

Теперь Соединенным Штатам предстояло разобраться, что же они купили. Президент Джефферсон послал для этого на разведку двух офицеров: Мериуизера Льюиса и Уильяма Кларка. Впоследствии Эдгар По написал об этой экспедиции захватывающую приключенческую повесть. Но в действительности приключения Льюиса и Кларка были еще более захватывающими.

Случилось то, чего так боялись испанцы: в ноябре 1805 года разведка армии США добралась до устья реки Колумбия и вымыла свои сапоги в Тихом океане. В Вашингтон Льюис и Кларк вернулись спустя два года и четыре месяца, привезя с собой гербарий, описание туземной фауны и кипу договоров о дружбе с местными индейскими племенами.

Американские офицеры не подозревали, какие богатства таились на огромной территории Испанской Луизианы, поделенной теперь между 13 штатами – Арканзасом, Колорадо, Айовой, Канзасом, Миннесотой, Миссури, Монтаной, Небраской, Северной и Южной Дакотой, Оклахомой, Вайомингом и Луизианой. В Южной Дакоте будут добывать львиную долю американского золота, в Монтане найдут крупные месторождения меди, а в Небраске, Канзасе, Луизиане, Оклахоме и Арканзасе – газ и нефть. Миннесота на 60 % удовлетворит потребность промышленности США в железной руде, а Миссури, Северная Дакота, Вайоминг и Колорадо обеспечат страну углем. Когда же понадобится уран, то в бывшей Испанской Луизиане обнаружат в потребном количестве и его.

Быстро разбогатев, Соединенные Штаты в дальнейшем без особого труда решили проблему Нового Орлеана и обеих испанских Флорид, а также остальные территориальные проблемы: выкупили, к примеру, Аляску у России.

А пошли ли на пользу Наполеону \$15 млн, которые он получил за Испанскую Луизиану, известно.

Алексей Алексеев

Всемирный День старателя

Нынешняя зима – юбилейная: 160 и по лет назад человечество сходило с ума. В обоих случаях причина была одна – золото. Общим было и следствие – болезнь под названием золотая лихорадка. И происходили все эти чудеса в местах, незадолго до того принадлежавших России...

Однажды в 1842 году некто Франсиско Лопес, поденный рабочий, копал дикий лук на холме близ мелкого населенного пункта Лос-Анхелес (ныне Лос-Анджелес, штат Калифорния). Лук он хотел съесть. Но судьба уготовила ему другую находку: вместо луковицы он, к своему удивлению, извлек из земли золотой самородок.

В те годы Калифорния представляла собой аморфное образование. Частично она принадлежала Мексике, частично – России, которая только и думала о том, как бы избавиться от поселений в этих никому не нужных местах. Экономически и российская, и мексиканская части Калифорнии тяготели к Соединенным Штатам Америки.

В этой политико-экономической неразберихе Лопес, быстро превратившийся из поденщика в хозяина, умудрился в течение трех лет продать США намытого золота на \$8 тыс. И что интересно, его бизнес никого не взволновал. Даже сотрудников филладельфийского монетного двора, где из калифорнийского золота чеканили американские доллары: сырье поступает исправно – ну и хорошо.

В 1846 году началась американо-мексиканская война, в результате которой часть Калифорнии, принадлежавшая Мексике, отошла Соединенным Штатам. Русскую Калифорнию американцы купили. В частности, крепость под названием форт Росс и еще кое-какие калифорнийские земли приобрел американский подданный швейцарского происхождения Саттер.

В начале 1848 года он отправил одного из своих батраков по имени Джордж Маршалл выполнять важную работу – расширять русло канавы, которая обеспечивала принадлежащую Саттеру лесопилку водой из ближайшего ручья. Ручей назывался Сакраменто. Маршалл обнаружил крупинки желтого металла и прибежал к хозяину

похвастаться находкой. Саттер велел ему помалкивать и на следующий день отправил для продолжения работы уже другого батрака. Его имени история, увы, не сохранила. А жаль. Именно он сболтнул на местном рынке, что в окрестностях Сакраменто есть золото. Побросав товар, торговцы побежали на ручей.

Так началась калифорнийская золотая лихорадка.

Калифорнийская пресса молчала – все работники местных газет ушли мыть золото

Стреляй, Хоакин!

Калифорнийская пресса молчала: все работники местных газет ушли мыть золото. Поэтому рассказы о богатстве Калифорнии передавались из уст в уста. К осени 1848 года они облетели весь мир, и в 1849-м авантюристы со всего света (их называли сорокадевятниками) были уже на месте. За год население Калифорнии выросло с 10 до 81 тыс. человек (еще через десять лет в штате проживало уже 379 тыс.). Впрочем, эти демографические выкладки мало о чем говорят, поскольку переписи населения охватывали только людей с белой кожей, хотя золотоискателей с кожей черного, желтого и красного цветов в Калифорнию тоже явилось немало.

Гавань Сан-Франциско, тогда маленькой деревушки на берегу Тихого океана, вскоре стала кладбищем кораблей. Здесь ржавело около 200 судов. Почти все они выполнили рейс лишь в одну сторону, после чего экипаж вместе с пассажирами устремился на поиски золота. Не только на Сакраменто, но и на всех окрестных ручьях с интервалом в несколько метров по колено в воде стояли неутомимые мужики, с рассвета до заката перемывавшие в лотке песок. В недавнем прошлом они были земледельцами, ремесленниками, учителями, священниками, солдатами, матросами. Теперь – золотоискателями, ловившими удачу.

Удача, однако, благоволила далеко не всем. В среднем житель штата зарабатывал \$4-5 в сутки. По меркам любого другого места – деньги большие, но по калифорнийским – маленькие. Комнатушка в так называемом «отеле» стоила не менее \$7 в сутки. Местная прачка брала \$8 за одну стирку, что превосходило месячный доход представительницы той же профессии с другого конца США. Стоит ли после этого удивляться, что непосредственно на золоте огромное состояние сделал только один из золотоискателей той поры – Кропер. Остальные калифорнийские миллионеры, сколотившие капитал в 40-х годах прошлого столетия, заработали на овощах, фруктах, вине, одежде, консервах, инструментах или на «индустрии развлечений». А развлечениями сорокадевятники были обеспечены в избытке: в Сан-Франциско было 350 баров, 18 игорных и 27 танцевальных залов. И это только официальная статистика. По воспоминаниям

современников, сыграть в карты или выпить виски можно было в каждом третьем доме.

А еще шальные деньги привлекли в Калифорнию огромное количество преступников. Самым страшным считался чилиец Хоакин Мурьета, который имел очень мало общего с ангелочком из ленкомовского спектакля. Этот бандит руководствовался одним принципом: если убивать всех ограбленных и свидетелей, от грудных младенцев до дряхлых стариков, никто не сможет описать его внешность представителям закона. Поэтому комитеты бдительности (нечто вроде народной дружины советских времен, но с оружием) долго не могли отловить прославленного разбойника. А когда поймали, отрезали голову.

Каковы же итоги калифорнийской лихорадки? В 1848 году в Калифорнии было добыто золота на \$5 млн, в течение следующих пяти лет – в среднем на \$20 млн в год (пик пришелся на 1851 год, когда старатели намыли на \$55 млн). Потом уровень добычи стал падать, но искателей счастья уже ждали другие края – Невада, Дакота, Монтана, Юта, Колорадо, откуда стали приходить вести о найденном золоте. Правда, с Калифорнией они сравниться не могли.

Сопоставимый по масштабам рецидив золотой болезни случился лишь через полвека на Аляске.

Молчи, Иван!

Золото на Аляске было всегда. Но люди, веками жившие в этом ледяном мешке, не обращали внимания на самородки на берегах местных рек, речушек и ручейков. Аборигенам они были ни к чему. Европейцы же о существовании самой Аляски узнали лишь в 1741 году, когда на полуостров высадились русские моряки. Спустя 43 года на этих землях, названных Русской Америкой, появилось первое русское поселение. Еще через 20 лет, в 1804 году, наши соотечественники узнали, что на Аляске есть золото. Однако по неизвестным причинам добывать его не стали.

У знаменитого аляскинского бытописателя Джека Лондона на сей счет такая версия. Увидев однажды, как русский охотник (его имя история не сохранила) достает из кармана пригоршню золотых бляшек, губернатор Русской Америки Александр Баранов сказал: «Иван, я запрещаю тебе этим заниматься. И никому ни слова об этом. Если американцы и англичане узнают, что в этих горах есть золото, нам будет плохо. Они набегут сюда толпами и затопчут нас».

До 1867 года, когда Александр II продал Аляску американцам, русские продолжали заниматься пушниной, а не драгоценными металлами. Тем не менее слухи о золоте на полуострове время от времени просачивались за его пределы. Но этим рассказам, как правило, не верили. Разве что очень немногие охотники за удачей, искавшие золото в Калифорнии еще в конце 40-х годов прошлого столетия. В начале 80-х их потомки основали на реке Юкон два населенных пункта: американский Секл-сити и канадский Фотимайл, однако мыли золото без особого успеха.

А все дело в том, что мыть надо было не на Юконе, а на соседних ручьях. Однако никто об этом не догадывался.

Индейцы, go home!

В феврале 1896 года некий Роберт Хендерсон, иммигрант из Шотландии, пошел искать счастья куда глаза глядят. Видимо, глаза его глядели в правильном направлении, потому что в один прекрасный день он взошел на гору и, глянув вниз, увидел ручей, от которого исходило знакомое золотое сияние.

В первый день Хендерсон намыл золота на восемь центов. Затем он нанял 20 батраков и вместе с ними примерно за две недели сумел добыть золота уже на \$750. Назвав ручей Золотым Дном, Хендерсон вернулся в обитаемые края и стал искать партнера.

Вскоре к нему обратился некий Джордж Вашингтон Кармак, который незадолго до этого прибыл на Аляску из солнечной Калифорнии. К Хендерсону он явился в сопровождении своей жены – дочери вождя местного племени сивашей, носившей совсем не индейское имя Кейт, а также двух индейцев из того же племени, которых звали Тагиш Чарли и Скукам Джим. Увы, первооткрыватель явно не придерживался правил политической корректности. История не запечатлела точных слов Хендерсона, но смысл их состоял в том, что Кармак может искать золото, а его красномордые спутники должны убраться куда подальше.

Интернационалист Кармак убрался вместе с индейцами. Убрался недалеко – на соседний ручей Кроличий. Там ничего ценного не нашлось. Кармак продвинулся дальше, благо ручьев в округе было немало. И на одном его ждала удача.

Как рассказывал позднее Кармак, он лично вытащил из воды кусок золота размером с большой палец. Индейцы рассказывали другую, более правдоподобную историю. Пьяный Кармак спал под кустом, а Скукам Джим мыл в ручье грязную кастрюлю. Он-то и нашел золотой палец. В любом случае, обнаружив огромный самородок, интернациональная бригада исполнила на радостях импровизированный танец. По мемуарам Кармака, это была смесь ирландской джиги, шотландского хорн-пайпа, фокстрота и любимого индейцами-сивашами танца хулы. Потом они раскурили трубку мира, передохнули и взялись за промывочные лотки.

Ручью было дано имя, которое переводится на русский все теми же словами «золотое дно» (первый, открытый Хендерсоном, по-английски называется Golden Bottom, второй – Bonanza).

На календаре было 17 августа 1896 года.

Забей-вода

Место, где было найдено золото, Кармак застолбил и отправился в Фотимайл праздновать победу. По дороге он рассказывал об удаче и показывал находку. Но поскольку все в округе знали, что он не только пьяница, но и патологический врун, даже золотой палец никого не убеждал. Никто не обратил внимания и на сообщение о том, что в следующий заход Кармак и его индейцы за день намыли золота на \$65. Новая золотая лихорадка началась лишь после того, как округу облетела весть о том, что на ручье Тхрон-дьяк в течение дня добыто золота на \$212.

Тхрон-дьяк переводится с языка сивашей как «забей-вода». Индейцы забивали колья по берегам реки, обозначая место, на котором тот или иной член племени имеет право ставить сети для ловли рыбы. Англосаксы переделали это слово в Клондайк. И оно облетело весь мир.

Летом 1897 года в Сан-Франциско стали прибывать корабли со счастливыми. Они везли золото в сундуках, сумках, банках, бутылках, ящиках, простынях, карманах. Слухи о Клондайке стали распространяться по всей Америке и за ее пределами. Зимой 1897-1898 годов на Клондайк и соседние ручьи обрушилась предсказанная Барановым лавина искателей сокровищ. И большинство из них не представляло себе, что такое Аляска. Профессиональных золотоискателей было мало. Закупив в ближайшей лавке какого-нибудь продовольствия длительного хранения и путеводители по Аляске (обычно не имевшие ничего общего с реальностью), новоявленные золотоискатели отправлялись в дальний и трудный путь к Доусону – крупнейшему населенному пункту региона, золотой столице Клондайка.

Неприятности начинались уже на судах, плывших по Тихому океану к устью Юкона и городу Скагуэй – главным перевалочным пунктам по дороге к Доусону. Участники плаваний вспоминали о них с ужасом. К примеру, судно «Амур» прославилось как «плавучий бардак». При максимальной расчетной загрузке в сто человек на нем уместилось пятьсот. При этом каждым десятым пассажиром оказалась представительница древнейшей профессии. Каждый путешественник

оплатил отдельную каюту, но на судне их оказалось всего пятьдесят. С едой тоже были проблемы. Из-за нехватки продовольствия перекусить удавалось лишь тем, кто вырывал тарелку из рук выходившего с камбуза официанта.

Не делай этого, Рид!

Людей, прибывших в Скагуэй, ждал еще один неприятный сюрприз – человек по имени Джеферсон Рэндольф Смит, которого прозвали Соупи (Мыльный). Мистер Смит начинал свою карьеру уличным мошенником в штате Колорадо. Он торговал мылом. Кусок мыла продавался за сумасшедшие деньги – \$5. Но в некоторых кусках под оберткой якобы скрывалась стодолларовая бумажка. Правда, доставались эти куски исключительно помощникам Смита, но публика этого не знала, и моментально выростала огромная очередь страждущих, скупавших столь ценный предмет гигиены. Когда, устав от мыльных афер, Смит собрал банду и перешел к рэкету, у него возникли проблемы с законом. Тогда он и решил перенести бизнес на территорию, где властей еще практически не было. И вместе с бандой отправился в Скагуэй.

Вскоре Смит уже полностью контролировал город, где зимовали искатели счастья. При этом он в основном зарабатывал деньги относительно честными способами. Кроме традиционных игорных домов он организовал несколько контор, предоставлявших услуги по пересылке телеграмм, упаковке товаров, переправке грузов в Доусон. Конторы активно рекламировались в местной газете, также принадлежавшей Смицу. Не обходилось, впрочем, и без воровства. Как только новичок заходил в контору, несколько членов банды, изображавших очередь к прилавку, затевали скандал, перераставший в драку. В результате кошелек случайного клиента куда-то бесследно пропал. Повезло однажды только Рове, первому католическому епископу Аляски. К ограбленному священнослужителю на улице подошел бандит и вернул кошелек. «Я все же ваш прихожанин», – объяснил он свой странный поступок.

Довольно долго фокусы Смита сходили ему с рук. Но постепенно чаша терпения горожан переполнилась. Последней каплей стало ограбление молодого золотоискателя Стюарта, у которого исчез кошелек с золотом на \$2800 – все, что он добыл за два года. Полиция предложила Мыльному Смицу вернуть деньги к определенному сроку. Смит пришел на встречу с полицейскими с винчестером в руке и кольцом в кармане.

Некоронованный король города не мог даже подумать, что в него будут стрелять без предупреждения. Смит успел крикнуть: «Не делай этого!», но полицейский Рид уже нажал курок. Он выстрелил трижды. Первый патрон разорвался, смертельно ранив самого полицейского. Пуля из второго попала в сердце бандиту. Третья задела коленку уже мертвого Смита.

Все 26 членов банды Смита были отправлены в тюрьму. Чуть позже половину выслали с Аляски, а остальные пробыли за решеткой от года до десяти. С организованной преступностью в золотом краю было покончено. Осталась только неорганизованная. Несмотря на присутствие канадской конной полиции и комитетов бдительности, в любом из городов Клондайка человеческая жизнь не стоила ничего. Убийства как в пьяной ссоре, так и с целью ограбления были делом привычным.

Мети, метла!

Тех, кто со всевозможными приключениями все же добирался до Клондайка, ждал новый сюрприз. Прибывшие должны были иметь при себе запас продовольствия на год. Это означало, что необходимо было либо вернуться на побережье, либо платить по полтора доллара (что было эквивалентно трем граммам золота) за куриное яйцо. Если где-нибудь в Нью-Йорке или Филадельфии на \$7 вполне можно было существовать в течение месяца, то в Доусоне – разве что снять на одну ночь койку в грязной ночлежке. Столько же брала с клиента прачка. К слову, из 40 тыс. обитателей Доусона 5 тыс. были представительницами женского пола. Местные дамы предпочитали работать не прачками и за услуги брали \$30.

Впрочем, и это не казалось обитателям города большими деньгами. Известен случай, когда хозяин салуна Northern заплатил мальчишке за уборку прилегающей территории \$25. Помахав метлой, мальчишка стал обладателем огромного количества золотого песка, валявшегося буквально в грязи. Взвесив и подсчитав, он обнаружил, что его дополнительный заработок составил \$278. Звучит впечатляюще даже сегодня, а тогда это было целое состояние. Неудивительно, что поток желающих найти счастье на берегах Клондайка не иссякал: летом 1897 года в Доусоне проживали около 5 тыс. человек, а уже через год население города выросло в восемь раз.

Но действительно богатых людей в районе золотой лихорадки было примерно 90. Они имели состояния от \$25 тыс. до 500. Как и в Калифорнии, среди богачей практически не было золотоискателей. Разбогатели в основном владельцы гостиниц, салунов и нелегальных игорных домов, а также те, кто поставлял в Доусон провиант и товары первой необходимости.

Что касается золотодобычи, то нормальные деньги этот вид деятельности стал приносить лишь с 1899 года, когда на Аляску пришли представители крупного бизнеса, скупившие целые ручьи, установившие на них спецтехнику и добившиеся от местных властей введения лицензии на золотодобычу в размере \$2,5 тыс. в год, что поставило барьер на пути авантюристов-одиночек. Именно с появлением серьезных бизнесменов принято связывать окончание

золотой лихорадки на Аляске. С 1905 года уровень добычи золота вообще пошел на спад, и Доусон из «золотого города» опять превратился в провинциальную дыру.

Плыви, Чарли!

Далеко не всем открывателям Клондайка была уготована завидная судьба. В частности, Роберт Хендерсон (тот самый Хендерсон, который открыл ручей Золотое Дно) узнал о происходящем едва ли не последним. Когда он спохватился, все лучшие места были уже расхватаны и ему удалось застолбить лишь несколько участков, на которых практически не было золота. Пережив инфаркт, он продал свои мини-прииски, чтобы оплатить медицинские счета. Лишь после продажи он узнал, что на одном из его бывших участков найдена богатейшая жила. С горя первооткрыватель решил покинуть Аляску. На пароходе его ограбили. От нищенского существования Хендерсона спасла назначенная правительством Канады пенсия в размере \$200 в месяц «за заслуги перед канадским народом».

Тагиш Чарли, разбогатев, получил канадское гражданство и открыл отель. Его пускали во все салуны, куда был закрыт вход другим индейцам. После очередной пьянки «почетный белый», как называли его остряки, свалился с моста в реку и утонул.

Скукам Джим зарабатывал по \$90 тыс. в год. Но что-то случилось с его психикой: он никак не мог остановиться, продолжал с упорством маньяка мыть золото по 14-16 часов в день и в результате умер от перенапряжения.

Лучше других устроился Джордж Вашингтон Кармак. Вместе с индианкой Кейт он поехал отдохнуть в Калифорнию. Там они весело проводили время, швыряя деньгами в буквальном смысле слова: разбрасывали доллары из окна своего номера в отеле. Порой возникали проблемы: неграмотная Кейт, чтобы не забыть, где живет, ножом вырезала на двери своего номера какой-нибудь рисунок. Кроме того, она имела привычку много пить. Выпив, она начинала драться, а подравшись, попадала в полицию. Кончилось тем, что Джорджу Вашингтону надоело давать взятки полицейским за освобождение жены из-под стражи. Он развелся с Кейт и вскоре женился на профессиональной проститутке Маргарэт Лайми, которая испытывала непонятную страсть к золотоискателям и еще до Аляски успела побывать на золотых приисках в Австралии и Южной Африке. Теперь она начала новую жизнь, и муж вместе с нею. Пьянки и разбрасывание

денег кончились, а к золоту Аляски прибавились доходные дома, гостиницы и золотые рудники в Калифорнии.

Анастасия Фролова

Белая неблагодарность

24 декабря 1865 года, в Рождественский сочельник, шестеро молодых людей собрались в маленьком городке Пьюласки на юге США, в штате Теннесси, и ради собственного развлечения организовали тайное общество, нечто вроде клуба. У него быстро появились собственные ритуалы и униформа, иерархия и устав, а главное – громкое имя, которое хорошо известно и много десятилетий спустя, – Ку-Клукс-Клан. Как ни странно, Клан и породившая его эпоха остается предметом политических споров и исторических сближений по сей день. Одни считают его первой террористической организацией Америки и первой так называемой hate-group, то есть сообществом, объединенным ненавистью к определенной социальной группе. Другие видят в Клане пример героического сопротивления оккупантам, общенародного движения, пытавшегося поддерживать закон и порядок в условиях послевоенной разрухи и безвластия. Одни напоминают, что Клан, союзники Клана и самозванцы, пользовавшиеся его атрибутами, в 1860-1870-е годы убили больше американцев, чем террористы «Аль-Каиды». Другие охотно сравнивают использование регулярных войск северян для оккупации Юга после Гражданской войны с таким же не слишком удачным использованием американской армии против Ирака. В американских судах в последние годы один за другим прошли несколько громких процессов против клансменов 1960-х. Южные штаты до сих пор не могут решить, что символизирует флаг Конфедерации, часто присутствующий в том или ином виде на их собственных флагах: галантный, утонченный и героический Юг или позорный Юг рабовладельцев и судов Линча. А летом 2005 года американский сенат принял специальную резолюцию, в которой извинился за то, что федеральный закон, запрещающий суды Линча, так никогда и не был им одобрен...

В период расцвета в рядах Клана состояли от 3 до 5 млн американцев

Ночные призраки

В рассказе «Пять апельсиновых зернышек» Артур Конан Дойль объясняет происхождение названия «Ку-клукс-клан» звукоподражанием: похожий звук издает ружейный затвор, когда его взводят. Однако общепринятая версия вовсе не так зловеща: шестеро образованных молодых людей, ирландцев по происхождению и бывших офицеров армии Конфедерации, использовали греческое слово «киклос», означающее «круг» (имелся в виду круг избранных), и английское «клан». После творческой обработки получился «Ку-клукс-клан», или три загадочных «К». Выбор названия оказался удивительно удачным: историки считают, что стремительный успех Клана объясняется во многом именно правильным брендингом.

Поначалу ничего злонамеренного в новом обществе не было. Чтобы развлечься, юноши придумывали себе самые невероятные звания и должности, а по вечерам разъезжали по окрестностям в масках и одеяниях из простыней. Униформу дополнял колпак в форме конуса, делающий человека выше. Для новых членов были придуманы сложные ритуалы посвящения: новобранцу завязывали глаза, заставляли произнести несколько бессмысленных клятв, давали пару тумачков, после чего приводили к «королевскому алтарю» и водружали «королевскую корону». Когда наконец разрешали снять с глаз повязку, выяснялось, что алтарем служит зеркало, а вместо короны на голове имеются два больших ослиных уха.

Для непосвященных тоже устраивали розыгрыши. Всадник в маске подъезжал ночью к дому какого-нибудь негра и просил дать ему воды. Когда ему приносили ведро из колодца, он выпивал его залпом и просил еще. На самом деле у него под маской была спрятана резиновая трубка, через которую вода попадала в большой кожаный мешок, незаметный под балахоном. «Выпив» таким образом несколько ведер, всадник восклицал: «Я ведь не выпил ни глотка с тех пор, как пал на поле брани!» – и скрывался в ночи, оставив суеверного хозяина дрожать от ужаса. Наутро вся округа, разумеется, только и говорила о том, что гигантские белые призраки солдат Конфедерации разъезжают ночью по окрестностям. Негры еще очень хорошо помнили, как по тем же ночным дорогам разъезжали патрули белых, ловившие беглых

рабов и тех, кто участвовал в мятежах на плантациях. А белые еще помнили дух пионеров, которые были скоры на расправу, если видели несправедливость или угрозу своей жизни, и при этом обходились без долгих судебных разбирательств. Обнаружив, какое впечатление они производят, клансмены стали сознательно запугивать негров и грозить им всякими карами, если те будут «плохо себя вести» (а вчерашние рабы были не прочь злоупотребить полученной свободой). Клан объявил себя «организацией, призванной защищать белых от возможных проблем с неграми». Забава имела все шансы превратиться в нечто вполне серьезное.

Все против всех

В конце 1865 года, когда был создан ККК, обстановка в южных штатах была, мягко говоря, сложной. Всего несколько месяцев назад Гражданская война закончилась поражением Юга. Города и плантации лежали в руинах. Солдаты побежденной армии, оборванные и голодные, возвращались домой. «Мы покоренный и униженный народ, – писал редактор одной из газет Южной Каролины в апреле 1865 года. – Без прав, без привилегий, без собственности...»

Между тем освобожденные негры ждали, когда правительство выдаст им по 40 акров земли. Разнообразные дельцы и авантюристы с Севера устремились на Юг в надежде разбогатеть. Местные сторонники северян горели желанием отомстить за все притеснения. Создавались многочисленные вооруженные отряды добровольцев, которые должны были следить за соблюдением законности и общественного порядка, а на деле защищали белых от черных, богатых – от бедных, демократов – от республиканцев, победителей – от побежденных и наоборот. А федеральные власти никак не могли решить, как им обустроить жизнь в побежденных штатах.

Сначала довоенная аристократия осталась у власти, но очень быстро выяснилось, что она ничего не собирается менять в традиционном укладе. Один за другим штаты приняли так называемые black codes – «законы о черных», согласно которым положение негра мало отличалось от довоенного, только в роли хозяина теперь выступало государство. Негры могли работать только на фермах или быть слугами; чтобы получить любую другую работу, им следовало заплатить налог. Они обязаны были работать «от зари до зари», не имели права покидать плантацию без разрешения, не могли иметь оружия или употреблять алкоголь. Любой безработный бывший раб мог быть арестован и осужден за бродяжничество. В Миссисипи межрасовые браки карались смертью (этот закон был отменен только в 1970-е годы). В Луизиане демократическая конвенция (а аристократы южных штатов были демократами) приняла заявление, согласно которому «люди африканского происхождения не могут считаться гражданами Соединенных Штатов». Обязанность обеспечивать новый (а по существу старый) порядок взял на себя Ку-клукс-клан.

На протяжении 1866 года Клан приобрел известность на Юге. Во множестве штатов возникли его ячейки. Все чаще клансмены от слов переходили к делу: избивали, поджигали дома, грабили и убивали тех, кого считали правонарушителями. Проступки могли быть разные: непочтительность негра к белым, связь чернокожего с белой женщиной, поддержка федеральной армии или помощь неграм в получении образования или приобретении земли. Одним из самых распространенных «преступлений», особенно возмущавших Клан, было желание негров реализовать свое избирательное право. Получил распространение суд Линча, когда группа людей без суда и следствия расправлялась с «обвиняемым»: избивала, порола, калечила, вздергивала на ближайшем дереве или бросала в воду с камнем на шее.

Разумеется, северяне не для того выиграли Гражданскую войну, чтобы мириться с таким положением. В знак протеста конгресс отказался принять в свои ряды сенаторов из южных штатов. Результат активности Клана оказался противоположным задуманному: радикальные республиканцы, настаивавшие на более жестком обращении с побежденными и на обеспечении равноправия бывших рабов, одержали уверенную победу.

Для южан это было очередным напоминанием о том, что права штатов больше не существуют и что они должны подчиниться. Но бороться открыто, когда на их территории находилась армия победителей, они не могли. Зато могли воспользоваться подвернувшейся под руку тайной организацией, где лица были спрятаны под масками, а вид и без оружия внушал страх. Но для этого нужно было превратить клуб молодых повес, «воспитывавших» негров для собственного удовольствия, в военную организацию с железной дисциплиной и четкими политическими целями.

Защитники женщин

В начале 1867 года начался новый этап «реконструкции» Юга. Южные штаты отказались ратифицировать 14-ю поправку к конституции, в которой говорилось, что «штат не имеет права принимать и проводить в жизнь законы, ограничивающие права граждан Соединенных Штатов...». После этого органы власти штатов были упразднены, а сами штаты разделены на десять военных оккупационных зон. Военным было поручено обеспечить участие негров в выборах новых конституционных собраний. В апреле 1867 года в Нешвиле представители Ку-клукс-клана из разных штатов собрались, чтобы обсудить план действий в новой обстановке и решить ряд организационных вопросов. Главой Клана стал генерал-кавалерист армии Конфедерации Натан Бедфорд Форрест, известный тем, что в 1864 году в форте Пиллоу перебил 300 пленных чернокожих солдат и их белых командиров. Сначала на эту роль Клан пригласил знаменитого генерала Роберта Ли; тот отказался, сославшись на плохое здоровье, но пообещал оказывать Клану «невидимую поддержку». Узнав, что Клан возглавит Форрест, Ли заметил: «На Юге нет человека, который мог бы успешно руководить такой огромной организацией. Однако передайте генералу мое почтение и скажите, что я надеюсь, ему это удастся».

Великий маг Форрест был главой всего Клана, или «Невидимой империи». Подведомственная ему территория делилась на «царства», соответствующие отдельным штатам, затем шли «доминионы» (несколько округов штата), «логова» и первичные ячейки – «пещеры». Заместители Великого мага назывались Гениями, главы царств носили титул Великих драконов, главы доминионов были Великими титанами, главы логова – Великими циклопами. Другие члены организации в зависимости от функций именовались не так величественно, но не менее устрашающе: гидрами, фуриями, ночными ястребами, вампирами. Как положено всякой серьезной организации, у Клана был свой флаг: полотнище треугольной формы с желтым фоном и красной каймой. На нем был изображен черный крылатый дракон и написан латинский лозунг «Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus», который можно перевести как «То, во что верят всегда, везде, все».

Сам Форрест формулировал цель Клана как «защиту женщин Юга». Подразумевались, естественно, белые женщины, а защищать их следовало главным образом от черных мужчин. Практически все южане мужского пола не только полностью разделяли эту цель, но и приняли самое деятельное участие в ее достижении. Например, в одном из округов Южной Каролины в конце 1860-х годов из 2300 взрослых белых мужчин 1800 были активными членами Клана. Для террористической организации это, пожалуй, слишком много. Скорее речь шла о партизанской армии.

Бойцы невидимого фронта

В 1868 году угроза, которую представлял Клан, стала очевидной и для властей южных штатов, и для центрального правительства. В газетах писали о жестокостях, совершаемых людьми в масках и белых балахонах. Тысячи пасторов, врачей, чиновников, торговцев, политиков, бывших офицеров превращались по ночам из мирных граждан в боевиков, убивавших и калечивших не только негров, но и сочувствовавших им белых, и ненавистных северян. По данным Форреста, в Клане состояло больше 0,5 млн человек, по другим данным – 2 млн. В разных районах Клан действовал под разными названиями, чтобы его члены могли в случае необходимости дать клятву в суде, что они не состоят в Ку-клукс-клане.

Стало ясно, что ситуация вышла из-под контроля. Когда губернатор Теннесси Уильям Браунлоу попытался внедрить в Клан своих шпионов, все три попытки закончились трагически: Клан слишком много знал про намерения губернатора. Негры были в отчаянии: «Повстанцы хвастаются, что у негров теперь не будет даже столько свободы, сколько было при рабстве. Если дело пойдет так дальше, наша участь решена. Господи, Ты знаешь, что это хуже, чем рабство».

Считается, что в 1869 году вновь избранный президент Улисс Грант тайно встретился с Великим магом Форрестом. Грант обещал Форресту начать вывод федеральных войск и постепенно восстановить права Юга в составе Соединенных Штатов в обмен на прекращение мятежа. Форрест действительно в 1869 году распустил Клан, заявив, что тот перестал отвечать поставленным ранее целям, но есть подозрения, что он это сделал исключительно для виду, чтобы снять с себя ответственность за зверства клансменов. Как бы то ни было, после официального роспуска активность и жестокость Клана только возросли. Тем более что представители аристократии не хотели выглядеть в глазах общества убийцами и покидали его ряды, зато на их место приходили настоящие головорезы.

Между тем в 1870 году была принята 15-я поправка к конституции, в которой было прямо сказано, что «право граждан Соединенных Штатов избирать не должно быть отнято у них или ограничено Соединенными Штатами или любым штатом на основании расы, цвета

кожи или предшествующего статуса раба». Видя, что положение на Юге не меняется к лучшему, конгресс в 1871 году провел слушания по поводу деятельности Клана, после чего были приняты весьма жесткие акты, объявлявшие Клан вне закона и санкционирующие применение силы для пресечения его деятельности. Южане потеряли юрисдикцию над преступлениями против личности, а президент получил право объявлять военное положение. Ночные рейды и ношение масок отныне были запрещены.

Период реконструкции Юга подходил к концу. Последним из законодательных актов этого времени был закон о гражданских правах 1875 года, признававший «равенство всех людей перед законом» и «долг правительства... обеспечивать равное и точное правосудие независимо от национальности, расы, цвета кожи, религиозных и политических убеждений». Однако воплотиться в жизнь этим благим намерениям было суждено еще очень нескоро.

В ходе президентских выборов 1876 года, вошедших в историю как самые продажные, претендент-демократ Резерфорд Хейс в обмен на спорные голоса южных штатов пообещал им вывести все оставшиеся федеральные войска. В результате Хейс стал президентом, а южные штаты вернули себе самостоятельность.

Нужда в кровавом терроре отпала. Штаты довольно быстро приняли местные законы, по которым негры не имели возможности участвовать в выборах. Для этого использовались разные методы: избирательные налоги, проверка грамотности или даже поправка, согласно которой в выборах могли участвовать только те, чьи деды голосовали на предыдущих выборах. Формально эти оговорки не упоминали цвет кожи, но реально исключали для большинства бывших рабов возможность голосовать. Что касается законодательного запрета Ку-клукс-клана, то в 1882 году он был признан антиконституционным и отменен, но к тому времени Клан уже стал историей, как казалось, навсегда.

Второе рождение

В 1915 году, спустя 50 лет после исторического Рождественского сочельника в Пьюласки, Клан пережил второе рождение. На этот раз он родился на горе Стоун-Маунтин в штате Джорджия, а его отцом стал неудачливый пастор методистской церкви, уроженец Алабамы Уильям Джозеф Симмонс. Симмонс состоял в полудюжине разных клубов, но всю жизнь мечтал о создании собственного «братства». Накануне Дня благодарения Симмонс собрал в Атланте 15 будущих братьев, посадил в автобус, отвез на гору и там поднес спичку к кресту, сколоченному на скорую руку из сосновых досок. Рядом на ветру реял американский флаг, а свет горящего креста освещал страницы Библии, открытой на Послании к римлянам. В этой торжественно-романтической обстановке присутствующие поклялись в верности «Невидимой империи рыцарей Ку-клукс-клана».

Новый Клан провозглашал своей главной идеей «всеобъемлющий американизм» и вдохновлялся романтическим представлением об отважных рыцарях, которые еще остались у многих южан и в тот момент были подхлестнуты грандиозным фильмом «Рождение нации», снятым по роману «Клансмен». Когда фильм вышел на экраны в Атланте, Симмонс поместил рекламу Клана в местной газете рядом с рекламой фильма. Именно из этого фильма Симмонс позаимствовал горящий крест как один из самых ярких символов новой организации; на самом деле Клан времен Реконструкции сожжения крестов не практиковал, зато методистскому проповеднику христианский символ охваченного пламенем креста был близок.

Скорее всего, поначалу Симмонс просто хотел заработать (членский взнос составлял \$10) и покомандовать в собственном «братстве», хотя сам он формулировал свои приоритеты иначе: «Добрая воля и братская доброта – свойства моей души. Самоотверженная патриотическая служба людям была неизменной целью моего ума и сердца. Жить „не для себя, а для других“ (Non silba sed anthar) – мой жизненный девиз, моя высшая цель и моя царственная слава. Я поистине люблю моих собратьев и всю жизнь стремился служить им самозабвенно и ради их блага». Однако в условиях массовой иммиграции в США «чужаков», а также на волне патриотизма, вызванного вступлением США в Первую

мировую войну, Клан, как и в первый раз, быстро превзошел самые смелые ожидания его создателя. «Чисто благотворительная организация», которая в разные периоды собиралась заняться созданием университетов, издательств, бесплатного жилья для молодоженов, программы поддержки сирот, медицинскими исследованиями и строительством больниц, одновременно была настроена решительно бороться с «внешними врагами, бездельниками, забастовщиками и аморальными женщинами». Члены клуба исповедовали стопроцентный американизм, протестантизм и превосходство белой расы, так что в число врагов автоматически попадали чернокожие, католики, евреи и вообще иностранцы.

Политическая сила

В 1920 году Клан насчитывал 5 тыс. членов, в основном в Джорджии. К концу 1921 года в «Невидимой империи» состояло уже 100 тыс. человек. И тут на помощь Симмонсу пришла пресса: после серии публикаций о жестокостях клановцев и инициированного ею расследования в конгрессе число членов перевалило за миллион. На слушаниях Симмонс отрицал всякую связь со «старым» Кланом и заявил, что ничего не знал о беззакониях отдельных членов его организации и не несет за них никакой ответственности. Конгресс в результате оставил Клан в покое, зато слушания, как признавал довольный Симмонс, стали «бесплатной и очень нужной рекламой», после которой о новых рыцарях «Невидимой империи» узнали по всей стране.

Множество полицейских, судей, пасторов и городских чиновников вступили в ряды Клана, поэтому рассчитывать на их защиту жертвам не приходилось. В отличие от первого Клана, второй вербовал своих сторонников в основном не на Юге, а на Среднем Западе, был особенно многочисленным в городах, а не в сельской местности и опирался не на богатых землевладельцев-аристократов, а в основном на бедных белых, для которых принадлежность к белой расе была единственным поводом для гордости.

В период расцвета в рядах Клана состояли, по разным данным, от 3 до 5 млн американцев, а некоторые даже называют цифру 8,9 млн. Разумеется, не все участвовали в насилии, но зато все голосовали на выборах за своих кандидатов. В Техасе член Клана стал представителем штата в американском сенате; в Алабаме, Джорджии, Калифорнии, Орегоне Клан добился, чтобы губернаторами избрали тех, кто разделял его взгляды, во многих других с ним просто нельзя было не считаться. Дантист из Техаса Хайрэм Эванс, сменивший Симмонса на посту Имперского мага, даже надеялся повлиять на исход президентских выборов 1924 года и поэтому перенес штаб-квартиру Клана из Атланты в Вашингтон. Самой невинной демонстрацией силы Клана были грандиозные парады. В 1925 году в шествии по улицам Вашингтона участвовали 40 тыс. клановцев в полном облачении.

Бесславный конец

Передача власти от Симмонса к Эвансу сопровождалась чередой громких скандалов, судебных процессов и даже стрельбой. Речь шла о миллионах долларов: именно столько стоила тогда принадлежавшая ККК собственность. В конце концов в 1924 году Эвансу удалось откупиться от Симмонса, после чего он правил Кланом до 1939 года. Однако начиная со второй половины 1920-х годов популярность Клана стала падать. Денежные дрязги, о которых знала вся Америка, аморальное поведение многих лидеров организации, защищавшей традиционные моральные ценности, и многочисленные случаи избиений и убийств на почве расовой ненависти постепенно подмочили репутацию рыцарей «стопроцентного американизма». Последней каплей стал суд над Великим драконом Индианы и других штатов Дэвидом Стивенсоном, который был осужден за то, что зверски изсек, изнасиловал и убил Мадж Оберхольцер. Приблизил конец Клана и журналист Стетсон Кеннеди, который проник в организацию и показал общественности всю ее неприглядную кухню. В частности, он сообщил тайные коды и пароли создателям серии радиопередач для детей «Супермен», после чего эти сверхсекретные сведения с упоением повторяли все дети Америки. После такого мало кто мог воспринимать Клан всерьез.

Государство добило Клан в 1944 году – налоговая служба потребовала, чтобы Клан заплатил больше \$685 тыс. налогов на доходы, полученные в 1920-е годы. «Нам пришлось продать то, что у нас было, передать всю выручку правительству, и после этого с бизнесом было покончено», – вспоминал тогдашний Имперский маг Джеймс Коулскотт. После войны врач из Атланты Самуэль Грин попытался возродить движение, но безуспешно. Он умер в 1949 году, оставшись в истории последним общепризнанным Имперским магом. После этого бренд «Ку-клукс-клан» перестал быть торговой маркой и превратился во всеобщее достояние. Спустя полтора десятилетия он снова оказался востребован.

Современный Клан

Последний раз Клан заставил говорить о себе в 60-е годы, когда негритянское население Юга боролось против сегрегации, за равные права с белыми. Максимальная численность Клана в середине 60-х составляла 17 тыс. Клан действовал в основном на Юге: во Флориде, Алабаме, Миссисипи. На этот раз никаких благовидных предлогов никто даже не пытался придумать: это был в чистом виде террор против чернокожих, намеренных воспользоваться своим избирательным правом, и помогавших им белых активистов. Но и сочувствовавших такой тактике на этот раз было гораздо меньше, чем в предшествующие исторические периоды. Особенно всех потряс взрыв в Бирмингеме в сентябре 1963 года, когда бомба убила на ступенях церкви четырех негритянских девочек 11-14 лет, учениц воскресной школы (самая младшая из них была подружкой Кондолизы Райс).

Современные организации, считающие себя наследниками ККК, насчитывают около 6 тыс. членов на всю Америку, раздробленных на десятки ячеек; примерно две трети из них действуют в южных штатах, остальные – главным образом на Среднем Западе. Больше других известны «Американские рыцари Ку-клукс-клана», «Рыцари белой камелии» и «Имперские кланы Америки». Их члены не всегда любят афишировать свою принадлежность к Клану. Учитывая страсть всякого настоящего клан-смена к таинственности, члены Клана опознают своих с помощью специального приветствия. «АУАК?» – вскользь замечает в беседе один... «АКІА», – отвечает посвященный. Первый задает вопрос: «Ты клансмен?» («Are you a klansmen?»), второй отвечает утвердительно («A klansmen I am»).

Руководители отдельных подразделений выбирают разную тактику борьбы за права белой расы. Одни объединяются с откровенными фашистами. Другие избегают открыто провозглашать расовые принципы и пытаются стать уважаемой общественной организацией, участвующей в разного рода благотворительности и даже поддерживающей отдельных политиков. Третьи создают нечто вроде семейных клубов «для сохранения белой расы и обеспечения будущего белых детей», где устраиваются пикники с играми для детей

и взрослых; правда, во время пикника где-нибудь в сельской глубинке все участники на некоторое время надевают белые балахоны и благоговейно взирают на горящие кресты. Но ни те, ни другие, ни третьи для массового сознания не особенно интересны.

Другое дело – вопрос об итогах Гражданской войны. Некоторые историки и многие южане отстаивают такой взгляд на события полуторавековой давности, согласно которому вопрос о рабстве не был основным вопросом войны; южные штаты в первую очередь боролись за самостоятельность, а северян воспринимали как чужаков и оккупантов. Соответственно, у ККК не было специальной расовой ненависти к неграм, просто негры выступали в основном в качестве союзников манипулировавших ими северян. ККК строго соблюдал собственные правила, никогда не убивал невиновных, устраивал нечто вроде суда перед казнью, и вообще, его жертвами были, дескать, не только негры, а среди членов были бывшие солдаты-северяне и даже негры и евреи. Поскольку отрицать документально подтвержденные многочисленные факты линчевания невозможно, все они списываются на тех, кто прикрывался одеждами Клана, но не был его частью. Логичным итогом таких рассуждений является следующий вывод: если бы не история Клана в XX веке, когда никаких оправданий вроде Гражданской войны и Реконструкции уже не было, первоначальный Клан остался бы в истории как «организация достойных мужчин, которые в невыносимых условиях были вынуждены делать лишь необходимое для защиты жизни, свободы и собственности во времена беспрецедентного беззакония и злоупотребления властью».

Сейчас существуют несколько организаций, которые озабочены сохранением исторического наследия южных штатов и с восторгом отзываются о патриархальном, благородном Юге, где все были счастливы, хозяева заботились о рабах, а рабы отвечали им преданностью и где рабство было бы постепенно преодолено само собой. Но даже в условиях навязанного Севером ускоренного освобождения рабов для достижения равноправия рас понадобилось больше века. Так что рассуждения о безвозвратно утраченных добрых старых временах выглядят не очень убедительно; вид людей в белых колпаках, масках и балахонах у большинства почему-то ассоциируется не с галантными аристократами и не с защитниками вдов и сирот, а с горящими крестами и безжизненными телами на фонарных столбах.

Владимир Гаков

Рыцари безумного образа

Без малого 800 лет назад начался самый бессмысленный из крестовых походов: десятки тысяч детей со всей Европы отправились в Палестину отвоевывать у неверных гроб господень. Большинство нищих, безоружных, сагитированных бродячими проповедниками маленьких крестоносцев погибло в пути, а достигшие моря были проданы в рабство. Отчаявшись найти этому безумию рациональное объяснение, историки развели руками: видимо, и у истории бывают патологии. Но и основные восемь «официальных» крестовых походов представляли собой грандиозную политико-экономическую авантюру. Ее результатом стала не христианская экспансия в исламский мир, а наоборот – беспрепятственное проникновение в Европу идей и товаров с Востока.

Одной из причин крестовых походов было усиление папской власти

Исламский фактор в начале второго миллениума

О причинах, вызвавших крестовые походы, историки спорят до сих пор. Безусловно, одной из главных было усиление папской власти и желание Святого престола распространить свое влияние на обширные арабские владения в Европе, Азии и Африке (а заодно и на христианскую соперницу Византию). Свою роль сыграло тяжелое экономическое положение в Европе: феодальная междоусобица, голод, эпидемии и бунты пополнили ряды крестоносцев теми, кто рассчитывал поживиться на славившемся своими несметными богатствами мусульманском Востоке. Наконец, на кампании заметно нажились торговые республики Южной Италии (в основном венецианцы). Купцов, державших торговлю на всем Средиземноморье, религиозные споры волновали мало в отличие от перспективы вернуть себе опорные центры на Ближнем Востоке путем изгнания оттуда конкурентов мусульман.

Экономическая ситуация к началу XI века напоминала нынешнюю с точностью до наоборот: роль золотого миллиарда, экспортировавшего товары, выполнял арабский Восток, а третьего мира, богатого лишь сырьевыми ресурсами (из коих в ту пору главным были рабы) – слаборазвитая Европа.

Первые походы хотя и получили благословение Ватикана, были чистой воды «инициативой с мест»: европейские монархи, не дожидаясь папских указаний, сами занялись разборками со своими «исламистами». Первым, по сути, крестовым походом (хотя официально его так никто не называл) стала испанская Реконкиста – война христианских королей Северной Испании против арабских халифатов, оккупировавших юг Пиренейского полуострова. Эта война закончилась в 1085 году победой первых, после чего опасность тотальной исламизации Европы была на какое-то время снята с повестки дня.

На сем с крестовыми походами можно было бы и завязать. Но на практике сделать это оказалось так же невозможно, как загнать выпущенного джинна обратно в бутылку. За время Реконкисты

сложились первые «межнациональные силы» европейских рыцарей, которым поход против неверных принес не столько идеологические дивиденды (благорасположение папы, отпущение грехов и тому подобное), сколько материальные: арабский Восток, не в пример христианской Европе, в начале второго тысячелетия купался в роскоши. Поэтому, когда в Испании миссия рыцарей закончилась, их алчные взоры устремились на поиски новых земель, где можно было бы сразиться с воинами ислама.

Цель не пришлось искать долго: это была находившаяся под властью мусульман Святая земля – Палестина. Подспудно папская власть имела виды и на свою главную конкурентку – Византию.

После взаимных отлучений в 1054 году (когда папский легат отлучил от церкви константинопольского патриарха, а затем тот, с согласия императора, в свою очередь, отлучил легата) пропасть между двумя христианскими церквями, римской и греческой, стала непреодолимой. Но главным аргументом, если не для Святого престола, то для европейских государей и их рыцарей, был тот, что по богатству Византийская империя не уступала даже арабским халифатам.

Арабы, серьезно потрепанные в предыдущие два столетия византийцами и погрязшие в собственной междоусобице, к началу XI века вновь окрепли. Произошло это во многом благодаря притоку свежей крови из Средней Азии. Хлынувшие оттуда кочевые тюрки-огузы, принявшие ислам и имя турок-сельджуков, смогли невероятно быстро завоевать всю Малую Азию и создать мощную империю – конкурентку медленно загнивавшей Византии.

Угроза для последней была столь реальна, что, по одной из версий, византийский император Алексей Комнин вынужден был даже пойти на беспрецедентную меру. Он будто бы обратился с тайным письмом к западноевропейским государям с призывом защитить Константинополь от турок.

В «приглашении» императора содержался намек на то, что город богат не только христианскими святынями: «Если, сверх ожидания, вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напому вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей». Намек был прекрасно понят, и идеей похода на защиту Константинополя (первоначально цель формулировалась

именно так) загорелся крупный французский феодал граф Роберт Фландрский. Он начал спешно сколачивать рыцарское войско для похода на турок, однако неожиданно умер, после чего идея повисла в воздухе.

Тем временем по европейским городам и весям начали блуждать идеи военного похода в Святую землю: многие влиятельные проповедники, подобные Петру Отшельнику, призывали простой христианский люд отправиться освободить Гроб Господень и другие священные реликвии из рук неверных.

Ограниченный рыцарский контингент

До начала XI века арабы вели себя на завоеванных территориях Ближнего Востока относительно веротерпимо: местным христианам разрешалось строить свои храмы. Все изменилось с приходом диких и необузданных турок, после чего повод для масштабной карательной акции был найден.

В 1095 году папа Урбан II призвал европейских государей и рыцарство в первый крестовый поход. Однако, прежде чем они откликнулись, произошел несанкционированный «поход босоногих».

Почти 200 тыс. мелких рыцарей, горожан и крестьян, возбужденных проповедями Петра Отшельника, прошли по Европе до самого Константинополя, разоряя и грабя города. После того как они переправились через Босфор, их наголову разбили турки. Поход закончился полным провалом.

Эта неудача заставила отнестись к организации следующего похода с предельной серьезностью. Особое внимание было уделено вопросам снабжения войск провиантом, оружием, амуницией и морским транспортом. На этот раз возглавили кампанию крупные феодалы, имевшие опыт затяжных военных действий: герцог Готфрид Бульонский (ему пришлось заложить свои земли для содержания собственного почти 70-тысячного войска), его брат Боэмунд, герцог Роберт Нормандский (сын английского короля Вильгельма Завоевателя), граф Роберт Тулузский и другие.

Первый официальный крестовый поход начался в 1096 году и продлился три года. Большинство его участников, конечно, двигали откровенно меркантильные, а отнюдь не религиозные мотивы.

Направляясь в Святую землю, крестоносцы держали в голове богатый Константинополь. Но к этому времени византийскому императору удалось самому решить свои проблемы с турками и он забыл о недавнем «приглашении на княжение» европейским государям. Пришлось Алексею Комнину применить все свое дипломатическое искусство, чтобы спровадить нежданных «защитников» в Малую Азию буквально из-под стен города.

Поход дался большой кровью. Потери облаченных в тяжелые доспехи рыцарей, которым противостояли нестерпимая жара и

маневренная турецкая конница, были огромны. Так, при осаде одной из самых неприступных турецких крепостей, Антиохии, длившейся почти год, от ран и чумы погиб каждый седьмой крестоносец (в походе участвовало по разным оценкам от 300 до 600 тыс. человек). А после того, как город был взят, крестоносцы сами оказались в положении осажденных, будучи окружены подошедшими войсками султана.

Но, хотя и дорогой ценой, главная цель похода была достигнута: в 1099 году сильно поредевший крестоносный «контингент» (теперь он насчитывал всего несколько десятков тысяч воинов) взял город Иерусалим.

Во время осады и штурма рыцарям помогли венецианцы и генуэзцы, доставившие по морю необходимые боеприпасы и технику. Город был разорен и разграблен победителями, а его оставшиеся в живых защитники и мирное население – мусульмане и евреи – вырезаны с жестокостью, поразившей даже далеких от сантиментов турок.

На отвоеванной территории победители создали христианское Иерусалимское королевство, на престол которого они возвели Готфрида Бульонского. Кроме того, на прибрежной территории Ближнего Востока были созданы и другие государства крестоносцев: королевства Малая Армения и Кипр, графства Эдесса и Триполи, княжество Антиохия.

Затем фортуна отвернулась от крестового воинства. Византия, восстановившая с помощью крестоносцев свои владения в Малой Азии, не желала усиления форпостов папской власти и принялась интриговать против новоявленных государств, не гнушаясь прибегать к помощи турок. В стане победителей, которые также не считали для себя зазорным попеременно заключать союзы то с византийским императором против турок, то с турками против императора, начались свары.

В 1147 году турки взяли город Эдессу – столицу одноименного графства, после чего по инициативе французского короля Людовика VII и главного религиозного идеолога той поры Бернара Клервосского начался Второй крестовый поход, к которому присоединился германский император Конрад III.

Поход продлился два года и закончился полным провалом. После неудачной осады Дамаска основные войска крестоносцев вернулись на родину, а оставленные ими в Святой земле крепости с

малочисленными гарнизонами одна за другой пали под натиском турок, которые обрели нового лидера – египетского султана Салах-ад-дина (Саладина), объединившего свой халифат с багдадским.

Талантливый военачальник и блестящий политик, Саладин наголову превосходил современных ему европейских правителей. Он поочередно отвоевывал у крестоносцев крепость за крепостью, а в 1187 году взял Иерусалим. Когда весть о его падении достигла Европы, папа объявил Третий крестовый поход, который возглавили три ведущих монарха христианского мира: император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса, английский король Ричард I Львиное Сердце и французский король Филипп II Август.

Последний для сбора средств на поход обложил все сословия особым налогом, прозванным «саладиновой десятиной»; эта практика затем была принята на вооружение и другими европейскими правителями. Однако и этот поход для христиан закончился бесславно. И дело не только в том, что в его разгар Фридрих Барбаросса при переходе через горную реку упал в воду и захлебнулся.

Взяв крепость Акру, крестоносцы перессорились, и французский король увел свои войска на родину. Оставшемуся в одиночестве Ричарду пришлось пойти на позорный мир с Саладином: тот оставил крестоносцам лишь узкую прибрежную полосу в Палестине, а Иерусалим сохранил за собой.

Свобода совести в обмен на долги

Политическое, религиозное и культурное противостояние Запада и Востока – христианской Европы и исламской Азии – имело под собой и ярко выраженный конфликт экономических интересов, без которого не было бы крестовых походов. Особенно ярко материальная сторона «идеологических» войн проявилась во время самого циничного из походов – Четвертого.

В дошедших до нас воспоминаниях его участников неожиданное изменение цели похода (вместо Святой земли – Константинополь) объясняется разнообразными «изменами»: германской, венецианской и прочими, а также сложной политической интригой в самой Византии. Дело понятное: сформировавшийся к тому времени в Западной Европе идеал рыцаря, готового на бескорыстный подвиг ради освобождения Гроба Господня, было неимоверно трудно сочетать с жестоким штурмом и хищническим разграблением столицы христианского государства. Зато в русском литературном памятнике «Повести о взятии Царьграда» анонимный автор не жалеет критики в адрес алчных «фрягов»-католиков, осквернивших православные святыни.

Организованный папой Иннокентием III поход начался в 1202 году. Но за год с лишним до того европейские рыцари отправили послов к венецианскому дожу Энрико Дандоло с просьбой предоставить войскам корабли и все необходимое для похода в Святую землю.

У хитрого дожа были свои планы. Сначала он предложил весьма выгодную на первый взгляд сделку: венецианские купцы передадут крестоносцам корабли, провиант и оружие, говоря современным языком, в лизинг. Общая сумма расходов на перевоз составила 85 тысяч серебряных венецианских марок (цена одной марки тогда равнялась примерно 17 граммам золота).

Оплата предполагалась в рассрочку, четырьмя порциями в течение двух лет. За это время рыцари должны были захватить в Палестине немалую добычу, поэтому руководители похода с легким сердцем подписали договор. Но, воспользовавшись тем, что часть войска по разным причинам до Венеции не добралась, дож потребовал «уплаты штрафа» за образовавшийся «порожняк»: венецианцы по договоренности с крестоносцами снарядили кораблей в расчете на

4000 конных рыцарей и 100 тыс. пеших воинов, но реально могла погрузиться всего четверть рыцарей и половина пехотинцев. Штрафная сумма превышала всю наличность крестоносцев (плюс деньги, которые они могли бы взять в долг) на 34 тыс. марок.

Тогда дож сделал рыцарям новое предложение, от которого они не смогли отказаться: до отправки в Святую землю сначала отвоевать для Венеции город Зару (Задар) в Словении, до того захваченный венгерским королем. А потом – все равно по пути – одним махом взять и Константинополь.

Столица христианской империи – это совсем не земли неверных, для такой сомнительной акции требовался весомый повод. Он представился сам собой (либо, по мнению ряда историков, был своевременно представлен тем же венецианским дожем).

В Константинополе произошел очередной семейный переворот: младший брат императора Исаака сверг его с престола и, выколыв глаза, заточил в темницу вместе с сыном-наследником Алексеем. Однако Алексею удалось бежать. Он добрался до Вероны, где примкнул к венецианскому войску, идущему на соединение с основными силами крестоносцев. Их руководители обещали подумать, чем можно помочь изгнанному наследнику византийского престола, но только после завершения похода.

После этого кредитору оставалось лишь слегка надавить на должников: дож предложил крестоносцам не откладывать дело в долгий ящик, а брать Константинополь прямо сейчас. Венеция готова была выдать крестоносцам на эту кампанию 200 тыс. марок серебром, провиант и 10 тыс. венецианских солдат. Дандоло, несмотря на свои 96 лет, изъявил желание лично принять участие в штурме, хотя злые языки утверждали, что больше всего его привлекало участие в разделе добычи. А она предполагалась такой, что вопрос с рыцарским долгом Венеции решался сам собой.

Крест на походах

Посоветовавшись, руководители похода приняли предложение дожа и пошли штурмовать Зару, правда, не все – Симон де Мунфор, например, со своими солдатами вообще покинул крестоносное войско. После ожесточенной осады город был взят и, как полагается, разграблен. Когда сведения об этом достигли Ватикана, папа пришел в ярость и под горячую руку даже отлучил участников похода от церкви; правда, тут же снял отлучение с условием, что крестоносцы воздержатся от разрушения города, а то, что уже было разрушено при осаде, восстановят в кратчайшие сроки. Условие выполнено не было.

Затем настал черед Константинополя. Обложив столицу со всех сторон, крестоносцы предложили узурпатору сдаться на их милость, вернуть трон законному наследнику и покинуть Константинополь с солидной суммой откупных. Предложение было отвергнуто, и город постигла участь Зары. Грабили его победители без остановки несколько дней и ночей. И награбили столько, что даже с учетом уплаты всех долгов Венеции в руках крестоносцев оставались сокровища на огромную по тем временам сумму – 400 тыс. марок.

Возведенный на престол законный император попросил крестоносцев не покидать Константинополь, боясь, что в их отсутствие его снова свергнут или убьют. За это он обещал им стабильное денежное довольствие, земли, оплату венецианского долга, а в перспективе переход империи в прямое подчинение Риму. Однако затем, укрепив с помощью европейских рыцарей собственную власть, император обманул союзников, что привело к новому витку противостояния между Византией и Римом. Последнему, правда, удалось на части византийской территории создать свой анклав – Латинскую империю, но она просуществовала недолго.

После Четвертого похода идея потеснить турок с Ближнего Востока начала выдыхаться. Хотя с 1217-го по 1254 год было проведено еще четыре крестовых похода, а до этого был своего рода акт отчаяния – крестовый поход детей, существенного значения для Европы они не имели. Крестоносцам удалось одержать несколько побед в Палестине (и даже в последний раз на короткое время взять Иерусалим), Египте и Тунисе, однако в исторической перспективе дело их было проиграно. С

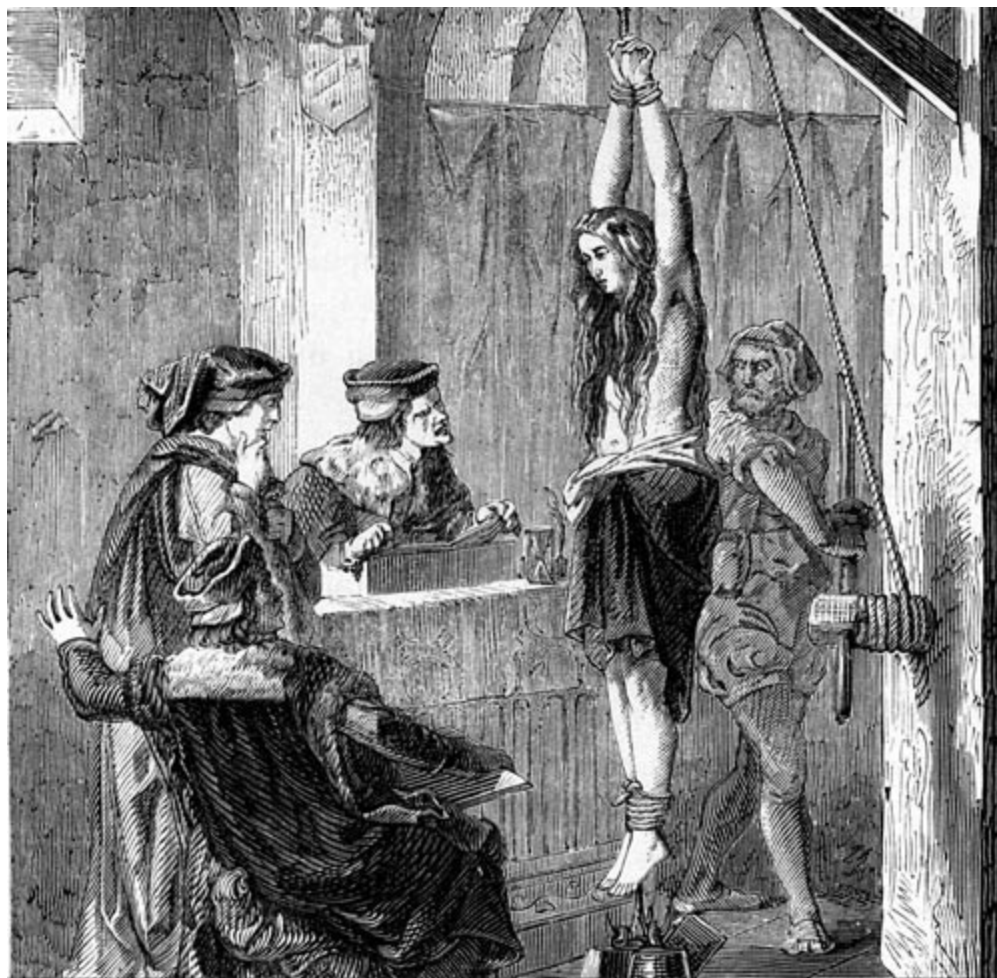
падением в 1291 году последнего оплота крестоносцев, Акры, на всей затее также можно было ставить крест.

Первая в Средние века значительная война цивилизаций имела неожиданное продолжение. Завоевать и даже существенно ограничить мусульман христианам не удалось: от двухвековой войны если кто и выиграл, так это экономически продвинутые торговые республики Италии. Но столкновение с иной цивилизацией не прошло даром. Богатая культура и развитая наука мусульманского мира, отдельные стороны его экономического и политического устройства и жизненного уклада, с течением времени частично впитанные европейцами, – вот что представлял собой асимметричный ответный удар ислама. Взять реванш Европа смогла не скоро: для этого нужно было дождаться новой эпохи, когда появится буржуазия и развитая промышленность с ее безотказными аргументами: кораблями, машинами, пушками.

Александр Малахов

Первые шабашницы Европы

Наверное, каждый знает, что в Средние века инквизиция охотилась на ведьм. Но на самом деле массовое уничтожение ведьм началось в эпоху Возрождения. Торжество гуманизма и спецоперации по уничтожению всех, кто «умеет летать на метле», – явления одной и той же эпохи. А знаменитая булла папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus* была принята и вовсе лишь 524 года назад: 5 декабря 1484 года преследование колдунов получило официальное благословение.

Считалось, что сам дьявол помогает подозреваемой стойко переносить боль

Темные века

Наши представления о Средневековье в основном сформировались в помешанном на рационализме XVIII веке. Нетрудно догадаться, что в эпоху Просвещения очень не любили иррациональную средневековую культуру и охотно приписывали «мраку Средневековья» все несимпатичные сюжеты мировой истории. К числу главных страшилок, без которых не обходится ни один разговор об ужасах Средневековья, относятся рассказы об уничтожении ведьм. И лишь во второй половине XX века стало ясно, что придуманная просветителями стройная картина действительности не соответствует.

На протяжении тысячелетней истории Средневековья никому в голову не приходило организовывать правильную охоту на ведьм и колдунов. И это при том, что практически в каждой деревне имелись люди (чаще всего это были женщины), которые могли изготовить лекарство из трав, заговорить зубную боль или принять роды. В своей деятельности они пользовались приемами, восходящими к дохристианской эпохе, однако преследовать их никто не собирался. Более того, власти периодически издавали защищающие колдуний указы. Так, например, относящийся к 643 году эдикт лангобардского короля Ротара прямо запрещает христианам верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать кровь из живых людей, и призывает судей не допускать, чтобы толпа на основе таких обвинений убивала женщин. Веком позже Карл Великий издал специальный указ, в котором предписывал казнить каждого, кто, подобно язычнику, верит в существование нечисти, способной пожирать людей.

Деревенские колдуньи действительно нуждались в защите. Дело в том, что во время стихийных бедствий, эпидемий и прочих неприятностей толпа нередко обвиняла живущую поблизости знахарку в том, что все это произошло по ее вине. Никто не знает, сколько колдуний погибло в результате подобных самосудов, но их явно было немало. Однако государство, как мы видели, такие расправы не поощряло.

Кого в Средние века действительно преследовали, так это еретиков. Но и эти преследования были куда мягче, чем принято считать. Инквизиция появилась не в Средние века, а в эпоху Возрождения:

в Испании она была утверждена в 1480 году (то есть при жизни Леонардо да Винчи), а в Италии и вовсе в 1542-м. И тем не менее мы называем инквизицию средневековой, но никак не ренессансной.

Плоды просвещения

Как это ни странно, судебное преследование колдунов началось вследствие того, что интересующиеся античностью интеллектуалы заинтересовались магией. Если раньше на деревенских колдунов предпочитали просто не обращать внимания, то теперь изучать какие-нибудь тайные науки стало занятием вполне респектабельным. Если раньше колдовством интересовались в основном люди необразованные, то теперь читать или писать про магию стало модным занятием. Характерно, что всего через 13 лет после изобретения книгопечатания был напечатан трактат *Fortalicium Fidei* («Укрепление в вере»), посвященный борьбе с колдовством. Распространение при помощи печатного станка рассказов про то, какой вред приносят колдуны простым обывателям, способствовало возникновению массовой истерии, при которой каждый имел шанс быть обвиненным в колдовстве.

К тому же эпоха Возрождения расшатала стабильный и устойчивый средневековый мир. На смену чувству устойчивости и защищенности постепенно – и в основном из-за новой информации, которая разрушала привычные ценности, – пришли иррационализм и страх. Уже в XIV-XV веках любимой темой европейских художников становятся «пляски смерти». На сотнях картин изображен хоровод, в котором кружатся принадлежащие к различным сословиям люди, от Римского Папы до простолюдина. А руководит их пляской ухмыляющаяся смерть. Картины ада теперь изображаются куда чаще, чем картины рая. А на рубеже XVI и XVII веков, когда бесконечные войны и эпидемии чумы резко сократили население Европы, людей стала охватывать паника. Людям было необходимо найти виновных, которых можно было бы наказать за все беды и страхи. И роль козлов отпущения пришлось сыграть ведьмам.

Конечно же, в Средние века тоже боялись нечистой силы. Но тогда черт казался существом отчасти страшным, а отчасти и смешным. Сохранилось огромное количество повествований о том, как, одураченные людьми, они попадают в нелепое положение. Теперь же этот персонаж утратил все свои смешные черты и стал просто очень страшным. В книгах, которые в большом количестве распространялись

по Европе, говорилось, что бесов намного больше, чем людей. В XVI веке их наконец сосчитали и обнародовали цифру – более 7,5 млн чертей. Этим адским воинством командовали 79 подчиненных непосредственно Люциферу князей. Мир оказался инфицирован бесами, которые подстерегали человека на каждом шагу. По Лютеру, дьяволу принадлежит весь видимый мир. Для огромного количества людей, живших в ту эпоху, постоянное присутствие дьявола было абсолютной реальностью.

Как это ни странно, охота на ведьм появилась скорее в результате стремления церкви поднять культурный уровень прихожан. На практике это означало борьбу с традиционными народными верованиями. Те традиции, которые еще недавно казались более или менее безобидными, в XV-XVII веках начинают рассматриваться как серьезный проступок. Деревенская колдунья стремительно превращалась в служащую Сатане ведьму. И в результате в любой непонятной деятельности стали видеть колдовство. В 1774 году во французском городе Тарне состоялся суд над крестьянами, которые убили инженера, приняв его планы и чертежи за колдовские средства, угрожавшие их благополучию.

Представления о том, что мир буквально кишит всякой нечистью, способствовали и ожиданию скорого конца света. Считалось, что перед Страшным судом Сатана должен собрать воинство, в котором будут не только духи, но и люди. Поэтому обнаружение и уничтожение ведьм и колдунов расценивалось как борьба против Антихриста.

Summis desiderantes affectibus

Конечно же, трактаты, посвященные ведьмам и борьбе с ними, появились еще в Средние века. Уже Фома Аквинский и другие богословы XIII века разрабатывали учение об инкубах и суккубах – демонах, принимающих образ мужчин (инкубы) или женщин (суккубы), могущих вступать в половые отношения с людьми. Однако никакие оргвыводы из этих построений ученых богословов тогда сделаны не были. Переломной датой обычно считают 5 декабря 1484 года, когда папа Иннокентий VIII выпустил буллу *Summis desiderantes affectibus* («Всеми силами души»), в которой приказал церковным властям оказывать всяческое содействие инквизиторам Генриху Инститорису и Якову Шпренгеру в благородном деле охоты на слуг дьявола. А несколькими годами позже те же Инститорис и Шпренгер выпустили свою знаменитую книгу «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), своеобразную настольную книгу охотника за ведьмами.

Нужно сказать, что книги про то, как люди заключают договор с Сатаной, писали люди умные и очень хорошо образованные. Стиль и система аргументации этих сочинений вполне безупречны. Инквизиторы-теоретики провели целую дискуссию о том, как именно ведьмы летают по воздуху. Одни эксперты считали, что ведьмы действительно садятся на метлу и летят, а другие доказывали, что полет совершает лишь душа ведьмы, в то время как ее тело остается дома. Для разрешения этого животрепещущего вопроса пытались даже установить постоянное наблюдение за подозреваемыми в колдовстве. Бойцы невидимого фронта устанавливали круглосуточное наблюдение за жилищем ведьмы, следя за тем, где находится ее тело в то время, когда, согласно агентурным данным, она должна была прибыть на шабаш.

И в борьбе с ведьмами общество было единодушно. Инициаторами преследований могли выступать изысканные гуманисты, профессиональные инквизиторы и простые крестьяне. При этом инквизиторам нередко приходилось выступать во вроде бы несвойственной им роли защитников. При всей своей жестокости инквизиционный процесс имел хоть какие-то процессуальные нормы, в то время как толпа, обвиняющая женщину в колдовстве, оставалась

глуха к любым оправдывающим аргументам. Известно, например, что в 1610 году при проверке достоверности признаний, сделанных во время следствия, было установлено, что большая группа девочек, сознавшихся в половых сношениях с Сатаной, были девственницами. Они были оправданы.

Сельское и городское население легко поддавалось панике, вызываемой слухами об отравлениях, действии сглаза, колдовстве. И здесь фольклорные представления о ведьмах смыкались с научным творчеством авторов бесчисленных сочинений о нечистой силе и ее контактах с людьми. Известны многочисленные случаи, когда в гонениях на ведьм инициатива исходила непосредственно от жителей деревень, которые обращались к властям с просьбой истребить всех обосновавшихся в этой местности ведьм. При этом крестьянская община оплачивала все судебные расходы, в число которых входило вознаграждение судебных чиновников и палача. Кроме того, после казни полагалось устроить праздник с угощением, который проходил также на средства общины.

Вот как описывает один из бесчисленных случаев народного гнева «Молот ведьм»: «В городе Вальдсгут на Рейне... некая ведьма, сильно ненавидимая всеми горожанами, не была приглашена на празднование одной свадьбы, тогда как почти все горожане присутствовали на ней. Возмущенная ведьма решила отомстить; призвала демона и рассказала ему причину своего горя, прося его, чтобы он наслал град и таким путем рассеял всех участников свадебного поезда. Демон согласился и поднял ее на воздух; она полетела по воздуху к горе, находившейся вблизи города; ее полет видели некоторые пастухи; и поскольку, как потом она созналась, не было воды, чтобы налить в яму (таким средством они пользуются, как потом будет доказано, чтобы вызвать град), то, вырыв яму, она налила туда собственной мочи вместо воды и в присутствии демона, по принятому обычаю, размешала пальцем. Тогда демон вдруг бросил эту влажную массу в воздух и наслал град необычайной силы, но только на празднующих свадьбу горожан. Когда горожане были рассеяны таким образом и затем начали взаимно обсуждать причины такого явления, ведьма возвратилась в город, вследствие чего подозрение еще более усилилось. Когда же пастухи рассказали, что они видели, подозрение выросло до крайних пределов. Она была схвачена и сожжена».

Метла и аксессуары

Во всевозможных пособиях для инквизиторов имелись описания того, как ведьмы готовят колдовские зелья, летают по воздуху, совокупляются с Сатаной, вызывают эпидемии и мешают людям, живущим в законном браке, выполнять свои супружеские обязанности. Так, например, для того, чтобы приготовить колдовскую мазь широкого спектра действия, следует смешать разрубленное мясо жаб с кровью детей, истолочь все это с костями эксгумированных трупов и менструальными выделениями. А в трактате «Заблуждение газар» приводится более сложный рецепт. Здесь рекомендуется взять рыжего мужчину, слывущего правоверным католиком, привязать его к скамье и выпустить на него ядовитых змей, которые будут его жалить. Затем следует подвесить его вниз головой, а снизу поставить чашу, в которую будет собираться вытекающая из трупа жидкость. Эту жидкость следует смешать с растопленным жиром убитого, детскими потрохами и мясом змей, вызвавших кончину жертвы. По количеству полезных свойств полученные таким образом мази могут сравниться с самыми рекламируемыми современными препаратами – от виагры до аспирина. Натерев себя этой мазью, можно совершить незабываемый полет на метле, изменить внешность или же навести порчу на кого следует.

С середины XV века выездные сессии местных ведьм, которые, как правило, происходят субботними вечерами, получают название шабаша (от еврейского «шаббат» – суббота). Такое соотнесение шабаша с иудаизмом не является случайным. Массовое сознание всегда охотно видело в иноверцах слуг дьявола. Католики считали таковыми протестантов, протестанты – католиков, а иудеев и мусульман обвиняли и те и другие.

Шабаш подробно описан в материалах многочисленных процессов. Ведьмы едят мерзкую пищу, смешанную с нечистотами, пьют тошнотворное черное зелье, а затем мочатся в пустую чашу. После этого они берутся за руки и водят хоровод, двигаясь против солнца. После чего начинается оргия, от описания которой лучше воздержаться. Детей, зачатых во время этих оргий, убивают. Тела их или съедают, или используют для приготовления колдовских мазей.

На скамье подсудимых

Если в Средние века пыточное судопроизводство не имело широкого распространения (варварские племена считали, что пытка унижает человеческое достоинство), то к концу Средневековья пытка применялась уже повсеместно. Долгое заперительство, как правило, свидетельствовало против обвиняемой, поскольку было понятно, что Сатана помогает ей терпеть боль. Инквизиция обвиняла деревенскую колдунью не в том, чем она реально занималась (лечение, заговоры и т. д.), а в том, в чем следовало обвинять ведьм, то есть в полете на шабаш и служении Сатане.

Самым удивительным кажется то, что подсудимые нередко подыгрывали своим судьям, и притом делали это совершенно искренне. Далеко не все показания были получены под пыткой или же в результате запугивания. Многие оговаривали себя совершенно добровольно. Так, например, монахиня Мария Санская не только заявила, что вступила в сговор с дьяволом, но и цитировала его послания. Людей, которые считали себя колдунами, было довольно много. А поскольку легенды о том, что именно происходит во время шабашей и из чего готовят зелья, были известны всем, арестованные по подозрению в колдовстве хорошо знали, как отвечать на вопросы судей. Сейчас можно только строить гипотезы относительно того, почему сотни женщин решались себя оговаривать. Но то, что они это делали, не подлежит никакому сомнению. В самооговоре участвовали не только женщины, но и дети. На процессе, проходившем во второй половине XVII века в шведской провинции Даларна, десятки детей, по отношению к которым насилия не применяли, рассказывали про то, как матери брали их с собой на шабаш.

Сохранилось большое количество материалов процессов по обвинению в колдовстве. Например, в марте 1425 года в Дофине (юго-восток Франции) состоялся процесс над Пьером Валленом. Под пытками обвиняемый сознался в том, что он посредством заклинаний вызывал своего господина Вельзевула, которому коленопреклоненно приносил клятву верности и платил дань. В течение долгих 63 лет он, дескать, не только верно служил Вельзевулу, но даже принес в жертву свою шестимесячную дочь Франсуазу. При помощи своего

покровителя Валлен вызывал бури и другие стихийные бедствия. Регулярно летая на шабаш, он лакомился мясом невинно убиенных младенцев, а также совокуплялся с Вельзевулом, принимавшим ради такого случая облик двадцатилетней девицы. Однако суд не был удовлетворен показаниями Валлена, поскольку он назвал по именам лишь четырех сообщников, причем никого из них уже не было в живых. Дознание пришлось продолжить. И только после того, как из обвиняемого удалось-таки выбить еще несколько имен, пытки были прекращены и Валлена сожгли.

Нужно сказать, что публичные казни, из которых самой впечатляющей было сожжение на костре, было любимым зрелищем европейца XV-XVII веков. Не случайно в живописи того времени пыточное колесо стало непременной частью пейзажа. Число жертв было очень значительным, однако определить точное количество уничтоженных ведьм невозможно. Конечно же, в рассказы о сотнях тысяч и даже миллионах жертв сейчас никто не верит. Знакомство с сохранившимися документами показало, что рассказы некоторых судей о том, что они сожгли тысячи ведьм, являются не более чем простой похвальбой. По всей видимости, счет общего числа жертв следует вести на десятки тысяч, что, надо признать, тоже немало. Судебные преследования ведьм прекратились лишь во второй половине XVII века, однако самосуды, в результате которых погибали подозреваемые в колдовстве, продолжались еще долго.

В гостях у Бабы-Яги

В России, где не было того культурного перелома, который обычно называют Ренессансом, организованной охоты на ведьм не происходило. Вплоть до начала XX века здесь сохранялось средневековое отношение к колдунам и ведьмам. Их судили не за сам факт колдовства или употребления какого-то таинственного средства, а за то, что это средство употреблено во зло другому лицу. И если факт нанесения вреда оказывался установленным, то дело рассматривалось в рамках гражданского иска в зависимости от тяжести нанесенного вреда. До суда доходили дела, когда, например, кто-нибудь обещал уморить своего врага при помощи колдовства.

Конечно же, не следует считать, что в России ведьм совсем уж не наказывали. Еще в Уставе князя Владимира имеется специальная глава, в которой идет речь о «ведьмовстве и зелейничестве». В первой половине XV века во время моровой язвы в Пскове сожгли живыми 12 женщин, обвиненных в чародействе, а во времена Алексея Михайловича некую старицу Олену сожгли в срубе вместе с обнаруженными у нее чародейскими книгами. Этот список можно было бы продолжать, но он все равно получился бы не особенно большим. Никаких специальных органов, занимавшихся отловом ведьм, в нашем отечестве никогда не было. Рассказы о полетах на шабаш встречались в основном на Западной Украине и в Белоруссии, где было сильно влияние польской культуры. «Подсудимая говорила, – читаем мы в относящемся к концу XVII века протоколе допроса, – что когда ее соседка, сварив кашу, давала ей поесть, то она вместе с другими, обратившись в сороку, полетела в соседнюю деревню и здесь в пруду купалась. Здесь было еще около тридцати незнакомых женщин, у них был свой начальник – „немец кудлатый“». Потом все ведьмы отправились в чулан одного дома, принадлежащего ведьме, и имели совет между собой. Когда запел петух, они снова очутились в своей деревне.

Ни о каких смертных приговорах здесь, конечно же, речь не шла. Когда в середине XIX века историки стали изучать хранящиеся в Киеве судебные документы, они были потрясены тем, какими несерьезными, а то и просто комичными выглядят дела о

преследовании колдунов. В числе почти 100 дел не оказалось ни одного, в котором за колдовство кого-нибудь приговорили бы к сожжению. В большинстве случаев такие дела даже не рассматривались как уголовные. И все ограничивалось уплатой небольшого штрафа или же церковной епитимьей. Причем более строгие наказания назначались в тех случаях, когда жертвой колдовства оказывались дворяне. Вообще, эти процессы кажутся какой-то несерьезной пародией на классические расследования преступлений ведьм. Так, например, в 1700 году в Ковельском магистрате рассматривалась жалоба мещанина Феодора Андреевича на соседей Авраама Иршовича и Пейсю. Согласно этой жалобе, Пейся поймала принадлежащего истцу кота, принесла его в дом Иршовича и там кастрировала. Истец считал, что кота кастрировали с колдовскими целями, чтобы навредить ему, Феодору Андреевичу. Согласно объяснениям Иршовича, оскотление кота было произведено «не на какие-либо чары и не со злобы к христианам, а исключительно на лекарство». Ковельский магистрат принял решение не привлекать Иршовича к ответственности при условии, что он в присутствии двух других оседлых евреев принесет в синагоге присягу, «что он оскотил кота не из злобы к христианам, но для облегчения собственной болезни, что он отрезанных частей не мочил ни в меде, ни в пиве, ни в водке, ни в воде и не поручал этого делать ни жене, ни домочадцам своим». А отрезанные у кота части Иршович должен был сдать в магистрат.

От кого деревенские ведьмы действительно страдали, так это от своих односельчан, которые обращались к ним за медицинской или иной помощью, но при эпидемии или стихийном бедствии всегда могли обвинить в беде живущую поблизости колдунью. Самосуды над провинившимися ведьмами происходили постоянно. И после революции ситуация радикальным образом не изменилась. Конечно же, в процессе раскулачивания, коллективизации и прочих советских радостей традиционная крестьянская жизнь была разрушена, но специально борьбой с деревенскими колдуньями советская власть не занималась. Однако традиционная деревня уходила, а вместе с ней забывалась и народная магия. И сейчас, читая в газетах рекламные объявления очередной колдуньи в десятом поколении, можно быть

совершенно уверенным в том, что рассказы о почтенном стаже
никакого отношения к реальности не имеют.

«Лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг...»

«Всеми силами души... стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие искоренялось из среды верных. Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в некоторых частях Германии... очень многие лица обоего пола пренебрегли собственным спасением и, отбравшись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания, что они нещадно мучают как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных, что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг, что, сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода человеческого, дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений, к гибели своих душ, к оскорблению божеского величия и к соблазну для многого множества людей. Возлюбленные сыны наши, Генрих Инститорис и Яков Шпренгер, члены ордена доминиканцев, профессора богословия, нашим апостольским посланием были назначены и до сего времени состоят инквизиторами... некоторые клирики и миряне... не стыдятся упорно утверждать, что так как в полномочных грамотах не были поименно и точно указаны эти епархии, города и местности, а также некоторые лица и их проступки, то поэтому вышепоименованным инквизиторам в вышеназванных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься инквизицией, и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению

упомянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря сему в вышесказанных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях подобные провинности и преступления и остаются безнаказанными, к очевидной пагубе их душ и потере ими вечного спасения. Но мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов, и, дабы зараза еретического нечестия и других подобного рода преступлений не отравила своим ядом невинных людей, мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность по вере, применить соответствующие средства. Посему, дабы названные местности не остались без должного обслуживания инквизицией, мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии, местности, лица и преступления. С великим попечением мы распространяем эти полномочия на названные местности и поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии, всякого из названных областей, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества, а также даем названным инквизиторам полную возможность во всех церквах, где они найдут то потребным, проповедовать слово божие и все иное совершать, что они найдут полезным и необходимым... Никто не должен нарушать это наше послание или дерзновенно поступать противно ему».

Булла Папы Иннокентия VIII

SUMMIS DESIDERANTES AFFECTIBUS, 5 ДЕКАБРЯ 1484 ГОДА

О женской природе

«Относительно ведьм, отдающих себя во власть демонам, возникает ряд трудно разрешимых вопросов, сводящихся к тому, как приступает демон к этой скверне. Наметим тут следующее: 1) о демонах и о составных частях телесного облика, принимаемого ими; 2) о половом акте и о том, всегда ли он сопровождается извержением семени, взятого от постороннего лица; 3) о времени и месте этого акта и о том, нет ли у демона определенного времени для этого; 4) видим ли он при этом окружающим? Посещаются ли те из ведьм демоном, которые произошли от подобного непотребства, или же те из них, которые были преданы дьяволу повивальными бабками в момент рождения? На эти вопросы мы дадим исчерпывающие ответы во второй части книги. А теперь остановимся на вопросе, почему у немощного пола этот род скверны более распространен, чем среди мужчин. Прежде всего, рассмотрим главные свойства женщины. Это будет первый пункт. Второй пункт коснется того, какие женщины чаще всего склоняются к суеверию и колдовству. Третий будет говорить о повивальных бабках, превосходящих всех женщин по части злобы...

Относительно первого пункта, а именно почему среди немощного пола так много ведьм, у нас есть кроме свидетельств Священного Писания и людей, заслуживающих доверия, еще житейский опыт. Мы хотим сказать, не подвергая сомнению всего немощного пола (через который Бог всегда творил великое, чтобы привести в смятение сильный пол), что в суждении о женщинах мнения, в сущности, не расходятся. Поэтому для увещевания женщин и для проповедей им эта тема весьма подходящая. Они с любопытством послушают об этом, если только проповедь протечет в скромном тоне.

Некоторые ученые говорят: имеются на свете три существа, которые как в добре, так и во зле не могут держать золотой середины: это – язык, священник и женщина. Если они перейдут границы, то достигнут вершин и высших степеней в добре и зле. Если над ними господствует добро, то от них можно ожидать наилучших деяний. Если же они попали под власть зла, то ими совершаются наисквернейшие поступки».

Генрих Инститорис, Яков Шпренгер.

«Молот ведьм», 1486 год

Владимир Гаков

Политэкономия от лукавого

О знаменитом сейлемском процессе над ведьмами 1692 года написаны сотни романов и солидных монографий, поставлены пьесы и фильмы. Весьма многочисленны и версии, объясняющие разгул мракобесия в американском городке на пороге XVIII столетия. Совсем недавно появились новые объяснения феномена охоты на ведьм в Сейлеме – социально-экономические.

Сегодня о сейлемской трагедии напоминает лишь городской Музей охоты на ведьм

Ведьмы слетаются

В Старом Свете накануне века промышленной революции к ведьмам почти потеряли интерес. А вот в Америке, особенно в населенной пуританами колонии Новая Англия, где располагался городок Сейлем, к прислужницам врага рода человеческого, напротив, относились предельно серьезно. Жизнь поселенцев была достаточно суровой, и больше других страдали от этого дети, им не хватало обычных радостей: игр, сказок, подарков. И неудивительно, что искрой, из которой в городе возгорелось пламя мракобесия, стали детские фантазии.

В начале 1692 года в доме местного пастора Сэмюэла Пэрриса, плохо ладившего с прихожанами (в протестантизме институт священничества отсутствует, и духовного лидера выбирает сама община), стали твориться странные вещи. Девятилетняя дочь и племянница Пэрриса то впадали в необъяснимую апатию, то бились в судорогах, выкрикивая какую-то абракадабру и заливаясь смехом, который городской доктор сразу же определил как «дьявольский».

Сегодня его коллеги назвали бы все это типичной подростковой истерией (невроз подавленных желаний, попытка привлечь к себе внимание и т. п.). Но даже в те времена можно было бы обратить внимание на одно обстоятельство: незадолго до начала припадков в руки к юным особам попала книга известного бостонского богослова Коттона Мэзера, посвященная ведовству в Новой Англии. О Мэзере сейлемцы еще вспомнят, не пройдет и года. Вскоре странная хворь постигла подружку девочек, и в дело решила вмешаться, на свою голову, служанка Пэрриса, негритянка Титуба. Она немного поворожила, с самыми лучшими намерениями, чтобы проверить, не бесовские ли это козни. Но о ворожбе прознали соседи, а затем и сам пастор. Он устроил домашним допрос, на котором у его дочери вырвалось роковое: «Это все она виновата – Титуба!»

Негритянку отправили в тюрьму, компанию ей составили еще две жительницы Сейлема: городская нищенка, чье имя история не сохранила, и вполне добропорядочная фермерша Сара Осборн. На них указала во время очередного припадка племянница пастора. К этому моменту уже более десятка сейлемских барышень в возрасте от 13 до

20 лет страдали ужасными корчами. Горожане не на шутку перепугались, но к совету немногих здравомыслящих выпороть непутевых девиц и забыть об их глупых наветах, увы, так и не прислушались.

Судебное производство запустили по всей форме. Шериф Корвин и судья Готорн, полистав труды по ведовству и посоветовавшись с бостонскими авторитетами (в том числе с самим Мэзером), нашли явные признаки дьявольских козней в Сейлеме. Как и в любом другом случае, когда объявлялась охота на ведьм, доказательством могло служить любое голословное обвинение. А также добровольное признание обвиняемых, что тогда означало – под пыткой. Ни глуповатая нищенка, ни речистая фермерша не смогли убедить судей в своей невинности. Более того, запирательство обвиняемых утвердило Готорна во мнении, что налицо вмешательство врага рода человеческого.

Зато Титуба со страху призналась и в том, что летала на метле на шабаши, и в глумлении над невинными девичьими душами – словом, во всем, что в красках описывалось в демонологической литературе и с еще более красочными подробностями передавалось из уст в уста. Ей бы следовало попытаться вывести завравшихся девчонок на чистую воду, но общественное мнение уже приняло их сторону, и «поклеп» лишь усугубил бы незавидное положение чернокожей служанки.

В общем, она поступила характерным для подобных процессов образом: стала «сотрудничать со следствием». В частности, называть имена несуществующих сообщников и описывать их гнусные деяния. Именно Титуба сообщила о «высоком нездешнем мужчине», руководившем дьявольским налетом на Сейлем, он еще появится в этой истории. Маховик процесса раскручивался. Судья Готорн, убедившись в виновности троих «ведьм», вернул их в тюрьму и готов был вынести обвинительный приговор. Возможно, если бы несчастных казнили сразу, это отрезвило бы сейлемцев и трагические события не приобрели бы столь широкий масштаб, обошлось бы без новых жертв. Но дело затянулось. Колония тогда ждала нового губернатора из метрополии, который должен был назначить новых судей. Судебная машина забуксовала, зато жертвы ведовства превратились в героев дня и окончательно распоясались. Все списывалось на происки врага рода человеческого, они могли

хулиганить, дерзить взрослым, сквернословить... Но если бы только это.

Вот один пример. Некая Марта Кори не пустила мужа на допрос первых трех ведьм: нечего, мол, слушать всякие глупости. Сказанное дошло до девочек, и последовало «слово и дело»: они тут же заявили, что их мучил еще и призрак в облике Марты Кори. Причем бедняжки даже рассмотреть его толком не успели, поскольку были ослеплены. И миссис Кори отправилась в тюрьму. Между тем Титуба вспомнила на следствии еще о нескольких представителях нечистой силы. Результатов долго ждать не пришлось. Разгоравшаяся охота на ведьм, естественно, сопровождалась все возрастающим количеством наветов. Атмосфера страха парализовала разум и волю сейлемцев. Показательно: петицию в защиту первых трех обвиняемых подписало более ста человек. Спустя некоторое время, когда арестовали одну из самых уважаемых женщин Сейлема, Ребекку Нэрс, в ее защиту отважилось выступить вдвое меньше. А затем на протяжении многих месяцев горожане ничего, кроме доносов, не подписывали.

Шабаш

Дело ходко двигалось к «главному процессу», соответственно, подобрали главного обвиняемого. Было установлено, что организовавший сейлемский шабаш «высокий нездешний мужчина», о котором сообщила Титуба, – это бывший местный пастор, преподобный Берроуз, не так давно перешедший в другой приход. Не пользовавшийся популярностью у прихожан Сэмюэл Пэррис весьма ревниво относился к славе предшественника и отзывался о нем крайне неодобрительно, так что одной из юных доносчиц не составило большого труда догадаться, на кого показать в следующий раз.

Коль скоро есть организатор, то должна быть и достойная преступная организация. Ее продолжали сколачивать подручные Пэрриса: благодаря их наводящим вопросам барышни переключились с женщин на богатых и уважаемых отцов семейств. В сообщники Берроуза попали, к примеру, отставной офицер Джон Олден и Филип Инглиш, владелец домов, кораблей и морской пристани. И даже один из судебных приставов, раскаявшийся в содеянном и пытавшийся бежать из Сейлема.

Главный процесс начался в мае. К тому времени о сейлемском деле знала вся Новая Англия. Однако прибывшему наконец новому губернатору сэру Уильяму Фипсу было не до ведьм: он был обременен особыми поручениями – закончить войну с индейцами и урегулировать конфликт с пуританами, недовольными новым «колониальным» законодательством. Поэтому он умыл руки, переложив разбирательство на тройку судей во главе со своим заместителем Стафтоном. Собственно, разбирательство требовалось лишь для соблюдения процедуры, в его результате сомневаться не приходилось.

Практика показывает, что даже хорошо смазанная машина подобных процессов порой дает сбой. Правда, случается это лишь там, где судебное право не пустой звук. Так, в соседнем с Сейлемом Эндове, также охваченном ведьмоманией, нашелся человек, который сообразил подать встречный иск на доносчика, обвинив того в клевете и потребовав огромной денежной компенсации. Разбор дела растянулся на годы, зато этот смелый поступок заметно охладил пыл местных

стукачей. А уже упомянутая Ребекка Нэрс, известная своей набожностью, непоколебимой уверенностью в собственной правоте, произвела на присяжных впечатление столь сильное, что те объявили ее невиновной.

Однако справедливости не суждено было восторжествовать. Сразу же после объявления вердикта присутствовавшие на процессе «пострадавшие» барышни завывали и забились в корчах так, словно пришел их последний час. Спектакль возымел действие: судья Стафтон попенял присяжным за попустительство нечистой силе и отправил их подумать еще разок. И те после краткого совещания единогласно решили: виновна. После такого урока следующим четверым обвиняемым (в их числе был Берроуз) приговор был вынесен без сучка и задоринки. 19 июля четыре ведьмы с «ведьмаком» Берроузом во главе были повешены при большом стечении народа на холме неподалеку от Сейлема. Правда, и на сей раз не обошлось без сбоя. Непосредственно перед казнью преподобный Берроуз громогласно и без запинки помолился. А ведь в конце XVII столетия любой ребенок знал, что одержимые дьяволом не в состоянии это сделать внятно и без кощунственных ошибок.

Толпа горожан, потрясенная случившимся, зароптала и начала теснить приставов с намерением освободить бывшего пастыря. Но тут, к несчастью, вмешался специально прибывший из Бостона наблюдатель – Коттон Мэзер, тот самый, чья книга произвела столь неизгладимое впечатление на сейлемских дев. (Авторитетный демонолог, надо отдать ему должное, всегда последовательно выступал против скороспелых и огульных обвинений в ведовстве, требуя от следствия веских доказательств.) Страстная речь богослова, напомнившего сейлемцам, что нет ничего страшнее и коварнее дьявола в ангельском обличье, решила дело: Берроуза вздернули.

2 августа повесили шестерых, 22 сентября – еще семерых. А в промежутке между этими казнями умер под пыткой фермер Джайлс Кори, имевший наглость вступить за жену. На процессе он отказался отвечать на вопросы судей, и те вспомнили известный еще в старой доброй Англии закон, по которому любителям играть в молчанку следовало класть на грудь гири, пока не заговорят. Мужественный фермер произнес только: «Прибавьте груз!», – и очередная гиря выдавила из Кори не признание, а душу.

Разбор полетов

Расправа 22 сентября оказалась последней. Казалось бы, у сейлемских «законников» был непочатый край работы: 150 человек, включая детей, сидели за решеткой, на очереди были еще две сотни... Но любая массовая истерия когда-нибудь да выдыхается. В том же сентябре одна из юных доносчиц поделилась с неким бостонским священником своим видением: казненная ведьма сообщила девочке, что пострадала невинно. А к середине октября уже весь Массачусетс роптал, осуждая творившееся в Сейлеме.

Забеспокоился и сам губернатор, особенно когда скандал стал приобретать характер международного. Получив петицию голландских и французских священников из Нью-Йорка – виднейших в Новом Свете представителей духовенства, сэр Фипс начал действовать. Он сместил судью Стафтона (на всякий случай оклеветав его в глазах короля), публично отмежевался от дела о ведовстве и приостановил дальнейшие казни. А также приказал засекретить протоколы слушаний и допросов, «чтобы не давать пищу для превратных толкований». Документы процесса были собраны и опубликованы лишь в XIX веке, вышли три огромных тома.

В январе 1693-го началась реабилитация. А еще до этого отменили отработанную методику опознания ведьм – по доносу. Теперь судьи были обязаны выносить приговор лишь на основании добровольного (то есть под пыткой) признания. В результате 55 обвиняемых, которые попытались облегчить свою участь поспешным самооговором, оказались первыми кандидатами на эшафот. Но повесить их не успели: судебная машина окончательно дала задний ход.

Реабилитация затянулась по экономическим причинам. По тогдашним законам власти оплачивали содержание в тюрьме только приговоренных; те же, кого оправдали, должны были возместить расходы тюремщиков (требовалось оплатить не только питание, но и работу персонала: производство пыток, заключение в кандалы и проч.). Не все «счастливицы» располагали требуемой суммой.

В Сейлеме вину за случившееся возложили на одного Пэрриса. Пастора лишили жалованья, а через три года он вынужден был покинуть город (хотя официальную жалобу, поданную жертвами

процесса и их семьями, суд не удовлетворил). Преемник Пэрриса отказал юным застрельщицам охоты на ведьм в причастии, и впоследствии лишь двум из них удалось выйти замуж. В 1711 году семьям пострадавших была выплачена небольшая компенсация, и историю посчитали закрытой.

Однако она получила широчайший резонанс, высказывалось множество самых разнообразных версий случившегося. Первое, лежащее на поверхности объяснение – религиозный фанатизм, мракобесие – было признано исследователями сейлемского феномена явно недостаточным. Ведь известно достаточно много подобных историй, причем они происходили и в странах, подчеркнута нерелигиозных. Так что списывать сейлемский шабаш исключительно на «дремучесть» пуритан XVII столетия было бы явным упрощением. Уже в XX веке, наполнившем новым смыслом словосочетание «охота на ведьм», последовали версии психологов, психиатров и психоаналитиков, иногда весьма экзотические. И лишь недавно обнаружались мотивы весьма материального свойства.

Нечистая движущая сила

В середине XIX века мэром Сейлема Чарльз Эпхем издал двухтомное исследование, посвященное городскому «позору 1692 года», с подробными картами города и окрестностей и с указанием адресов всех жертв охоты на ведьм и всех доносчиков. Уже в наши дни американские социологи, исследовав эти карты, пришли к удивительным выводам: сейлемские события предстают в совершенно новом свете. Выяснилось, что суть их была следующей: «низы» общества преследовали и именем закона истребляли «верхи», претендуя при этом на их собственность. В Старом Свете, в той же тюдоровской Англии, все было наоборот: в подобных случаях социальный статус доносчиков был выше, чем у их жертв.

И что тут говорить о простых обывателях, когда даже судебские во главе с судьей Готорном, как оказалось, отдавали заседаниям лишь малую часть рабочего времени, а большую – посвящали процедурам, связанным с конфискациями имущества подозреваемых. Именно подозреваемых: тогдашние законы позволяли попросту его растаскивать, не дожидаясь решения суда. Доподлинно установлено, что судья, шериф, приставы и просто активные сторонники пастора Пэрриса за полгода сейлемских процессов основательно приумножили свои состояния. Часто за решетку отправляли целые семьи: так было удобнее прибирать к рукам понравившееся имущество.

Кроме вполне объяснимого желания получить задарма дополнительную собственность, открылись и другие, не столь очевидные побудительные мотивы. Пуритане приплыли в Америку с благой мыслью все делать сообща: трудиться, отдыхать, славить Господа. При этом в их общинах строго блюлась социальная иерархия: Бог от рождения определил каждому его место и считалось грехом претендовать на большее. Выскочек, иначе говоря, людей предприимчивых и активных, пуритане не жаловали. А пасторы в молельных домах не уставали твердить: лукавый только и думает о том, как бы разрушить общину.

Оказалось, у дьявола в те времена имелось вполне конкретное воплощение – капиталистические отношения, и именно им в Сейлеме объявили войну. Те, кого преследовали Пэррис и другие защитники

«устоев», проживали преимущественно на восточных окраинах города. Там и земля была получше, и, соответственно, хозяйства покрепче. (В сущности, Сейлем в ту пору представлял собой большую деревню.) К тому же восточные сейлемцы активно занимались торговлей и «городским» предпринимательством в отличие от обитателей западной части, где процветал общинный сельский труд. Разумеется, они, мягко говоря, не любили отличавшихся вольномыслием оборотистых «пособников дьявола», быстро выбивавшихся в люди.

Нельзя сбрасывать со счетов и «феминистский» аспект. Жертвами сейлемской охоты на ведьм были в основном женщины. Чем так мог досадить мужчинам прекрасный пол? Здесь стоит принять во внимание, что именно в Массачусетсе и именно в конце XVII века началась бурная эмансипация: дамы занимались торговлей, хозяйничали на больших фермах и прекрасно со всем этим справлялись, то есть прямо покушались на прерогативы мужчин, что в среде пуритан воспринималось крайне болезненно.

Сегодня в Сейлеме о разыгравшейся когда-то трагедии напоминает лишь городской Музей охоты на ведьм да странный дорожный знак на шоссе, идущем из Бостона: стилизованное изображение ведьмы на помеле и надпись на стрелке: «До места исторического процесса – 10 миль».

Владимир Гаков

Последняя бойня в Париже

В ночь на 24 августа 1572 года, то есть в канун Дня святого Варфоломея, в Париже было вырезано, по разным оценкам, от 2000 до 4000 протестантов, прибывших в столицу на свадьбу короля Наварры Генриха Бурбона. С тех пор словосочетание «варфоломеевская ночь» стало нарицательным, а само событие не перестает волновать воображение писателей и кинорежиссеров. Однако, замороженные вакханалией насилия, художники обычно упускают ряд важных деталей. Их зафиксировали историки. Если внимательно изучить исторические данные, то становится ясно – резня в Варфоломеевскую ночь имела вовсе не религиозную подкладку. Зато религия явилась прекрасным знаменем для людей, желающих достичь своей цели любыми методами. Цель оправдывает средства – этот девиз испокон века был известен не слишком чистоплотным политикам и другим общественным деятелям. Но чего же достигли в результате дикой резни в далеком августе?

Условным сигналом к началу резни стал колокольный звон церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа

Съезд победителей

Дикая и на первый взгляд ничем не мотивированная резня, учиненная в Париже мирными обывателями в ночь на святого Варфоломея, становится более понятной, если учесть, что на протяжении десятилетия страна не вылезала из кровопролитной войны. Формально религиозной, а по существу – гражданской.

Точнее, за период с 1562-го по 1570 год по Франции прокатились целых три опустошительные религиозные войны. Католики, составлявшие большинство на севере и востоке страны, сражались с протестантами-кальвинистами, прозванными во Франции гугенотами. Ряды последних составляли в основном представители третьего сословия – провинциальная буржуазия и ремесленники, а также дворяне из южных и западных провинций, недовольные выстраиванием вертикали королевской власти.

Враждующие партии возглавляла феодальная знать, стремившаяся ограничить власть короля: католиков – герцог Генрих де Гиз и его родня, гугенотов – король Наварры Антуан Бурбон (отец будущего Генриха IV), а после его смерти – принц де Конде и адмирал Гаспар де Колиньи. Кроме того, существенную роль в интриге играла королева-мать Екатерина Медичи, фанатичная католичка, фактически правившая страной от имени своего слабовольного сына – короля Карла IX.

За внешне религиозным характером войн отчетливо проступал давно тлевший династический конфликт. Угроза нависла над королевским домом Валуа: болезненный Карл IX не имел детей, а нетрадиционная сексуальная ориентация его возможного наследника – брата Генриха (герцога Анжуйского и будущего короля Генриха III) – ни для кого не была секретом. В то же время угасавшему и вырождавшемуся семейству бросали вызов две пассионарные боковые ветви царствующего дома: Бурбоны и Гизы. Молодой король Наварры Генрих Бурбон представлял опасность для королевы-матери не как еретик, а скорее как возможный претендент на трон, к тому же известный своей любвеобильностью и завидной жизненной силой. Не случайно молва приписывала Екатерине отравление матери Генриха – Жанны Д'Альбре.

Однако ближе к осени 1570 года в войне наступила временная передышка. По Сен-Жерменскому мирному договору, подписанному в августе, гугеноты получили ряд важных уступок со стороны королевской власти. Им была дарована частичная свобода отправления культа, передан ряд крепостей, а Колиньи ввели в Королевский совет, игравший в ту пору роль правительства Франции. В качестве примирительной PR-акции (а также с целью ограничения растущего влияния Гизов) Екатерина Медичи посоветовала королю выдать замуж свою сестру Маргариту за молодого вождя гугенотов – Генриха Наваррского.

В лагере его сподвижников царила эйфория, им казалось, что они – победители. Колиньи даже предложил для сплочения католического и гугенотского дворянства выступить вместе против испанского короля Филиппа II, который, поддерживая французских католиков, в то же время постоянно угрожал интересам Франции в Италии и Фландрии. Однако адмирал не учел, что в душе Екатерины материнские чувства возьмут верх над государственными интересами. Дело в том, что ее вторая дочь, Елизавета, была замужем за испанским королем. А кроме того, в результате возможной победы над испанцами влияние Колиньи на короля, мечтавшего о воинских подвигах, могло стать непреодолимым.

Впрочем, и показная дружба с предводителем гугенотов также была лишь тактической уловкой слабовольного короля, всеми силами стремившегося выйти из-под слишком плотной материнской опеки. В конце концов, назначенную еще в 1569 году, в самый разгар третьей религиозной войны, королевскую награду за голову адмирала – 50 тыс. экю – никто официально не отменял.

Тем не менее к середине августа 1572 года в Париж на свадебные торжества съехался весь цвет гугенотской аристократии, а также сотни средних и мелких дворян. Они прибывали в столицу вместе с женами, детьми и челядью и подобно всем провинциалам стремились пустить парижанам пыль в глаза. Высокомерие и вызывающая роскошь «лиц гугенотской национальности» вызывали раздражение: после опустошительных войн французские города (в отличие от быстро восстановившейся провинции) переживали не лучшие времена, став центрами нищеты, голода и социального расслоения, чреватого взрывом.

Стихийный и неосознанный ропот обнищавших и оголодавших парижан умело направлялся в богоугодное русло многочисленными католическими проповедниками, щедро оплаченными Гизами, испанцами и папой. С кафедр Сорбонны и городских амвонов в адрес наводнивших город еретиков летели проклятия; на них же, гугенотов, возлагалась вся ответственность за невзгоды, переживаемые Францией. По городу ползли слухи о будто бы раскрытом заговоре, имевшем целью убийство короля и захват власти, о тревожных знамениях, грозивших парижанам невиданными испытаниями. Вместе с этим провокаторы не скупились на красочные описания богатств, будто бы привезенных с собой гугенотами.

По плану народного гнева

В такой обстановке 17 августа прошло бракосочетание Генриха Наваррского и Маргариты Валуа. Пышность церемонии, запланированной как акт гражданского примирения, вызвала у парижан не благоговение и восторг, а ярость и раздражение. А после неудачного покушения 22 августа на Колиньи, отделавшегося легкой раной, страсти накалились до предела.

О том, что заказали лидера гугенотов королева-мать, ее младший сын и герцог де Гиз, в городе говорили открыто. И неудача проведенной акции вызвала раздражение в обеих группировках. Гугеноты жаждали сатисфакции, и король, которого заказчики покушения поставили перед свершившимся фактом, был вынужден вместе с братом, матерью и свитой навестить раненого. У постели Колиньи он публично выразил адмиралу сочувствие и пообещал взять под королевскую защиту всех его сподвижников. Оставшись с королем наедине, адмирал посоветовал ему поскорее освободиться от материнской опеки.

Сведения об этом приватном разговоре дошли до ушей королевы-матери, успевшей наладить в Париже образцовую систему «стука», и участь Колиньи была решена. В то же время гугенотов настолько вдохновило королевское унижение, что они стали вести себя еще более вызывающе. Раздались даже призывы срочно покинуть Париж и готовиться к новой войне.

Эти настроения также достигли дворца, и тут занервничал сам Карл, чем умело воспользовались враги Колиньи. Улучив момент, мать и брат навязали королю идеальный, по их мнению, вариант решения возникшей проблемы: довести начатое дело до конца. Это было решение вполне в духе захвативших тогда Европу идей Макиавелли: прав всегда сильный, цель оправдывает средства, победителей не судят.

Первоначально решено было убить в превентивных целях только адмирала и его ближайшее окружение. По мнению организаторов акции, она должна была устрашить остальных гугенотов и подавить реваншистские настроения в их рядах. Распространенная версия о том, что король будто бы в раздражении воскликнул: «Раз вы не смогли

убить одного Колиньи, то тогда убейте их всех до одного, чтобы никто не смел бросить мне в лицо, что я клятвопреступник», – основана лишь на единственном свидетельстве очевидца. Которым оказался герцог Анжуйский, мечтавший о троне и ради приближения заветного момента готовый запустить и поддержать любой компромат на братца Карла.

Скорее всего, идея «окончательного решения гугенотской проблемы» вызрела по ходу обсуждения в голове у королевы-матери и была поддержана герцогом де Гизом. А вот кому пришла в голову другая далеко идущая мысль – вовлечь в планируемую акцию «широкие народные массы», придав ей имидж народного возмущения, а не очередного дворцового заговора, – так и осталось загадкой. Как и то, почему автору столь заманчивого предложения не пришли в голову очевидные последствия спровоцированного народного гнева. Исторический опыт свидетельствует: вакханалия санкционированного насилия быстро становится неуправляемой.

Вечером 23 августа, сразу же после решения привлечь народные массы, Лувр тайно посетил бывший старшина городского купечества Марсель, пользовавшийся в столице огромным влиянием. Ему поручили организовать горожан – буржуа, торговцев и бедноту – для проведения масштабной акции против наехавших в город еретиков. Правовверные парижане были разбиты на группы по месту жительства, от каждого дома выделялся вооруженный мужчина. Всем группам раздали списки заранее помеченных домов, в которых проживали гугеноты. И лишь с наступлением темноты в Лувр был вызван преемник Марселя – купеческий старшина Ле Шаррон, которому королева-мать изложила официальную версию «гугенотского заговора». С целью его предотвращения парижскому муниципалитету предписывалось: закрыть городские ворота, связать цепями все лодки на Сене, мобилизовать городскую стражу и всех горожан, способных носить оружие, разместить вооруженные отряды на площадях и перекрестках и выставить пушки на Гревской площади и у городской ратуши.

Все это однозначно опровергает пущенную впоследствии версию относительно спонтанного характера начавшейся резни. На самом деле она тщательно планировалась, приготовления были проведены на редкость оперативно. И к наступлению сумерек речь шла уже не об

избирательном политическом убийстве, а о тотальном уничтожении заразы, своего рода религиозно-политическом геноциде.

«Неокончателное решение» гугенотской проблемы

Все события той кровавой ночи известны до деталей, скрупулезно собранных и зафиксированных в монографиях историков.

Услышав условный сигнал – колокольный звон церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа, отряд дворян из свиты герцога де Гиза, усиленный наемниками-швейцарцами, направился к дому, где проживал Колиньи. Убийцы зарубили старика мечами, сбросили его тело на мостовую, после чего отсекали голову. Обезображенное тело потом еще долго таскали по парижским улицам, прежде чем повесить за ноги на привычном месте казней – площади Монфокон.

Как только с адмиралом было покончено, началась массовая бойня: колокольный набат парижских церквей отозвался похоронным звоном по нескольким тысячам гугенотов и членов их семей. Их убивали в постелях, на улицах, выбрасывая тела на мостовые, а затем – в Сену. Нередко жертв перед смертью зверски истязали, были зафиксированы также многочисленные случаи надругательств над телами убитых.

Свиту короля Наваррского швейцарцы закололи в покоях Лувра, где ночевали высокие гости. А самого Генриха и принца де Конде король и Екатерина Медичи пощадили, вынудив под угрозой смерти принять католичество. Чтобы окончательно унижить новообращенных, их сводили на «экскурсию» к повешенному обезглавленному телу Колиньи.

Тем не менее, несмотря на тщательно составленный план, истребить всех гугенотов в Париже за одну ночь не удалось. Например, несколько соратников Колиньи, остановившихся в предместье Сен-Жермен-де-Пре, смогли прорвать линии городской стражи и покинуть город. Герцог де Гиз лично преследовал их несколько часов, но догнать не смог. Других переживших ночь святого Варфоломея добивали еще в течение почти недели. Точное число жертв осталось неизвестным; по ряду дошедших до нас деталей (например, могильщикам только на одном парижском кладбище было заплачено 35 ливров за захоронение 1100 трупов) историки оценивают количество убитых в 2000-4000 человек.

После Парижа волна насилия кровавым колесом прошла по провинции: от крови, пролитой в Лионе, Орлеане, Труа, Руане и других городах, вода в местных реках и водоемах на несколько месяцев стала непригодной для питья. Всего, по разным оценкам, за две недели во Франции было убито от 30 до 50 тыс. человек.

Как и следовало ожидать, вскоре резня по религиозным мотивам превратилась просто в резню: почувствовавшие вкус крови и беспредела вооруженные лавочники и городской плебс убивали и грабили дома даже верных католиков, если там было чем поживиться. Как писал один французский историк, «в те дни гугенотом мог себя назвать любой, у кого были деньги, высокое положение и свора алчных родственников, которые не остановились бы ни перед чем, чтобы побыстрее вступить в права наследования». Пышным цветом расцвело сведение личных счетов и всеобщее доноительство: городские власти не затрудняли себя проверкой поступивших сигналов и тут же посылали по указанному адресу команды убийц.

Разгул насилия испугал даже его организаторов. Королевские указы с требованием о прекращении резни выходили один за другим, священники с церковных амвонов также призывали правоверных христиан остановиться, однако запущенный маховик уличной стихии уже не была в состоянии остановить никакая власть. Лишь спустя неделю убийства сами собой пошли на спад: пламя «народного гнева» потухло, и вчерашние убийцы вернулись к своим семьям и повседневным обязанностям.

Уже 26 августа король официально принял на себя ответственность за резню, заявив, что это было сделано по его приказу. В письмах, разосланных в провинцию, папе и зарубежным монархам, события в ночь на святого Варфоломея интерпретировались как всего лишь превентивная акция против готовившегося заговора. Известие о массовых убийствах гугенотов с одобрением встретили в Мадриде и Риме и с осуждением – в Англии, Германии и других странах, где были сильны позиции протестантов. Парадоксально, но действия французского королевского двора осудил даже такой известный в истории «гуманист», как русский царь Иван Грозный.

Инвестиции в религиозный фанатизм

Жестокости, творившиеся в Париже той ночью, красочно описаны в десятках исторических романов, включая самые известные: «Королеву Марго» Александра Дюма и «Юные годы короля Генриха IV» Генриха Манна. Хватает и экранизаций первого романа: от сусального и приглашенного отечественного телесериала до брутально-натуралистичного французского фильма Патриса Шеро. Однако практически во всех художественных оценках Варфоломеевской ночи авторы настолько заворожены внешней иррациональностью и массовым характером насилия, что спешат объяснить их разгулом религиозного фанатизма, вообще влиянием темных демонов на податливую злу человеческую натуру.

Между тем у парижских буржуа и черни, методично вырезавших не только дворян-гугенотов, но и их жен и детей, были и другие мотивы. В том числе сугубо материальные.

Во-первых, нет сомнений, что Варфоломеевская ночь явилась сознательно спровоцированным бунтом «низов» против «верхов», лишь умело переведенным с социальных рельсов (иначе мало не показалось бы и католическому дворянству, и жировавшему духовенству) на религиозные. Парижане, как уже говорилось, летом 1572 года изрядно оголодали и обнищали, а пришлые гугеноты служили очевидным социальным раздражителем. Хотя и среди них не все могли похвастаться богатством, каждый из приезжих, будь то самый последний разорившийся дворянчик, предпочитал спустить в столице последнее су, лишь бы произвести должное впечатление.

Во-вторых, католикам-парижанам щедро заплатили за убийство гугенотов. Во время посещения Лувра экс-старшина купечества Марсель получил несколько тысяч экю от Гизов и духовенства (королевская казна была, как всегда, пуста) на раздачу капитанам штурмовых групп. Имеются свидетельства и того, что убийцам платили «по головам», как каким-нибудь охотникам за скальпами в Новом Свете, и для получения без канители желанного «нала» требовалось представить весомое подтверждение своих претензий, для чего подходили головы, носы, уши и прочие части тел жертв.

А ответ на вопрос, зачем погромщики убивали вместе с дворянами-гугенотами их жен, детей и прочих родственников, некоторые исследователи предлагают поискать в тогдашнем королевском законодательстве. В частности, в тех статьях его, которые определяли процедуру и характер наследования движимого и недвижимого имущества.

Если не вдаваться в тонкости, то все имущество вассала французской короны после его смерти переходило к родственникам, а за неимением их по истечении определенного срока поступало в королевскую казну. Так, к примеру, поступали с имуществом казненных заговорщиков, формально не подлежавшим конфискации: установленный срок проходил, а претенденты из родственников не объявлялись (ибо это грозило им самим лишением головы: объявить их сообщниками было раз плюнуть), и все имущество прибирала казна.

Не осталось никаких достоверных свидетельств того, что кто-то из организаторов Варфоломеевской ночи сознательно и заранее продумал в том числе и такой меркантильный вопрос. Но известно, что погромщики получили от Екатерины Медичи и герцогов Анжуйского и де Гиза четкие инструкции, суть которых сводилась к одному: не оставлять в живых никого – в том числе и родню приговоренных. С другой стороны, это могла быть и понятная во времена кровной мести дополнительная подстраховка.

Кровавый опыт Варфоломеевской ночи крепко усвоили по крайней мере двое из высокопоставленных очевидцев. Одним был английский посол в Париже сэр Фрэнсис Уолсингем. Пораженный неоправданной беспечностью гугенотов, позволивших заманить себя в примитивную западню и не имевших даже лазутчиков во вражеском лагере, он задумался о разведывательной службе, которую и создал спустя годы в Англии.

А вторым – счастливо избежавший участи большинства своих соратников Генрих Наваррский. Значительно позже, после бегства из Парижа, возвращения в лоно кальвинизма, еще одной вспыхнувшей религиозной войны, насильственной смерти двух королей (Карла IX и Генриха III) и герцога де Гиза, он победит Католическую лигу. И ценой еще одного (на сей раз добровольного) перехода в католичество займет

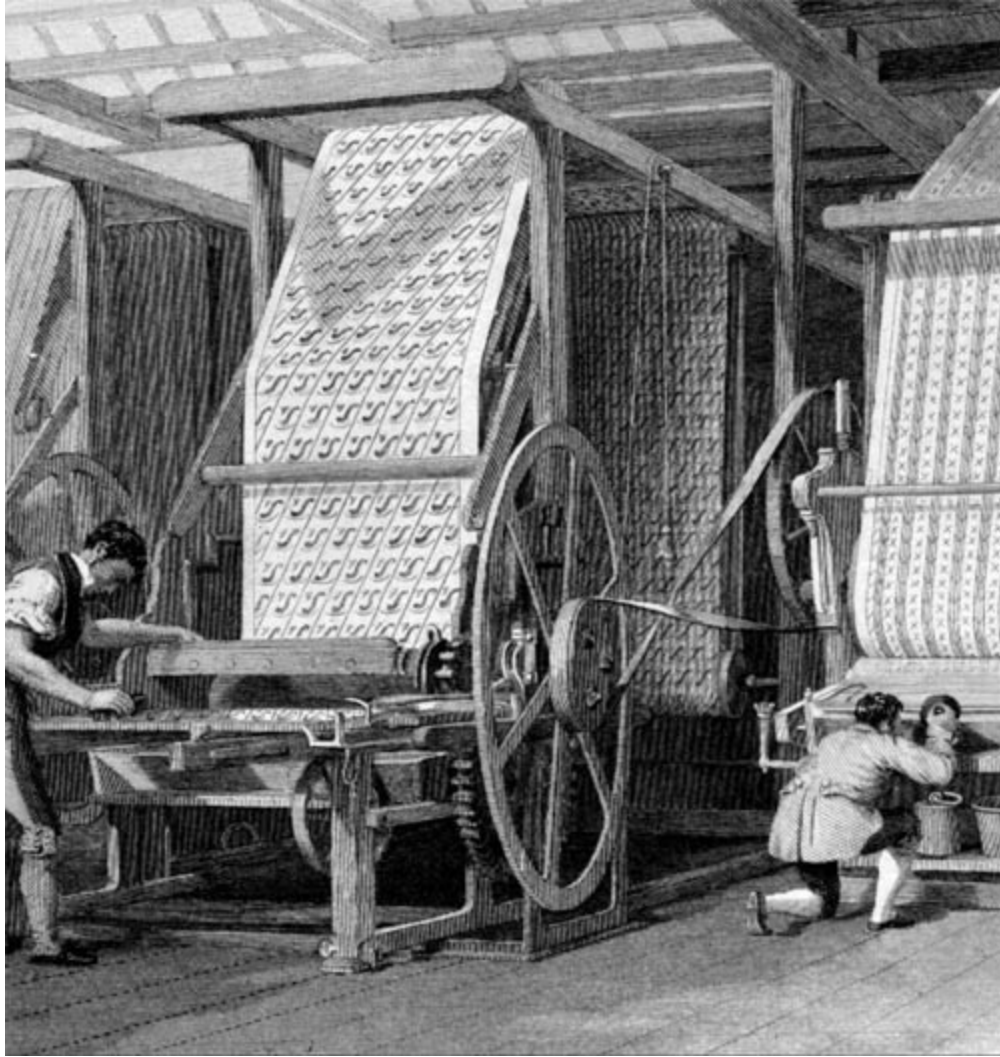
французский трон, произнеся свою историческую фразу: «Париж стоит мессы».

Владимир Гаков

Дело английских вредителей

Начиная с середины 90-х годов XX века улицы западных городов стали ареной диких выходок хулиганов, называющих себя антиглобалистами и выступающих, по их словам, против нового мирового порядка. Тайно съезжаясь из разных стран в тот или иной город (где, скажем, собиралась G8 или проходил представительный экономический форум), они громили все, что попадалось им под руку. Эта на первый взгляд труднообъяснимая волна коллективного вандализма напоминает события, происходившие в Англии в начале XIX столетия.

Именно тогда сначала в английский, а затем и в остальные языки вошел странный термин «луддиты».

Машины заменили квалифицированных рабочих

Почва бунта

Попытки воспрепятствовать прогрессу предпринимались на протяжении всей истории человечества. Долгое время любые новшества – от технических до социальных – вызывали страх прежде всего у «верхов», стремившихся уберечь себя от перемен, последствия которых всегда трудно предугадать.

Однако уже к началу XVIII столетия ситуация изменилась радикально. Место прежних душителей прогресса заняли социальные низы, трудящиеся массы, по которым больно ударило внедрение новых орудий труда. А правящие классы, напротив, разглядели в техническом прогрессе источник обогащения и принялись его насаждать, не считаясь с издержками в виде антимашинных бунтов и восстаний.

Ареной самых крупных из них стала Англия начала XIX века. Этот период в истории страны получил название эпохи Регентства, поскольку страной, после того как король Георг III был признан умалишенным и помещен в психиатрическую лечебницу, стал править регент принц Уэльский (будущий Георг IV).

В ту пору Англия оставалась еще преимущественно аграрной страной. Больше половины населения проживало в сельской местности, *country*, а города редко когда насчитывали больше нескольких тысяч жителей (за исключением Лондона, население которого перевалило за миллион). При этом собственно сельским хозяйством занималась треть работающего населения страны. Остальные промышляли ремеслами и кустарным производством, которое в основном также располагалось не в городах, а в той же *country*. Немногочисленные фабрики (прежде всего ткацкие) приводились в действие энергией воды и потому строились рядом с водяными мельницами.

Отсутствие единой системы железных дорог приводило к локализации экономической жизни в небольших городских и сельских общинах, слабо связанных между собой, но зато объединявших работодателей и наемных работников некими общими целями. До идилического классового мира было далеко, однако и к скольконибудь серьезным конфликтам такая организация «бизнеса» до поры до времени не приводила.

Эту видимость классовой гармонии взорвало стремительное внедрение нового оборудования – паровых станков и машин. А необходимость интенсификации производства, в свою очередь, спровоцировали причины внешнеполитические.

Первую подножку национальной экономике сделал главный враг британской короны Наполеон. Французский император фактически изолировал почти полностью подвластный ему европейский континент от английских товаров. К 1811 году экспорт снизился на треть, что вызвало в Англии финансовую панику, а повальное закрытие и банкротство банков привело к резкому, почти двукратному, падению реальных доходов населения.

Другой напастью стали хронические неурожаи, вынудившие правительство пойти на массированную закупку зерна у России. Как и следовало ожидать, цены на него на внутреннем рынке рванули вверх.

А тут еще бывшая колония – Североамериканские Штаты – сообразила, что лучшего момента потрепать бывшую метрополию не представится, и объявила Англии войну, которая в основном свелась к закрытию для английских товаров и Нового Света.

Внешнее давление наложилось на зревший внутри страны классовый конфликт. В результате так называемых огораживаний (из-за роста цен на шерсть на землях фермеров стали разводить овец) сельхозработники были вынуждены мигрировать в промышленно развитые города и на фабрики в country, и прежняя общинная пуповина между работниками и работодателями оказалась разорвана.

Вслед за овцами вытеснять людей начали машины. Владельцы ткацких и трикотажных мануфактур стали активно внедрять новую технику – паровые станки с широкими рамами, позволявшие изготавливать сразу несколько изделий. В результате этой частичной автоматизации производства оно значительно удешевилось. Машины заменили квалифицированных рабочих, а неквалифицированным можно было платить копейки или вовсе не платить, переводя их фактически на натуральное довольствие. По тогдашним английским законам работодатели не были обязаны объявлять расценки и могли договариваться с каждым работником отдельно. Часто «живые» деньги заменялись кредитом в торговых лавках на территории мануфактуры (цены в них обычно были выше, чем в аналогичных заведениях за ее пределами).

Все попытки представителей рабочих обращаться с петициями протеста в парламент встречались в штыки. Власти недвусмысленно предупредили, что сопротивление техническому прогрессу будет сурово караться – смертью или каторжным трудом на плантациях в заморских колониях.

Восставший трудовой Лудд

В начале марта 1811 года владельцы нескольких ткацких фабрик в графстве Ноттингемшир, на родине легендарного Робина Гуда, получили грозные письма, подписанные неведомым «генералом Недом Луддом». От имени своей «армии исправителей несправедливости» (Army of Redressers) он обвинял их в сознательном занижении заработной платы, приеме на работу неквалифицированных рабочих, усугубившем безработицу квалифицированных, и прочих несправедливостях и объявлял виновным в этом беспощадную войну.

Можно было бы счесть эти послания чьей-то дурной шуткой, если бы не последующие события, потрясшие страну.

Вскоре «армия Неда Лудда» перешла к активным действиям. Вечером 11 марта на фабрике в городке Арнолде под Ноттингемом были разбиты первые 60 ткацких станков. В течение следующих трех месяцев восставшие довели число своих механических жертв до 2000. Не на шутку перепуганные местные власти срочно направили для охраны фабрик несколько сотен констеблей. Но волнения не утихали, и к концу ноября разрушители машин, прозванные в народе луддитами, громили фабрики даже днем.

Самой любопытной фигурой во всей этой истории был и остается сам Лудд, которого его последователи называли то генералом, то королем, то просто вожаком. Случалось, Лудда видели одновременно в нескольких местах, однако все попытки полиции получить его словесный портрет терпели крах. Впрочем, Лудда не раз арестовывали и, по слухам, даже вешали при большом стечении народа. Но он непостижимым образом воскресал и вел на штурм ненавистных фабрик новые отряды разрушителей.

Скорее всего, никакого Неда Лудда не существовало. Однако мифический главнокомандующий умудрился сколотить из разношерстного люда хорошо организованную армию – иначе как бы она могла на протяжении нескольких лет противостоять регулярным войскам?

Тактика луддитов напоминала партизанские действия в тылу врага. Обычно они собирались небольшими группами в лесу, а с наступлением темноты шли на дело. Первыми на территорию фабрики

врывались вооруженные мушкетами «боевики», один вид которых заставлял разбегаться охранников и приставленных им в помощь полицейских. После чего к делу приступали основные силы атакующих. Сокрушив станки кирками и молотами, луддиты растворялись во тьме еще до прибытия главных полицейских сил. В своей среде луддиты поддерживали строжайшую конспирацию – пользовались номерами вместо имен и при встречах обращались друг к другу с помощью тайных знаков.

Вот как описывал луддитов репортер издававшейся в Лидсе газеты Mercury: «Колонна численностью до двух сотен человек торжественно проследовала через всю деревню и присоединилась к восставшим. Некоторые были вооружены мушкетами с примкнутыми штыками, однако у большинства в руках были простые кирки. Возглавляло шествие вооруженных banditti соломенное чучело, олицетворявшее, вероятно, легендарного генерала Лудда, а штандартом служило древко с красным флагом».

Слухи о событиях в Ноттингемшире быстро достигли Лондона. Принц-регент, стремясь подавить волнения, своим указом пообещал по 50 гиней каждому, кто сообщит о «готовящемся или уже совершаемом зломном разрушении ткацких станков». Тем не менее уже в следующем году волнения перекинулись на соседние графства Центральной Англии – Лестершир и Дербишир, а также на ряд северных – Йоркшир, Ланкашир и Чешир, где население наряду с ткацким производством зарабатывало на жизнь отделкой готовых трикотажных изделий. Поэтому, скажем, йоркширские луддиты обратили свой гнев прежде всего не на ткацкие станки, а на новомодные трикотажные машины, грозившие оставить их без работы.

Любопытно, что никаких ясно выраженных политических требований луддиты не выдвигали. На последующих судебных процессах они говорили, что взяться за кирки и молоты их вынудили мизерная зарплата, не позволявшая прокормить семью, безработица, желание восстановить прежние условия труда, перебои с продуктами питания и даже «ужасающее падение качества изделий, изготавливаемых с помощью новых машин».

В общем, эти люди, «занимавшиеся торговлей с работодателями, шантажируя последних бунтом» (как писал один английский автор в

середине прошлого века), революционерами не являлись – движение луддитов скорее было прообразом современных профсоюзов.

До первой крови и после

К началу 1812 года размах действий луддитов заставил правительство принять самые решительные меры для обуздания бунтовщиков. Слишком уж события в Центральной Англии напоминали прелюдию к Французской революции – навязчивому кошмару всех европейских монархий.

В феврале сам премьер-министр выступил с требованием приравнять «антимашинный вандализм» к тяжким преступлениям, караемым смертной казнью. Это предложение не вызвало в палате лордов серьезной дискуссии. Диссонансом прозвучало разве что выступление 27 февраля известного нарушителя спокойствия – молодого лорда Байрона, будущей звезды английской поэзии.

Байрон, не снимая с погромщиков вины, считал, что часть ее лежит на владельцах фабрик, чьи нововведения оставили без работы десятки тысяч человек: «Если меч является наихудшим аргументом в споре, то ему надлежит быть и последним. В сложившейся ситуации правительство слишком спешит обнажить клинок репрессий. Пока он, благодаря провидению, еще находится в ножнах. Однако принятием этого закона мы извлечем его оттуда вместо того, чтобы попытаться встретиться с доведенными до отчаяния людьми и понять, какие меры смогут остановить насилие и вернуть им работу».

Однако подавляющее большинство проголосовало за принятие закона о ломке оборудования (Frame Breaking Act), предусматривавшего смертную казнь. В районы волнений были отправлены регулярные войска.

Правительство и раньше прибегало к силе. Но ни посланный в 1811 году в Ноттингем эскадрон драгун, ни приданные ему в помощь 900 кавалеристов и 1000 солдат-пехотинцев под командованием генерала Дайотта с луддитами справиться не смогли. На этот раз в районы, охваченные бунтом, направлялась целая армия численностью 3000 человек под командованием генерал-лейтенанта Томаса Мейтленда.

До этого события развивались на удивление бескровно: жертвами луддитов были машины, а не их хозяева. Теперь всем стало ясно, что первой крови ждать осталось недолго.

Пролилась она на трикотажной фабрике Роуфорд-Миллз, расположенной в окрестностях Брайхауза в графстве Йоркшир. Ее владелец, еще в 1811 году установивший новые паровые станки, предчувствовал недоброе и заранее обратился к войскам за помощью. Когда толпа местных луддитов попыталась ночью ворваться на фабрику, их встретили ружейными залпами. Оставив на фабричном дворе двух смертельно раненных товарищей, нападавшие ретировались. А спустя неделю в отместку убили другого местного фабриканта.

После этого карательная машина была запущена в полную силу. Из сотни с лишним арестованных бунтарей осудили 64: троих повесили за убийство, еще 14 – за подстрекательство к уничтожению машин, а остальных сослали в Австралию, представлявшую тогда единственную в своем роде каторгу-континент.

Однако эти жестокие меры не остановили луддитов. На руку им сыграла волна «голодных» бунтов в городах, вызванных резким повышением цен на муку. Встречая организованный отпор регулярных войск, луддиты отыгрывались на домах фабрикантов, фактически перейдя к террору. А это, в свою очередь, вело к новым волнам репрессий.

23 апреля 1812 года была разгромлена очередная фабрика под Манчестером, после чего главный шериф графства Уильям Халтон приказал арестовывать всех обнаруженных на месте преступления и предавать их суду без оглядки на возраст и пол. Из 12 первых арестованных четверо тут же были признаны виновными и повешены – в их числе 12-летний Абрахам Чарлстон, со слезами моливший о пощаде на эшафоте.

Манчестерский «перегиб» получил широкую огласку, и общественное мнение, до того безусловно поддерживавшее действия правительства, раскололось. В июне того же года полиция арестовала 38 участников луддитского собрания, но суд всех их неожиданно оправдал.

После этого и слепая ярость луддитов, и жестокость властей начали сходить на нет: бунт выдыхался. Машинные погромы продолжались до конца 1816 года (а отдельные вспышки вандализма наблюдались и позже, например в 1830 году), но луддизм как социальное явление уходил в прошлое. По крайней мере, так казалось современникам.

Ренессанс

Еще в 1819 году манчестерский журналист Джон Эдвард Тейлор задним числом провел самостоятельное расследование обстоятельств нападения на местные фабрики семилетней давности. Каково же было его удивление, когда обнаружили несомненные свидетельства того, что на штурм одной из фабрик рабочих вели провокаторы, нанятые членом местного магистрата полковником Флетчером!

Выводы Тейлора и других его коллег, вскрывших случаи произвола по отношению к луддитам со стороны властей (в частности, самосуда военных), вызвали всеобщий шок. С тех пор отношение англичан к разрушителям машин приобрело романтический оттенок. Примерно то же случилось с земляком первых луддитов Робинотом Гудом: молва и массмедиа превратили его в благородного разбойника и защитника угнетенных.

Казалось бы, все это «дела давно минувших дней». Времена изменились, и резкого неприятия технического прогресса больше не наблюдается. Скорее наоборот, к середине XX века он был почти обожествлен, невзирая на некоторые издержки вроде атомной бомбы.

Тем более неожиданным был недавний (в самом конце прошлого века) выход на общественно-политическую арену движения, вновь объявившего прогрессу войну. Сегодняшние неолуддиты-антиглобалисты, от чьих многочисленных сайтов в Интернете рябит в глазах, к счастью, пока не представляют собой структурированную и серьезно финансируемую организацию. Скорее их можно отнести к маргиналам наряду с небезызвестным Greenpeace или американским Обществом творческого анахронизма (The Society of Creative Anachronism).

Но это пока. Движение, судя по всему, набирает силу, и очень скоро акции протеста могут выйти из разряда забавных историй. Подобно своим предшественникам из далекого XIX века, неолуддиты уповают на кирку и молот и призывают к разрушению новых технологий, транснациональных корпораций, массовой культуры, засилья рекламы и тому подобных составляющих установившегося мирового порядка.

С их критикой современного мира часто бывает трудно не согласиться. Мир этот, конечно, далек от идеального, и практически

каждая очередная новинка, изобретенная в надежде его улучшить, сразу являет свою обратную сторону, сулящую малоприятные последствия.

Однако главный урок луддитского бунта, может быть, в том и состоит, что прогресс при всем желании не остановить. Да и не виноват он, если вдуматься, в наших бедах, как не виновато зеркало, в котором мы видим «рожу криву». В любом случае крушить за это зеркало глупо.

Евгений Жирнов

Миру – мор

235 лет назад, в 1772 году, в Москве завершилась последняя в русской истории масштабная эпидемия чумы. Она стоила жизни почти 100 тыс. москвичей и сопровождалась массовыми грабежами и чумным бунтом.

Моровые поветрия издавна убивали огромное количество людей. Во время одного из них в Смоленске выжило лишь пять горожан, а при осаде войсками Петра I Риги в городе от голода и болезней умерло 60 тыс. Жителей и солдат. Как правило, болезни приходили на Русь из-за рубежа, но в отличие от Европы, где инфекции распространялись подчас экзотическими путями – к примеру, разносчиками сифилиса были священники и монахини, – в города И веси России заразу чаще всего приносили купцы и солдаты.

С приходом очередной заразы монастырские больницы превращались в хосписы

«Мертвыя человеки ядяху»

Глад и мор – голод и эпидемии – испокон веку были неперемной частью жизни человечества. И Русь, несмотря на ее особый путь, не была исключением из общего правила. Дотошные историки медицины нашли упоминания о моровых поветриях практически во всех русских летописях, начиная с древнейших, датированных XI веком. Самое первое упоминание об эпидемии относится к 1060 году, когда русские князья пошли войной на южных соседей – кочевников-торков.

«В сем же лете Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупивше вой бесчислены, поидоша на коних и в лодьях, бесчислено множество, на Торки. Се слышавше Торци, убояшася, пробегоша... и помроша бегающе... ови от зимы, друзии же гладом, ини же мором».

Не опознанная современными специалистами инфекция поразила и княжеские дружины, чем было положено начало одной из незыблемых традиций отечественных моровых поветрий: заразу в свое отечество приносили русские воины или свои и заморские купцы, прибывавшие из дальних странствий. Из-за этого, как правило, эпидемии начинались в приграничных городах, распространяясь с запада или юга на север и восток. В 1092 году начавшийся в Полоцке мор вскоре перекинулся на Киев, а в 1128 году летописец описал великое моровое поветрие, случившееся в другой пограничной части Руси – в Новгородской земле.

Эпидемии повторялись регулярно, с Запада заносятся то моровые лихорадки, то инфекции, которые знатоки считают первыми описанными пандемиями гриппа. Причем то ли из-за развития связей между русскими княжествами и большей информированности летописцев, то ли потому, что каждая следующая эпидемия захватывала все новые территории, в летописях XIII века говорилось уже о морах, охватывавших всю Русь. К примеру, в 1229-1230 годах «глад и мор» поразили все города и веси, за исключением Киева.

«И поиде дождь от Благовещения до Ильина дни, – писал летописец о 1230 годе, – днь и ночь, и возста студень, и быша мрази велици, и поби всяко жито, и кукиша хлеб по осми кун, а четверть ржы по 20 гривен... и бысть мор в людех от глада велик, яко не мощи и погребати

их... Глад же наипаче простресея... по всей земли Русской, точию кроме единого Киева, и толико гнев Божий бысть, яко не точию мертвыа человеки ядяху, но иживыа человеки друг друга убиваху и ядяху, а еже конину, и пси, и кошки, и иная таковая, где кто налез, ядыше, инии же мох, и сосну, и илем, и кору липовую ядяху. Злии же человеци, где аще слышаху у кого жито, силою прихожаху в место такое, грабяху и убиваху... и помроша люди по всей земле, им же не бе числа. Сие же бысть по два лета».

Только в Смоленске, которому часто доставалось во время моровых поветрий, если верить летописям, от мора умерло 32 тыс. человек.

«Черная смерть» – чума – пришла на Русь в середине XIV века с Запада, через Псков, хотя начиналась ее самая страшная эпидемия в истории человечества к югу от русских рубежей. Как писали современники, в 1340-х годах в Причерноморье появилась странная болезнь, убивавшая разом жителей городов и селений. Считается, что чуму в ее обычных очагах распространения в Азии подхватили татарские воины, которые и занесли ее на берега Черного моря. В Крыму во время осады принадлежавшей генуэзцам Каффы (Феодосии), которую татары не могли взять на протяжении трех лет, они в 1346 году – возможно, впервые в мире – применили бактериологическое оружие: начали метательными машинами забрасывать за крепостные стены трупы своих умерших от чумы товарищей. В городе началась эпидемия, и те генуэзцы, кто был еще в силах бежать, на кораблях отправились на родину вместе с чумными больными и чумными крысами.

В итоге в 1347 году «черная смерть» из Генуи распространилась по всей Италии, а в следующем году эпидемия бушевала уже практически во всех средиземноморских портовых городах, куда заходили генуэзские и венецианские суда. В начале 1350-х, пройдя всю Европу, болезнь с купцами и их товарами дошла до Пскова. А затем стала распространяться и на остальные русские земли. В Новгород, например, она попала благодаря архиепископу Новгородскому Василию, отправившемуся к соседям с пастырским утешением. По просьбе псковичей, которые из-за мора остались без священников и монахов, он отслужил в зараженном городе молебен и благословил Псков. Но по дороге домой скончался от «черной смерти». Тело архиепископа доставили в Новгород, где владыку провожало в

последний путь, по-видимому, все население города, ввиду чего эпидемия вспыхнула и там. Как водится, вслед за тем досталось несчастному Смоленску, откуда инфекцию разнесли в Чернигов, Киев, Суздаль и остальные русские княжества. В Москве умерли митрополит Феогност и великий князь Симеон Гордый вместе с семерыми детьми и братом.

После этого «черная смерть» регулярно возвращалась на Русь. В 1363 году начался новый повальный чумной мор, во время которого в городах умирало от 70 до 150 человек в день. Смертность во время следующей эпидемии, начавшейся в Европе в 1382 году и вскоре пришедшей в русские земли, была настолько высока, что в 1387 году в Смоленске осталось в живых лишь пять человек.

«Душеспасительные бани»

Из дальних и ближних стран на Русь привозили и другие опасные инфекции, среди которых встречались и венерические. Причем отечественные и зарубежные специалисты расходились во мнениях – с запада на восток или с востока на запад распространялся по Европе сифилис. В отечественных летописях существует относящийся к 1287 году рассказ о болезни князя Владимира Волынского, очень напоминающей по симптомам сифилис. В Европе сифилис был описан двумя веками позже.

«Володимеру же Васильковичу, князю Волынскому, – писал летописец, – болзну суцу... рана неисцелимая... лежащу в болести четыре лета, болзнь же сице скажем: нача ему гнити исподняя устна, перваго лета мала, втораго, третьего болзно нача гнити... исходящу же четвертому лету, и наставше зиме и нача болзми немочи и опада ему все мясо с бороды, и зубы, и сподняя выгниша вси, и челюсть бородна перегни, и бысть видети гортань, и не вкушал по седмь недель ничего же».

Правда, историки-патриоты были склонны видеть в этой болезни проказу или туберкулез, но вместе с западными коллегами они сходились в одном: общеевропейская эпидемия сифилиса стала следствием европейской распушенности нравов и крестовых походов.

«У западных врачей, – писал профессор Г. Гезер в 1867 году, – встречаются уже гораздо чаще сведения о нечистых болезнях в первые времена Средних веков. Но приблизительно с XIV столетия число этих известий положительно увеличивается, может быть, вследствие большого распространения разврата, или вследствие более тщательных наблюдений врачей, или же и от других неизвестных причин. В Италии наследовали пороки времен императоров не только развращенные потомки первоначального населения страны, но и смешавшиеся с ними северные переселенцы. В Южной Франции и Германии в период трубадуров и миннезингеров грубая чувственность хотя и была в некоторой степени ограничена романтическим рыцарским служением женщинам, но давно уже доказано, что в этом служении отнюдь не думали ограничиваться платонизмом. Дальше

других противостояли германские племена, но мало-помалу и у них вкоренился разврат, хотя в гораздо более легкой степени.

Крестовые походы способствовали в высокой степени упадку нравственности. Крестоносцы, большею частью грубые искатели приключений, познакомились на Востоке со всеми тонкостями сладострастия; кроме того, непрерывные и кровавые междоусобные войны на родине значительно уменьшили число мужчин, и от преобладания лиц женского пола произошла несоразмерность, которая, с одной стороны, усилила в высшей степени разврат, с другой же – дала повод к основанию многочисленных женских монастырей и орденов. Но всем известно, какую слабую защиту находило целомудрие за святыми стенами. Даже благочестивые общины сестер милосердия, например душеспасающие сестры (Seelschwester), скоро достигли того, что жертвовали собою не только для ухода за больными, но и для удовлетворения сладострастия здоровых. Например, так называемые «душеспасительные бани» (первоначально бани для бедных) скоро превратились в самые грязные притоны разврата. Все духовенство глубоко погрязло в омуте разврата и даже потеряло способность сознания своего позора. В одном донесении (1530 год) английскому королю Генриху VII священники прямо называются главными распространителями сифилиса. Против истерических страданий вдов и монахинь находим самые возмутительные советы даже в медицинских сочинениях.

При таких обстоятельствах самый грубый разврат свободно господствовал повсеместно. Во Франции во времена Карла Великого не было ни одного значительного города без публичных домов. На улицах Парижа, как говорит Ригорд, врач французского короля Филиппа Августа (в XII столетии), днем не было прохода от всякого рода домашних животных, а ночью – от публичных женщин. Изнасилование считалось самым невинным поступком. Образцом нравственности считался тот, кто довольствовался несколькими наложницами».

В Россию, как утверждал придворный врач царя Алексея Михайловича Самуил Коллинз, сифилис завезли во время войн с Польшей 1444-1500 годов. Сначала наличие на Руси стыдной болезни замалчивалось, а страждущих объявляли больными золотухой, испорченными сглазом или вовсе здоровыми людьми, что, понятно, не

способствовало борьбе с этой инфекцией. Позднее отечественные исследователи стыдливо заявляли, что сифилис в России в отличие от Европы не получил широкого распространения ввиду высокой нравственности русского народа и тщательного присмотра за поведением женщин, не худшего, чем на мусульманском Востоке. Однако уже с 1493 года русские власти стали с особой опаской относиться к «французской болезни», как именовался сифилис, и ввели опрос приезжающих в страну отечественных купцов и иностранцев, не заметили ли они на приграничных территориях чего-либо похожего на вспышку «французины». В случае получения тревожной информации власти немедленно перекрывали границу. Однако меры эти помогали далеко не всегда, и, как только в России произошел отход от принципов «Домостроя», выяснилось, что едва ли не каждая пятая женщина из прислуги в богатых русских домах больна сифилисом.

«Пробавлялись самобытной мудростью предков»

Редко помогали карантинные мероприятия на границах и в борьбе с остальными инфекциями. Для борьбы с заразой внутри страны стали все чаще применяться карантины, отделяющие деревни и города, в которых начался мор, от остальных русских земель. В ходу были и более радикальные меры. В 1552 году в Новгороде купца из Пскова, где, как обычно, в первую очередь вспыхнула эпидемия, решили сжечь вместе со всем товаром, а новгородца, давшего ему приют, бить плетью. Собственно, такое поведение было уже значительным прогрессом, ведь прежде перепуганные мором русичи казнили ни в чем не повинных знахарок и прочих ведуний, обвиненных в «напущении нечисти».

Самой главной эпидемической бедой десятилетиями продолжала оставаться чума. Однако в XVI веке к ней добавился сыпной тиф, и эпидемии продолжались с прежней регулярностью, иногда приобретая масштаб общенациональной катастрофы. В начале XVII века на Руси случился трехлетний «глад и мор», в результате которого только в Москве насчитали 127 тыс. умерших. Иностранцы гости столицы описывали, как с началом лета немногие выжившие обессиленные москвичи выползали на лужайки и щипали появившуюся траву.

Куда более страшная беда пришла в Москву в 1654 году. Управлявший Москвой князь Михаил Пронский писал в челобитной царю Алексею Михайловичу: «В нынешнем, в 1654 году, после Симеонова дня моровое поветрие умножилось, день от дня больше прибывает; уже в Москве и слободах православных христиан малая часть остаетца, а стрельцов от шести приказов ни один приказ не остался, из тех достальных многие лежат больные, а иные разбежались, и на караулах от них быть некому... и погребают без священников, и мертвых тела в граде и за градом лежат, псы влачими; а в убогие дома возят мертвых, и ям накопать некому; ярыжные земские извоцики, которые в убогих домех ямы копали и мертвых возили, и от того сами померли, а достальные, великий государь, всяких чинов люди... ужаснулись и за тем к мертвым

приступить опасаются; а приказы, великий государь, все заперты, дьяки подьячие все померли, и домишки наши пустые учинились. Люди же померли мало не все, а мы, холопы твои, тоже ожидаем себе смертоносного посещения с часу на час, и без твоего, великий государь, указа по переменкам с Москвы в подмосковные деревнюшки ради тяжелого духа, чтобы всем не помереть, съезжать не смеем, и о том, государь, вели нам свой указ учинить».

Ответа на челобитную Пронский прочесть не успел, став жертвой эпидемии. Безуспешными были и попытки ввести вокруг Москвы карантин. В описании путешествия Антио-хийского патриарха Макария говорилось: «Царь послал сначала 600 стрельцов с их агой (для охраны ворот), и все они умерли; вторично послал других, и эти также умерли, в третий раз послал, и с этими случилось то же, ибо всякий, кто входил в столицу, тотчас падал мертвым». О Москве после мора тот же источник свидетельствовал: «Прежде битком набитая народом, сделалась безлюдной... Собаки и свиньи пожирали мертвых и бесились, и потому никто не осмеливался ходить в одиночку, ибо если бывало, что одолеют одинокого прохожего, то загрызают его до смерти».

Посланные после мора дьяки и подьячие обнаружили огромную убыль в людях. К примеру, в московской усадьбе князя Трубецкого из 278 дворовых умерли 270. А всего умерших в Москве насчитывали от 300 тыс. до 500 тыс. человек. Но и это было далеко не все. Бежавшие из Москвы стрельцы разнесли заразу по всей Руси, сделав мор всеобщим и повальным. Только в Коломне умерло 10 тыс. человек. Позднее исследователи подсчитали, что население Руси уменьшилось вдвое.

Возможно, эпидемия 1654 года была самой опустошительной в русской истории, и московский мор, начавшийся столетие спустя, в 1771 году, не мог сравниться с ней по масштабам. Однако случился он уже в просвещенный и галантный век правления Екатерины II и поэтому воспринимался как самый трагический эпизод в длинной череде российских эпидемий.

В 1770 году чуму в Российскую империю, как водится, завезли солдаты. Вернее, началось все с эпидемии в Турции, с которой воевала Российская империя. Из Стамбула инфекция попала в Молдавию и Валахию, где шли бои, и от пленных и трофеев стала

распространяться среди солдат и офицеров русской армии. Командование упорно не желало признавать, что в передовой части армии вспыхнула настоящая эпидемия, и упорствовало в том, что имеет место обыкновенная горячка из-за плохого климата в тех местах. Никаких карантинных мер не принималось, и потому один из офицеров в 1771 году безо всяких препятствий в сопровождении денщика и трех солдат отправился в Москву. По дороге денщик и один из солдат умерли, но и это списали на пресловутую горячку. А добравшись до Москвы, офицер разрешил своим провожатым поселиться у бывшего однополчанина-сержанта, командовавшего служителями в военном госпитале. Исход истории нетрудно было предугадать. Солдаты умерли, как умерли 22 из 27 жильцов флигеля, где квартировал сержант. И вновь военное начальство предпочло скрыть происшествие, вновь списав все на горячку. Когда смерти обнаружили управители города, в рядах призванных ими врачей тоже не было согласия, и пока шли споры, время было упущено.

Как оказалось, на суконной фабрике, где работали и москвичи, и отпущенные помещиками на оброк крестьяне, уже давно мрут люди, которых владельцы мануфактуры хоронят тайно по ночам. Пока решали, что делать, пока закрывали фабрику, часть рабочих, живших там же, разбежалась. А москвичи разошлись по домам. Ко всем прочим бедам к фабрике не поставили караул, и оставшиеся там ткачи свободно разгуливали по Москве, разнося заразу. Дальнейшему распространению инфекции способствовало, мягко говоря, антисанитарное состояние города и его обитателей.

«В наше время, – писал в 1911 году В. Нечаев, – мало кого удовлетворяют московские санитарные условия, но современный москвич, наверное, стал бы гордиться ими, если бы ему удалось увидеть свой родной город таким, каким он был в XVIII столетии. Чтобы составить себе приблизительное представление о тогдашней Москве, надо вообразить очень большую великорусскую деревню, вернее, целый комплекс таких деревень. Все особенности деревенского быта повторялись в Москве в крупном масштабе. Грязь на площадях и городских проездах была невероятная. И обыватели, и местное начальство так привыкли к ней, что совершенно равнодушно смотрели на ее накопление, но иногда петербургские власти, наезжавшие вместе с двором в древнюю столицу, возвращали чуткость обонянию и

остроту зрению московской администрации, и тогда пред нею открывались поразительные картины: груды помета и всякого скаредства в заброшенных лавках в самых бойких частях города, свалки нечистот внутри сгоревших домов, кучи всяких отбросов на кремлевской площади подле самого дворца и соборов. Когда начиналась оттепель, человек, одаренный петербургским обонянием, не решался выходить на улицу из-за „бальзамового духа“, разливавшегося всюду. В самом центре города, на месте Театральной площади, красовались овраги, превращенные в места свалок. Речка Неглинная почти на всем своем протяжении в черте Москвы представляла из себя сплошную клоаку, и берега ее под стенами Кремля были навалены нечистотами.

Та же грязь царила и в жилищах. Санитарное благоустройство было одинаково чуждо и убогим избам городской мелкоты, и барским хоромам, возвышавшимся посередь обширных дворов, наполненных нечистотами. Эти пышные с виду особняки с примыкавшими к ним разными службами, набитыми многочисленною дворней, составляли целые усадьбы вполне деревенского склада, настоящие деревенские оазисы... Московские жилищные условия вообще, по мнению врачей, сыграли видную роль в быстром распространении язвы...

«Непрямые», то есть не заслуживающие названия человеческого жилья, жилища отражали в себе культурный уровень громадного большинства городского населения. Если и в наше время в составе его на первом месте по численности стоит пришлое крестьянство, то преобладание деревенского элемента в Москве XVIII столетия было еще заметнее. Коренные москвичи составляли незначительное меньшинство в московских слободах и посаде, наполненных крестьянами, пришедшими из деревень на заработки. Что представлял из себя русский крестьянин того времени в культурном отношении – об этом нет надобности распространяться. Безграмотный, выросший в среде, куда не проникала не только общечеловеческая культура, но и христианская религия, раб государства и раб помещика, в большинстве случаев тоже совсем не тронутого цивилизацией, он был подлинным дикарем. Но немногим разнился от него и московский туземец – ремесленник или средней руки купец. Персонажи Островского и Горбунова, происходящие по прямой линии от посадских людей и слобожан XVIII века, сохранили фамильные черты, несомненно, в

несколько смягченном виде: постоянное полицейское воздействие все-таки сгладило шероховатости этих примитивных натур, ввело их, по крайней мере до известной степени, в рамки городского общежития. Деды героев «темного царства» стояли гораздо ближе к крестьянству, с которым они были связаны и происхождением, и общностью бытового уклада. Верные заветам старины, они обходились без школьного учения, чуждались всяких культурных новшеств и пробавлялись исключительно самобытной мудростью предков».

В таких условиях эпидемия не могла не принять грандиозного размаха. Были дни, когда в Москве умирало по 500-700 человек, хоронить которых было некому. Поэтому власти пошли на нетрадиционную меру: отправили на уборку трупов из домов и с улиц осужденных преступников, которых стали именовать «мортусами».

«Ежедневно, – вспоминал очевидец Подшивалов, – тысячами фурманчики в масках и воцеленных плащах (воплощенные дьяволы) длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие подымали на улице, клали на телегу и везли за город, а не в церковь, где оные прежде похоронялись. У кого рука в колесе, у кого нога, у кого голова через край висит и, обезображенная, безобразно мотается. Человек по двадцати разом взваливали на телегу».

Ходили слухи, что «мортусы» вместе с мертвыми вытаскивают и грузят еще живых, а еще грабят опустевшие дома. Правда, грабежей хватало и без них. Московские обыватели дружно наваливались на оставшиеся бесхозными лавки, особенно со съестным, которого во взятом в карантин городе становилось все меньше. Ко всему прочему на улицах горели костры с можжевельником, дым которого, как считалось, защищал от болезни.

Тяжелое настроение горожан не могло не вылиться в серьезные эксцессы, чем не преминула воспользоваться часть духовенства, прежде всего священники, не имевшие постоянных мест в церквях, так называемые безместные попы. Это была особая духовная каста, неплохо зарабатывавшая службами в домовых церквях богатых господ и солидных учреждений, с которой боролся митрополит Московский Амвросий. Не жаловали Амвросия и другие священнослужители за то, что он на время эпидемии запретил крестные ходы и иные службы, способствующие еще большему распространению заразы. Последней каплей стало решение митрополита о закрытии доступа к церкви у

Варварских ворот, куда ринулся народ ставить свечи к иконе Богоматери во избавление от болезненной напасти.

Подзуженные безместными попами, верующие бросились искать митрополита и, не найдя его в Кремле, разгромили его покои. Амвросия разыскали на следующий день в Донском монастыре и забили кольями и ногами до смерти, а его труп оставался лежать у стен монастыря еще два дня, поскольку монахи опасались разъяренных верующих. Для подавления бунта, когда толпа вновь двинулась в Кремль, оказалось достаточно одного выстрела картечью из небольшой пушки. На чем, собственно, московский чумной бунт и завершился.

Лишь после этого на эпидемию обратила самое серьезное внимание императрица, до тех пор требовавшая лишь поддерживать в москвичах бодрость духа. Она отправила в Москву своего фаворита графа Григория Орлова с чрезвычайными полномочиями и крупными средствами, которые тот правильно пустил в дело. Он скупил залежавшиеся товары московских ремесленников, а здоровым москвичам предложил за плату выйти на общественные работы – укреплять Камер-Коллежский вал и ров возле него. Тем, кто, выздоровев, выходил из больницы, была назначена плата. Так что горожане охотнее стали обращаться к врачам. В итоге в 1772 году последняя крупная эпидемия чумы в России сошла на нет, хотя карантин вокруг Москвы продолжали держать до конца года. Потом долго спорили о числе жертв и решили, что скончалось около 100 тыс. москвичей, не считая жителей окрестных сел. Одно из таких сел, Пушкино, к примеру, вымерло полностью, после того как один из его жителей привез в подарок жене кокошник, принадлежавший умершей от чумы женщине.

Однако самое любопытное заключалось в том, что все последующие эпидемии в Российской империи отличались от московской только возбудителем и масштабом. Все та же грязь способствовала широкому распространению холеры и иных напастей, а толпа неизменно искала виновных и пыталась убивать то докторов, то неких поляков-отравителей или иных людей, признанных воспаленными умами ответственными за людское горе.

Кирилл Новиков

Академия мертвых наук

Обычно люди забывают науки после окончания вуза, в котором они изучались. Но бывает и так, что ту или иную науку забывает не один человек, а сразу все человечество. При этом далеко не всегда забывению подвергается дисциплина, не приносящая никакой практической пользы. Наоборот, порой люди предпочитают забывать как раз те науки, которые слишком хорошо служат финансовым интересам тех, кто их изучает.

«Всемирно известный осмолог» Ганс Лаубе у своей машины для создания «кинозапахов»

Лицевой счетчик

Научный прогресс, как известно, порой идет довольно извилистым путем. Бывает так, что немало денег и интеллектуальной энергии тратится на бесперспективное направление, или, наоборот, здравая идея после таких же немалых вложений незаслуженно перестает разрабатываться. Иногда забытыми оказываются не только теории, изобретения или отдельные открытия, но даже целые научные дисциплины, которые в эпоху своего расцвета были далеко не бесполезны и ни в коем случае не заслуживали обидного клейма «лженаука». Причина же, погубившая эти дисциплины, как правило, одна и та же – деньги. Случалось, что перспективную науку переставали финансировать из-за того, что рядом возникала другая, более перспективная. Случалось и так, что научная дисциплина сама превращалась в бизнес, а ее адепты опускались до уровня обыкновенных шарлатанов. Бывало и так, что науке перекрывали кислород по чисто политическим соображениям.

Одна из самых древних наук, которой было суждено забвение, – физиогномика, наука о распознавании особенностей характера человека по его внешнему виду. Первыми о возможности читать по человеческому лицу задумались древние греки, хотя их подход не всегда отличался научной строгостью. Гиппократ, опираясь на свой богатый врачебный опыт, вполне справедливо считал, что по лицу пациента можно поставить диагноз, а вот Аристотель выдумывал внешние признаки пороков и добродетелей совершенно произвольно. Так, Аристотель был убежден, что человек с толстым носом имеет животные наклонности, потому что именно такой нос можно обнаружить у быка, а человек с тонкими волосами непременно окажется трусом, потому что у зайца волос тонок. Подобными фантазиями увлекались и в Средние века. В частности, знаменитый алхимик XIII века Альберт Великий отмечал: «Те, у кого волосы кудрявые, жесткие и несколько приподнявшиеся ото лба, обыкновенно глупы, бессовестны, злонамеренны, мстительны, но обладают большими способностями к музыке». Все это, разумеется, не имело отношения к науке. Звездный час физиогномики пробил позже – в конце XVIII века, что было связано с деятельностью швейцарского

пастора, поэта и ученого Иоганна Каспара Лафатера, проживавшего в Цюрихе.

Однажды еще в юные годы Лафатер, находясь в гостях у своего приятеля, увидел в окно прохожего, который привлек его внимание своей внешностью. Лафатер тут же сообщил другу, что по улице идет тщеславный и завистливый человек с наклонностями мелкого тирана, у которого лицемерие сочетается с искренним стремлением к прекрасному и вечным ценностям. Хозяин дома, который, как оказалось, был знаком с прохожим, полностью подтвердил характеристику, данную Лафатером. С тех пор молодой человек уверовал в свою способность проникать в человеческие души. Вскоре, став священником, Лафатер получил богатый материал для анализа, ведь теперь он по долгу службы должен был вникать в чужие тайны, а значит, имел возможность сравнивать свои физиогномические догадки с реальным положением дел.

Со временем Лафатер начал делиться своими наблюдениями с окружающими и вскоре приобрел славу человека, способного дать исчерпывающую характеристику любому незнакомцу. Его авторитет особенно возрос после того, как однажды ему удалось изобличить сексуального маньяка. Дело было так. В Цюрих пожаловал молодой аббат, который быстро расположил к себе большинство горожан. Лафатер был чуть ли не единственным человеком, который выражал сомнения по поводу достоинств приезжего. Пастору виделись в лице аббата признаки ужасных пороков, и вскоре его правота подтвердилась. Аббат, как выяснилось, похищал юношей, насиловал, истязал и убивал, предварительно отрезав и съев их гениталии. В другой раз некий граф привез к Лафатеру на физиогномическое освидетельствование свою молодую жену. Ученый посчитал, что графиня имеет развратные наклонности, и вновь попал в точку. Дама вскорости согрешила, была с позором изгнана из замка и окончила свои дни в борделе.

Слава Лафатера стала греметь по всей Европе, к нему на консультации съезжались аристократы и лучшие умы того времени, включая Николая Карамзина, который был его восторженным поклонником. Отметим его заслуги и Екатерина II, пославшая физиогномисту драгоценную бутылку из императорских винных погребов. К чести Лафатера следует отметить, что слава и деньги,

свалившиеся на него, не повредили его скромности, чего не скажешь о его многочисленных подражателях-шарлатанах, которые тоже принаоровились выносить свои физиогномические вердикты за соответствующее вознаграждение.

Лафатер стремился найти объяснение своей интуиции и создать вполне научную классификацию особенностей человеческого лица, но труд свой окончить не успел из-за войны, охватившей Европу. Когда в 1800 году в Цюрих вошли французские войска, Лафатер попытался вразумить мародеров, но был ранен французским солдатом и, промучившись год, умер.

После смерти Лафатера физиогномика надолго превратилась из зарождающейся науки в салонное развлечение. К тому же в первой половине XIX века физиогномику стала активно вытеснять френология, о которой будет сказано ниже, поскольку френология выглядела более точной наукой и, казалось, давала более обоснованные результаты. Ситуация стала меняться в конце XIX столетия благодаря деятельности знаменитого итальянского психиатра и криминалиста Чезаре Ломброзо, который внес немалый вклад как в психологию, так и в судебную медицину. О достижениях Ломброзо говорит уже то, что именно он соорудил первый детектор лжи. Ученый измерял пульс подозреваемого в убийстве девочки, показывая ему фотографии раненых и убитых детей. Среди фотографий было изображение убитой, но пульс арестанта не стал чаще, из чего Ломброзо заключил, что подозреваемый невиновен. Следствие подтвердило его правоту.

С именем Ломброзо связан ренессанс физиогномики, которая на этот раз была подкреплена систематическими наблюдениями. Материала для анализа у Ломброзо было более чем достаточно, поскольку он много лет был директором клиники для душевнобольных, а также регулярно участвовал в психиатрическом освидетельствовании преступников. Как и многие его современники, ученый верил в прогресс и считал, что человечество в процессе эволюции изживает преступные наклонности, заложенные в животной природе человека. Из этого следовало, что человек развитый и цивилизованный не может быть преступником, в то время как дегенерат, представляющий собой шаг назад в развитии человека, таковым почти наверняка станет. Признаки вырождения, по мнению

Ломброзо, неизбежно должны отражаться во внешности, о чем будут свидетельствовать «стигматы» (метки), то есть черты лица или фигуры, которые выдадут преступную личность. Среди «стигматов» фигурировали высокие надбровные дуги, сплюснутые носы, низкие лбы, высокие скулы, взгляд исподлобья и прочие черты, присущие, по мнению ученого, представителям первобытного человечества и животного мира. Не обошлось и без расовых предрассудков, поскольку, по словам Ломброзо, «лишь белому человеку удалось достичь абсолютной симметрии телесных форм». Итальянец предлагал предотвращать преступления путем превентивной изоляции людей с внушающими опасения чертами лица, что многим импонировало, а многих приводило в ужас.

Однако победного шествия возрожденной физиогномики не случилось, и причин тому было несколько. Во-первых, выводы Ломброзо были слишком радикальны и имели явную политическую направленность, что почти никого не устраивало. Левым не нравилось, что преступные «стигматы» легко обнаруживались у многих представителей трудового народа; носителям голубой крови не нравилось, что на многих аристократических лицах можно было без труда найти признаки вырождения; христиан возмущала попытка судить людей не по делам их, а по внешности, а судьи были против планов Ломброзо заменить их профессиональными врачами. Других же вариантов практического применения этой науки Ломброзо и его последователи не предлагали. Во-вторых, ученое сообщество находило в учении Ломброзо много нестыковок. Например, ярко выраженные надбровные дуги главной научной иконы XIX века – Чарльза Дарвина – должны были бы свидетельствовать о преступных наклонностях, которые так и не проявились. Словом, физиогномика вновь не смогла выйти на уровень доказательной науки, поскольку добиться грантов на проведение исследований в этой области оказалось практически невозможно. Многие наработки физиогномистов все же не пропали даром, поскольку умение определять недуг по внешнему виду больного стало составной частью профессии врача, а учение о преступных типах внешности вошло в психиатрию и криминальную антропологию.

Черепно-мозговая драма

Похожая судьба ждала и другую дисциплину – френологию, которая занималась примерно тем же, чем физиогномика, но другими средствами. Если физиогномисты надеялись прочесть тайны души, исследуя форму ушей или направление складок у уголков губ, то френологи полагали, что характер и судьба человека predeterminedены формой его черепной коробки.

Френология как наука возникла в годы, когда по Европе гремела слава Лафатера. В последнее десятилетие XVIII века в Венском университете большую популярность приобрел врач и анатом Франц Йозеф Галль, выступавший с лекциями о том, что центром всей психической деятельности человека является головной мозг. В те времена, когда многие полагали, что высшие движения души берут начало в сердце, а дурное настроение вырабатывается где-то в районе селезенки, идеи Галля казались весьма новаторскими. Более того, Галль справедливо заметил, что люди, у которых поражены одни и те же участки мозга, испытывают одни и те же проблемы со здоровьем. Галль установил, что в мозгу находятся центры, которые отвечают за такие функции организма, как речь, зрение, ориентация в пространстве, память и т. п., и сделал из этого вывод, что в мозгу также должны находиться центры, отвечающие за честность, преданность, способность любить и верить в Бога. Кроме того, доктор был убежден: форма черепа отражает, насколько развит тот или иной участок мозга, а значит, по форме головы человека можно судить о его достоинствах и тайных пороках. Свое учение врач нарек краниологией, то есть наукой о черепахах. Таким образом, на основе весьма верных наблюдений Галль делал далекоидущие и труднодоказуемые выводы, однако это его не смущало. Сам он и его верный ученик Иоганн Шпруцхайм фанатично верили в собственную правоту.

Однако далеко не все разделяли их веру. Популярность Галля стала беспокоить венское духовенство, которое обнаружило, что краниология противоречит учению церкви. В 1801 году австрийский император Франц I запретил лекции Галля за пропаганду материализма и фатализма, и ученому пришлось оставить Австрию.

Но изгнание принесло Галлю общеевропейскую славу и немалые гонорары за лекции, которые он теперь читал по всем университетам Германии. «Эдинбургский медицинский и хирургический журнал» писал в 1806 году о его выступлениях: «Краниология доктора Галля была любимой темой немецких литераторов все лето 1805 года почти в каждом университете и столице Северной Германии... В начале прошлой весны доктор посетил Берлин... Король, королева, принцы и принцессы весьма заинтересовались его открытием». Более того, прусский король разрешил Галлю читать лекции для королевской фамилии, а его супруга лично присутствовала при анатомическом рассечении человеческого мозга. Гонорары Галля после этого, естественно, взлетели до небес, что не могло не обеспокоить его конкурентов.

Больше всех взволновался берлинский врач Иоганн Готлиб Вальтер, который сам претендовал на роль главного прусского медицинского светила. Он начал шумную кампанию против краниологии и немало преуспел. Вальтер с возмущением описывал походы Галля в прусские тюрьмы, где тот с соизволения властей проводил эксперименты над заключенными: «С большой легкостью Галль отличал более опасных воров от менее опасных... Особенная склонность к воровству была обнаружена у заключенного Колумбуса, а также у большинства малолетних преступников, которых Галль посоветовал оставить в тюрьме пожизненно, поскольку они „никогда ни на что не сгодятся“... Какой же человек, наделенный чувствами, моралью и верой, прочтет это без содрогания? Фанатик советует навечно заточить ребенка, который украл лишь раз, но якобы имеет воображаемый орган воровства!» Далее следовали уже знакомые Галлю обвинения в оскорблении христианской веры. Так быстрый финансовый успех краниолога сыграл злую шутку с самой наукой.

Под давлением подобной критики Галлю пришлось покинуть Пруссию и обосноваться в Париже, но и тут ему жилось не слишком сладко, поскольку он успел несколько раз высказаться по поводу недостаточной вместительности черепной коробки Наполеона. К тому же Галль утверждал, что строение черепа императора французов свидетельствует о том, что Бонапарт лишен склонности к философии, что было абсолютной правдой, но при этом звучало весьма оскорбительно. В результате Наполеон настоял на том, чтобы Галлю

запретили выступать с лекциями в государственных учебных заведениях Парижа. И все же Галль остался в Париже навсегда, чтобы развивать свое учение. Исследователь выделил 27 зон черепа, по которым можно было судить о личности человека, включая зоны, ответственные за дружелюбие, осторожность, восприятие музыки, оптимистичное мироощущение и т. п. Галль скончался в 1828 году, и его собственный череп стал последним пополнением собранной им гигантской коллекции черепов.

И все же его ученик Шпруцхайм сумел добиться еще большего успеха. Он ввел термин «френология», увеличил число черепных зон до 37, а также сочинил новую версию возникновения этой дисциплины, по которой у истоков науки о черепах стоял не только Галль, но и он сам. Кроме того, Шпруцхайм был прирожденным популяризатором. Сложные построения учителя он свел к довольно простой схеме, уместив всю френологическую премудрость в один наглядный рисунок, на котором голова человека была расчерчена на разновеликие геометрические фигуры, символизирующие зоны человеческого мозга. С этой картинкой Шпруцхайм путешествовал по Великобритании и США, где выступал с платными лекциями. Ему удалось сделать френологию весьма популярной по обе стороны океана, причем наука эта быстро приобрела чисто коммерческую направленность. В первой половине XIX века в Англии и США возникло сообщество коммерческих френологов, которые консультировали работодателей при приеме на работу новых сотрудников, оценивали честность деловых партнеров, советовали, заключать или не заключать брак с интересующим лицом, и т. п. Были и такие, кто брался ставить диагноз по форме шишечек на затылке и лечить выявленные таким образом болезни. Появились даже уличные френологи, которые усаживались на площадях возле плакатов с «мозговой картой» Шпруцхайма и за небольшую плату обследовали голову любого желающего. С легкой руки Шпруцхайма френология превратилась в прибыльный бизнес, пик которого пришелся на 1820-е – начало 1860-х годов. Появилась даже настоящая френологическая империя, основанная братьями Орсоном и Лоренцо Фаулерами. В 1836 году Лоренцо открыл свое «Френологическое заведение» в Нью-Йорке, а в 1838 году Орсон открыл аналогичную контору в Филадельфии. Братья начали издавать «Американский

френологический журнал», который вскоре имел порядка 20 тыс. подписчиков, а также печатали френологическую литературу, которая прекрасно раскупалась, и организовывали лекции по всей стране. Бизнес приносил немалый доход. По крайней мере Орсон смог в старости взять в аренду 5 тыс. акров земли, хотя братья происходили из небогатой фермерской семьи.

Между тем ученое сообщество смотрело на френологов со все большим подозрением. Превратившись в машину для зарабатывания денег, френология перестала развиваться как наука и стала прибежищем для всевозможных шарлатанов и самозванцев вроде Фаулеров. Проблемы, которые когда-то были обозначены френологией, перехватывали физиологи, психологи и другие специалисты, которые реально изучали мозг и нервную систему, а не определяли характер по шишечкам на лбу. Вскоре со стороны ученых на френологию посыпались обвинения в шарлатанстве, а со стороны священников – в бесовщине, и в 1860-х годах популярность науки о черепах пошла на убыль. Впрочем, были еще некоторые всплески френологической активности. Так, в 1862 году основатель Британского антропологического института Джон Беддоэ, сличив черепа представителей разных народов, составил так называемый индекс негритянства. В его классификации в разряд низших человеческих существ попадали негры, а высших – англичане. Примечательно, что ирландцы, с которыми у англичан складывались непростые отношения, были отнесены к ярко выраженным «африканоидам».

Некоторое оживление в рядах френологов было связано с деятельностью все того же Чезаре Ломброзо, но статус уважаемой дисциплины френология уже не могла вернуть, если не считать ее ренессанса в гитлеровской Германии, где обмер черепов был возведен в ранг государственной политики. Именно из-за своей связи с нацистами после 1945 года френология окончательно маргинализировалась. Вместе с тем, как и в случае с физиогномикой, рациональное зерно этой дисциплины было сохранено. Так, наука под названием «краниология» существует до сих пор. Правда, изучает она не взаимосвязь между строением черепа и личными достоинствами его обладателя, а закономерности эволюции черепов животных, человека и его доисторических предков. Судмедэкспертиза без

краниологии тоже обычно не обходится, равно как и модное ныне восстановление облика древних людей по методу Герасимова.

Забывтые запахи

Множество научных дисциплин, будучи широко разрекламированными, впоследствии стали уделом маргиналов. Помимо френологии и физиогномики в этом печальном списке находятся и хирология, которая на поверку оказалась слегка подновленной хиромантией, и евгеника, объявленная чуть ли не измышлением фашистов, и педология, которая, взявшись изучать детей, так и не смогла объяснить, чем она может быть им полезной.

Одной из самых многообещающих наук в свое время считали осмологию – науку о запахах. Объяснялось это тем, что роль запахов в жизни человека переоценивалась; по крайней мере, большинство ученых середины XIX века были убеждены: эпидемии случаются исключительно из-за того, что в городах плохо пахнет. Следовательно, нужно было вести научные разработки в двух направлениях: с одной стороны, искать защиту от болезнетворной вони, а с другой – придумать такие запахи, которые имели бы целительную силу. Эти задачи и должна была решить осмология. Однако вскоре выяснилось, что причиной болезней являются микробы, а вонь всего лишь следствие дурной санитарии, при которой эти микробы активно размножаются. Поэтому осмология в том виде, в каком она была задумана, не состоялась. Однако, несмотря на отсутствие самой дисциплины, люди, решившие назвать себя осмологами, все же нашлись.

Первые осмологи появились еще в конце XIX века, хотя ни один университет мира не готовил специалистов в этой области. В действительности это были обычные парфюмеры, которые в целях саморекламы объявляли себя учеными. Но много позднее, в середине XX века, об осмологии вновь заговорили благодаря деятельности швейцарского инженера Ганса Лаубе, который провозгласил себя «всемирно известным осмологом». В конце 1930-х годов Лаубе изобрел аппарат, позволявший быстро проветривать большие аудитории, и сумел продать некоторое их количество. После своего первого успеха изобретатель решил создать устройство с обратным эффектом, которое позволяло бы закачивать в помещение нужные запахи. В 1940 году во время Всемирной ярмарки в Нью-Йорке Лаубе

продемонстрировал публике свою «аромадраму» – 35-минутный фильм, сопровождавшийся обонятельными эффектами. Лаубе прикрепил к каждому креслу в кинозале трубки, через которые закачивались ароматические вещества, передававшие зрителям запахи розы, персиков, свежего сена и т. п. При этом система вентиляции отвечала за то, чтобы запах выветривался к тому моменту, когда будет пущен новый. Идея американцам понравилась, и одна из газет писала, что машина Лаубе «создает ароматы так же быстро и легко, как звукозапись воспроизводит звуки». В сущности, в изобретении Лаубе не было ничего осмологического, поскольку запахи синтезировались вполне обыкновенные, а вовсе не исцеляющие. Агрегат изобретателя тоже не представлял собой ничего революционного. Это был барабан с банками, содержащими благовония. Всякий раз, когда нужно было выпустить очередной аромат, банка прокалывалась специальной иглой.

В то же время идея Лаубе долго оставалась не востребовавшей. Лишь через 20 лет вышел в прокат фильм «Запах тайны», снятый продюсером Майком Тоддом-младшим в содружестве с Лаубе. Кинотеатры были оборудованы улучшенной «осмологической» машинерией, которая стоила продюсеру немалых денег. Реклама «аромавидения» также обошлась недешево. Итогом был полный кассовый провал: фильм был посредственным, а запахи больше мешали дышать, чем помогали смотреть. Карьера «всемирно известного осмолога» после этого подошла к концу, а осмология так и не пробилась себе путь в серьезные научные дисциплины. И вновь причиной забвения науки оказались деньги, а точнее, невозможность найти осмологии применение, которое бы их приносило.

Люди, называющие себя осмологами, есть и сейчас, но это либо специалисты по ароматизации офисного воздуха, либо сотрудники парфюмерных фирм, либо простые шарлатаны, обещающие исцелить от всех болезней с помощью приятного запаха. Хотя осмология не стала наукой, ее судьба, в сущности, похожа на судьбу френологии и физиогномики, поскольку идеи, заложенные в ней, продолжают жить под другими «вывесками». Просто химики, синтезирующие ароматизаторы, предпочитают изучать вещество, а не то, как оно пахнет.

В истории были и случаи, когда перспективные научные направления забывались по чистой случайности, а потом о них вновь

вспоминали. Так случилось с генетикой. Статью Грегора Менделя, заложившего основы науки о наследственности, просто никто не заметил, а монаху-доминиканцу, каковым был Мендель, не пристало заниматься саморекламой. Хотя труд монаха был опубликован в 1856 году, законами наследственности заинтересовались только в 1902-м, когда англичанин Арчибальд Гаррод привлек внимание к этой теме.

Современный мир, как и прежде, время от времени становится свидетелем появления «научных дисциплин», которые явно обречены на забвение со дня своего рождения. Чего только стоят калиология – наука о птичьих гнездах; афнология – наука о богатстве; пиргология, изучающая башни; филематология, исследующая поцелуи; гелотология, на полном серьезе анализирующая смех. Каждая из подобных «дисциплин» берется за исследование микроскопической проблемы, которая не может быть изучена без связи с другими. Так, вряд ли кому-то удастся изучить богатство без экономики и социологии, а птичьи гнезда – без орнитологии, которая занимается теми, кто эти гнезда строит. И все же для многих соблазн создать собственную науку, где не было бы светил и корифеев, кроме них самих, оказывается непреодолимым. Многих также, очевидно, прельщает надежда стать наконец-то свободным от критики коллег, ведь вряд ли кто-нибудь станет тратить время на разбор опусов, посвященных общей теории поцелуев. Остается лишь надеяться, что деньги, как всегда, скажут свое веское слово и эти «науки» будут преданы полному и окончательному забвению.

Кирилл Новиков

Технологический надрыв

85 лет назад чешский писатель и драматург Карел Чапек написал пьесу «Рур – Россумские универсальные роботы», после чего весь мир выучил слово «робот» и привык думать, что разумные машины со временем станут верными друзьями или заклятыми врагами человека. Однако, несмотря на триумфальные успехи кибернетики и компьютерной техники, автономные мыслящие машины до сих пор не созданы. Впрочем, это далеко не единственная научно-техническая революция, которая пока не свершилась, проигнорировав все обещания ученых, фантастов и футурологов.

Человечество до сих пор не дождалось появления хоть сколько-нибудь разумных роботов

Дефект разорвавшейся бомбы

XX век видел достаточно революций в сфере науки и технологий, которые мало кто был в состоянии предвидеть. Разочарований тоже хватало: многие идеи, которые, казалось, вот-вот будут воплощены и кардинальным образом изменят жизнь на планете, остались на бумаге; многообещающие проекты либо неожиданно сворачивались, либо их реализация откладывалась на неопределенный срок. Так, человечество до сих пор не дождалось появления хоть сколько-нибудь разумных роботов, колонизации Солнечной системы, а также существенного продления жизни, победы над болезнями и ликвидации голода.

Во всех случаях, когда долгожданная технологическая революция так и не происходила или проваливалась, события развивались примерно одинаково. Сначала публику знакомили с заманчивой идеей всевозможные фантасты, футурологи и мечтатели от науки, а затем, когда мечта одиночек приобретала характер социального заказа, оказывалось, что развитие технологий не соответствует уровню поставленной задачи. К тому же обычно выяснялось, что и сама задача поставлена согласно представлениям вчерашнего или даже позавчерашнего дня, а потому ее либо вообще не следует решать, либо, прежде чем решать, следует еще раз все хорошенько обдумать. Когда же уровень развития технологий был более или менее подходящим для реализации идеи, оказывалось, что общество уже не жаждет когда-то желанных новшеств или относится к ним и вовсе отрицательно, поскольку на горизонте маячит новая технологическая мечта.

Первым несостоявшимся техническим прорывом XX века стали управляемые летательные аппараты легче воздуха – дирижабли. Они появились еще в XIX веке, однако расцвет их пришелся на первую треть следующего столетия. Сама идея дирижабля была вполне архаична, поскольку даже самый совершенный аппарат, по сути, напоминал воздушный шар; разница была в том, чем его наполняли, да еще в наличии мотора. Однако ни публику, ни специалистов это не смущало, и дирижабль прочили большое будущее. Особенно многого ожидали от него советские специалисты: дирижабль представлялся им идеальным транспортным средством для огромной страны, традиционно отличающейся бездорожьем. В 1931 году инженер

Канищев писал: «СССР характеризуется обширностью своей территории и крайне слабым развитием путей сообщения... Отсюда очевидно, что нам особенно нужны грузоподъемные воздушные аппараты с большим радиусом действия, способные безостановочным перелетом покрывать расстояния в тысячи километров... Массовое внедрение перевозок на дирижаблях в различные отрасли народного хозяйства, несомненно, явится новым крупным революционизирующим фактором социалистической экономики». К тому же предполагалось, что СССР может быстро стать главной дирижаблестроительной державой, поскольку в мире таких аппаратов строили не так уж много. «В данной области, – писал Канищев, – нам догонять и перегонять некого».

Впрочем, в других странах на эти воздушные корабли тоже возлагались немалые надежды. В Германии и Великобритании в 1920-е и 1930-е годы строились гигантские дирижабли с начинкой под стать роскошным океанским лайнерам, а в США фирма GoodYear получила заказ на изготовление дирижаблей для нужд ВМС; ей удалось убедить правительство в том, что дирижабль может быть лучшим разведчиком, нежели аэроплан, стартовавший с авианосца.

Между тем применение дирижаблей так и не стало массовым ни в СССР, ни за рубежом, поскольку эти аппараты показали себя весьма капризными и ненадежными. Воздушные корабли регулярно взрывались в воздухе и у причальных мачт, горели в ангарах, теряли управление. Дело в том, что уровень тогдашних технологий явно не соответствовал масштабу задач, поставленных перед дирижабельной техникой. Так, чтобы предотвратить утечку легкого газа, корпус дирижабля обтягивался так называемым бодрюшем – оболочкой, которую делали из тонких кишок домашних животных (коров, свиней, овец и т. п.). Бодрюш был, по признанию современников, «единственным материалом для получения газонепроницаемых баллонных материй», однако этим его достоинства ограничивались, поскольку такая оболочка быстро приходила в негодность. Навигационные средства в ту пору тоже были весьма несовершенны, а моторам явно не хватало мощности. Подводил и человеческий фактор, поскольку все дирижабли тех лет фактически были экспериментальными моделями: экипажам просто не хватало опыта. Наконец, свою лепту в дискредитацию дирижабля внес

нарождавшийся международный терроризм. 6 мая 1937 года в американском Лейкхерсте у причальной мачты взорвался немецкий пассажирский дирижабль «Гинденбург», в результате чего погибли 36 человек. Причиной взрыва была бомба с часовым механизмом, которая сработала чуть раньше, чем рассчитывал злоумышленник. Член экипажа Эрих Шепель, который установил бомбу и сам погиб при взрыве, совершил теракт исключительно из идейных соображений: он был антифашистом. Однако истинная причина катастрофы долгие годы оставалась неизвестной, и трагедию списали на общее несовершенство техники.

В 1938 году в этих воздушных кораблях разочаровались и в Советском Союзе. Дирижабль В-6, который должен был перелетом из Москвы в Новосибирск открыть первую в стране дирижабельную транспортную линию, в условиях слабой видимости врезался в гору и сгорел вместе с почти всем экипажем. Результатом многочисленных аварий, которые выглядели особенно зловеще из-за того, что до их причин часто было невозможно докопаться, стал повсеместный отказ от дирижаблей накануне Второй мировой войны. В 1939 году в мире уже не было ни одного действующего дирижабля – ни пассажирского, ни грузового.

Однако на этом история дирижаблей не закончилась. В 1960-1970-е годы уровень технологий уже позволял строить экономичные и безопасные аппараты, которые не норовили взорваться при первом удобном случае. Новые синтетические материалы были значительно прочнее и надежнее бодрюша, место взрывоопасного водорода могли занять негорючие газовые смеси, а моторы уже были достаточно мощны. На Западе пионером возрождающегося дирижаблестроения вновь стала фирма GoodYear, построившая в конце 1960-х годов три дирижабля. Однако ниша воздушных перевозок уже была занята транспортной авиацией, и новым машинам осталось лишь наблюдать за погодой и служить летающим рекламным носителем. В Европе дела обстояли не лучше. В 1975 году британская компания Cargo Airship представила проект строительства дирижаблей, которые могли поднимать по 500 тонн груза и в течение 24 часов доставлять их в любую точку Европы. Однако энтузиазма идея не вызвала, и проект зачах. Не нашли поддержки и более смелые планы, предполагавшие строительство дирижаблей с атомным двигателем, а также гигантов

грузоподъемностью 3 тыс. тонн. Идея воздушного шара в век сверхзвуковой авиации казалась явным анахронизмом, к тому же авиакомпаниям относились к перспективе конкуренции с дирижаблями без всякого энтузиазма. Так или иначе, возрождение управляемых летательных аппаратов легче воздуха не состоялось.

Не состоялось оно и в СССР, где в эти же годы на страницах технических и научно-популярных журналов активно обсуждалась тема дирижаблей. В 1972 году Кишиневский политехнический институт совместно с ленинградским КБ имени К. Циолковского разработал проект дирижабля, который предполагалось использовать при монтаже блочных домов. В том же году Новосибирский институт советской кооперативной торговли предлагал решить все проблемы северного завоза путем строительства 555 дирижаблей. Утверждалось, что «они обеспечат планомерную перевозку скоропортящихся продуктов во все, даже самые отдаленные пункты Севера». Власти отреагировали на эти предложения привычным образом: создали межведомственную комиссию, которая в 1982 году пришла к выводу, что перевозка грузов на дирижаблях в три-четыре раза дороже обычной авиадоставки. Замминистра авиапрома СССР Сысцов резюмировал: «В авиационной промышленности, как в стране в целом, нет предприятий, способных разрабатывать и строить летательные аппараты легче воздуха для перевозки больших грузов». Проще говоря, параллельно развивать авиацию и дирижаблестроение было себе дороже, а потому хорошо забытое старое таковым и осталось. Идея дирижабельного транспорта оказалась несостоятельной потому, что сначала дирижабли явно обогнали свое время, а потом столь же явно от времени отстали. И подобных неудач было несколько.

Слуги Девола

Инженерная революция XIX века породила самые радужные ожидания относительно будущего человечества. Поколению, на памяти которого газовое освещение в городах сменилось электрическим, а телеграф опутал проводами всю планету, казалось, что ученым по плечу любое техногенное чудо. На повестке дня в ту пору стояла замена ручного труда машинным. Впрочем, в начале XX века, когда автомобили ездили немногим быстрее конных экипажей, а о богатстве дома можно было судить по количеству слуг, решение проблемы многие видели в создании механической копии рабочего – мыслящей машины (или робота).

Идея механического слуги почти такая же древняя, как и мечта о летучем корабле. Легенда о железном стражнике, который охранял покои регенсбургского архиепископа, появилась еще в XIII веке, а первые задокументированные попытки создать искусственного человека относятся к XVI веку, когда итальянский механик Турриано сконструировал деревянного лакея. Итальянец надеялся, что его творение поможет закупать продукты на рынке, однако деревянный человек так и не научился ходить, не падая через каждые два шага. В XVIII веке автоматы, которым по-прежнему старались придать вид человека, успешно играли на музыкальных инструментах, чем приводили в восторг европейских монархов. Однако по принципу действия эти автоматы мало отличались от музыкальных шкатулок. Когда же машина демонстрировала хотя бы малейшие признаки разумности, рано или поздно оказывалось, что все дело в обычном мошенничестве. Так, в начале XIX века австрийский барон фон Кемпелен с большой выгодой для себя демонстрировал публике необыкновенного механического турка, который не только умел играть в шахматы, но и постоянно выигрывал. Обман раскрылся, когда фон Кемпелен привез аппарат в Россию. Один из русских дворян, проиграв партию, был так раздосадован, что осыпал басурмана нюхательным табаком. В недрах «умного аппарата» раздалось чихание, и из-под кресла, на котором восседал турок, был извлечен польский шляхтич Воронский, который во время войны с Россией потерял обе ноги и был вынужден зарабатывать на жизнь своим шахматным дарованием.

Надо сказать, что в начале XX века к разного рода хитрым автоматам относились как к забавным игрушкам вроде механического пианино. Однако после Первой мировой войны, которая принесла миру немало замечательных технических новинок, многие поверили, что чудеса механики смогут избавить человека от утомительного труда. Моду на механических людей как на идею породила литература. Само слово «робот» появилось на свет в 1920 году вместе с пьесой чешского драматурга Карела Чапека «РУР – Россумские универсальные роботы». Слово «робот» происходило от слова «работа», которое в чешском языке означает то же, что и в русском, а роботы в пьесе Чапека не только облегчили труд человека, но и подняли восстание против своих создателей, которое имело полный успех. Через шесть лет после постановки «РУР» немецкий режиссер Фриц Ланг впервые вывел роботов на киноэкран. В мрачной антиутопии «Метрополис» женщина-робот Мария смущала умы невежественных рабочих и подбивала их на бессмысленный и беспощадный бунт. Зрителю роботы пришлись по душе, и вскоре сюжет об искусственных людях, которые то ли помогают человечеству, то ли стремятся его уничтожить, стал любимым для множества фантастов.

Многочисленные фильмы, книги и комиксы, повествующие о мыслящих машинах, не только сформировали социальный заказ на роботов, но и вдохновили инженеров, которым захотелось воплотить идеи, почерпнутые из научной и не очень научной фантастики. В 1956 году американские предприниматели и инженеры Джозеф Энгельбергер и Джордж Девол обсуждали за коктейлем творчество фантаста Айзека Азимова, который к тому времени сделал себе имя рассказами о роботах. Энгельбергер был полон идей, а у Девола к тому времени на руках был патент на устройство, позволяющее программировать действия автоматов. В результате в том же году Девол и Энгельбергер основали фирму Unimates, которая первой в мире начала производить промышленные манипуляторы с программным управлением. В 1961 году фирме удалось продать свое устройство General Motors, которая установила универсальный манипулятор Unimates в горячем цеху. С легкой руки Энгельбергера, который отвечал за продвижение продукции фирмы, программируемые автоматы стали называться тем же словом, что и герои Чапека и

Азимова, хотя с разумными роботами из фантастических произведений их роднила разве что способность двигаться.

У промышленных роботов было не больше интеллекта, чем у их предшественников в XVIII веке, однако даже они оказались для промышленности 1960-1970-х годов слишком сложными. В 1960-е годы США безусловно лидировали в сфере робототехники, но в 1970-е на первое место по количеству и качеству промышленных роботов вышла Япония. Одной из первых роботизированную сборочную линию запустила Toyota, что сразу дало положительный эффект. Однако вскоре выяснилось, что сложные роботы, каждый из которых мог выполнять множество операций, плохо приспособлены к периодическим сменам модельного ряда. В результате от сложных роботов отказались и их место заняли более простые машины. С другой стороны, ни одна фирма в мире в те годы просто не могла создать машину, наделенную искусственным интеллектом, поскольку самого искусственного интеллекта тогда не существовало.

Со временем, впрочем, усилия в этой области стали приносить плоды. Роботы, создаваемые в Японии, США и Великобритании, к началу 1990-х годов научились различать лица людей, двигаться, обходить препятствия, управляться с мелкими предметами вроде карандаша или кофейной чашки. Особенно преуспели японцы. Тосио Фукуда из университета в Нагое создал робота-шимпанзе, который ловко карабкался по ветвям дерева. Сигео Хиросе из Токийского технологического университета произвел на свет целый выводок роботов-змей. А одной из японских лабораторий даже удалось создать робота с внешностью Мэрилин Монро. «Кожа» робота была такой чувствительной, что, когда во время демонстраций кто-то пытался ее потрогать, Мэрилин отодвигалась в сторону и кокетливо грозила пальчиком. Однако подобные чудо-роботы до сих пор остаются лишь привлекательными игрушками. На производстве слишком умные машины совершенно не нужны, а для того, чтобы стать полноценной домашней прислугой, они пока слишком дороги и слишком несовершенны. Кроме того, жители современных мегаполисов привыкли пользоваться отдельными «умными» электронными устройствами, облегчающими жизнь, и вовсе не нуждаются в неповоротливых искусственных лакеях. Так идея мыслящей машины, способной перемещаться в пространстве, совершая те или иные

осмысленные действия, фактически повторила судьбу идеи воздушного сообщения на основе дирижаблей. Сначала, когда она была в большой степени востребована, уровень развития технологий оставлял желать лучшего, а позднее, когда с технологиями уже вроде бы все было нормально, оказалось, что идея не имеет практической ценности, и ее популярность заметно потускнела.

Вид на небожителство

В XX веке идея создания роботов могла соперничать по популярности лишь с мечтой о колонизации космоса, которой было суждено пройти все тот же путь до почти полного забвения. К тому же идея освоения далеких планет была не менее архаичной, чем проекты создания ходячего железного человека. Ее сторонникам космическая экспансия представлялась чем-то вроде покорения Дикого Запада с обязательным переселением части жителей планеты-метрополии на новые земли.

Планы возведения поселений в околоземном пространстве и на планетах Солнечной системы возникли одновременно с идеей космических полетов. Циолковский еще до революции фантазировал на тему строительства колонии на астероиде Веста. Константин Эдуардович полагал, что без помощи разумных существ, обитающих на астероиде, ничего построить не получится, однако общий план объекта был им описан весьма подробно. Циолковский писал: «Они (жители астероида) нам помогут устроиться на Весте. Они устраивают шарообразные или цилиндрические камеры, состоящие из крепких сеток-оправ с множеством прозрачных плиток-окон. В них кислород в 0,1 плотности воздуха, немного углекислого газа и паров воды. В этих камерах находятся плодовые растения с влажной почвой. Они приносят плоды, необходимые для нашего насыщения. Растения дают пищу и кислород. Наши же выделения служат для них питанием».

Другие застрельщики ракетного дела, такие как Герман Оберт и Вернер фон Браун в Германии, тоже мечтали о далеких мирах, однако, как и в случае с роботами, новые идеи смогли завоевать популярность лишь благодаря фантастам и кинематографу. Делу популяризации грядущего завоевания космоса поспособствовал упомянутый выше Фриц Ланг – тот самый, что вывел на экраны первого персонажа-робота. В 1928 году Ланг приступил к съемкам фильма «Женщина на Луне», в котором рассказывалось об экспедиции, обнаружившей на спутнике Земли огромные запасы золота. Ланг хотел придать своему фильму максимальную степень реализма, а потому пригласил в качестве консультанта энтузиаста ракетостроения Германа Оберта. В свою очередь, киностудия UFA, на которую работал Ланг,

намеревалась получить от услуг Оберта максимальный рекламный эффект и, чтобы подогреть интерес публики к фильму, потребовала от ученого в сжатые сроки построить и запустить настоящую ракету, чего не делал доселе никто. Оберт, который до того был скорее теоретиком ракетостроения, чем практиком, все же согласился совершить заказанный ему инженерный подвиг, поскольку сильно нуждался в деньгах. Закончить ракету в срок ему, естественно, не удалось, но UFA все же нашла, что показать публике. Чтобы проверить аэродинамические свойства своей будущей ракеты, Оберт сбрасывал ее модель с высокой заводской трубы, а его ассистент фотографировал полет. Рекламщики UFA заполучили негативы и смонтировали фотографию так, что ракета выглядела не падающей с трубы, а поднимающейся в небо, после чего сообщили газетам о грандиозном достижении науки и техники.

Фильм Ланга имел большой успех, а идея, что на других планетах может находиться золото или еще что не менее полезное, надолго привлекла внимание публики. Впрочем, вскоре космический энтузиазм в Германии сменился режимом строжайшей секретности, под который попали работы Оберта и его ученика Вернера фон Брауна, возглавившего все ракетные исследования в Третьем рейхе. Между тем другие планеты все чаще становились местом действия бесчисленных фантастических романов, рассказов и комиксов, которые находили своих читателей по обе стороны океана.

После Второй мировой войны увлечение космосом на Западе стало повальным, чему немало способствовал Вернер фон Браун, сумевший под конец войны перебежать к американцам. В США бывшему штурмбаннфюреру СС и создателю «Фау-1» и «Фау-2» предложили примерно ту же работу, что и в рейхе, – проектировать ракеты военного назначения. Однако фон Браун мечтал о покорении космоса, а потому решил напрямую обратиться к американской общественности. В 1952 году популярный журнал *Collier's Weekly* опубликовал серию статей под общим заголовком «Человек скоро завоеует космос». Одним из основных авторов цикла был Вернер фон Браун, который предлагал начать строить на орбите огромные космические станции с постоянным населением порядка 300 человек. Статьи в *Collier's Weekly* произвели в США настоящий фурор, породив волну всеобщего космического энтузиазма. Советский спутник,

запущенный на орбиту в 1957 году, произвел фурор еще больший, и фон Браун наконец-то смог заняться осуществлением своей мечты.

США и СССР добились за годы космической гонки немалых успехов, и многим казалось, что до создания колоний рукой подать. В 1960 году советский математик академик Сергей Соболев, воодушевленный фактом фотографирования обратной стороны Луны советской космической станцией, пророчествовал: «Лично мне кажется, что совсем скоро мы будем располагать столь точными данными о межпланетном пространстве, что путешествие по нему будет не более удивительным, чем, скажем, перелет из Ленинграда в Новосибирск». Тем большую эйфорию вызвала высадка американцев на Луну в июле 1969 года. Всего через три месяца после лунного триумфа заместитель главного администратора NASA по пилотируемым полетам доктор Джордж Мюллер, находившийся под сильным влиянием фон Брауна, заявлял, что многие аэропорты в ближайшем будущем будут использоваться как стартовые площадки для ракет, и еще предсказывал, что «к середине 1980-х годов как минимум 150 человек будут жить на орбите Земли, 25 человек поселятся на лунной орбите и 50 человек – на лунной базе», а к 1989 году на Луне и Марсе появятся постоянные колонии. Другие пророчества были еще более впечатляющими. В 1974 году профессор из Принстонского университета Джерард О'Нейл так описывал будущие внеземные поселения: «Промышленная переработка сырья и производство товаров будут недорогими, поскольку рабочие кадры будут жить в условиях комфорта и чистой окружающей среды, а дорога на работу будет занимать несколько минут. Электроэнергия будет дешевой, так как источник ее бесплатный; электростанции, вероятно, будут простой конструкции и просты в эксплуатации, а поскольку электроэнергия будет передаваться не более чем на 30 км, то обогрев за счет солнечной энергии будет безвредным для окружающей среды, полностью контролируемым и почти бесплатным. Кроме того, при необходимости можно будет пользоваться возможностями технологических процессов в невесомости и вакууме. Доставка готовых товаров потребителям будет обходиться дешево, так как благодаря космическому вакууму и невесомости все поселения будут связаны между собой беспилотными аппаратами, не имеющими двигателей. По всем этим экономическим причинам примерно через

столетие промышленное производство почти полностью исчезнет с Земли».

Однако в начале 1970-х годов правительство США резко сократило финансирование NASA, и о строительстве городов на Луне и Марсе пришлось забыть. Вернеру фон Брауну оставалось только сетовать: «Я знаю, что общественный интерес – вещь непостоянная. Сегодня они говорят: „Луна или смерть“, а завтра – „Давайте очистим реки“. На людей валится так много информации, что их приоритеты все время скачут то вперед, то назад». Советское руководство, проиграв лунную гонку, тоже потеряло интерес к освоению космических просторов, и мечты о колонизации Солнечной системы все больше стали смещаться в сферу научной фантастики.

Между тем беды энтузиастов космической экспансии не ограничивались недостаточным финансированием. Дело в том, что, как и в случае с другими неудавшимися революциями, уровень развития технологий был неадекватен решаемой задаче. Главной проблемой была низкая мощность ракетносителей, которые просто не могли доставить в космос количество грузов, необходимое для возведения и снабжения крупного внепланетного объекта. Проекты строительства космических поселений предлагались и в 1960-е, и в 1970-е, и в 1980-е годы, однако ни один из них не соответствовал технологическим возможностям своего времени. Так, в 1960 году советский ученый Юрий Арцутанов предложил построить «космический лифт» и поднимать на орбиту грузы с помощью троса, спущенного с космической платформы. Арцутанов подробно описал материал, из которого можно было бы сделать трос, однако такого материала тогда еще не существовало. В следующем десятилетии гомельский изобретатель Анатолий Юницкий предлагал опоясать экватор неким подобием гигантской железной дороги, по которой грузы разгонялись бы до первой космической скорости и, преодолев силу тяготения, выводились на орбиту. Рационализатор обещал отправить на небеса 200 млн человек за один разгон.

Одно время казалось, что решение найдено. Под руководством Джорджа Мюллера в США была разработана программа космических шаттлов (челноков), которые, как предполагалось, окажутся значительно дешевле одноразовых ракет и к тому же смогут выводить на орбиту почти 30 тонн груза за один рейс. В 1979 году, когда работы

над шаттлом были близки к завершению, агентство Associated Press сообщало: «Флотилия шаттлов сможет перевозить людей, блоки для сборки спутников, космических фабрик, лунных баз, а также колоний далеко за пределами Земли». Однако создать настоящий корабль многоразового использования не удалось. Выяснилось, что для взлета шаттлам необходимы все те же дорогие одноразовые ракеты; к тому же полезная нагрузка космического челнока к моменту первого запуска уменьшилась на 20 % относительно запланированной.

Со временем разговоры о колонизации космоса по обе стороны океана стали больше походить на дежурные предвыборные обещания. В США о строительстве лунных поселений говорили и Рональд Рейган, и Джордж Буш-старший, а в СССР пресса напоминала, что «вслед за запусками космических лабораторий, ныне уже существующих, люди перейдут к постройке более значительных сооружений – сперва небольших „эфирных поселений“, а потом и целых орбитальных городов». Однако общественный интерес к космонавтике постепенно остывал, и к началу нового тысячелетия уже было вполне ясно, что, даже если внеземные города будут построены, желающих там поселиться найдется совсем немного.

Химия тела

После Второй мировой войны настал черед прорывов в области электроники, химии, медицины и биологии. Подобно тому, как в 1920-е годы общество заболело идеей роботов, в 1950-е годы на первый план вышла мечта о победе над голодом и болезнями, ведь ученые к тому времени уже показали, на что способны удобрения и пенициллин.

Начало глобальной борьбе с голодом было положено во время Второй мировой войны. В 1942 году на работу в американскую химическую корпорацию DuPont поступил химик и микробиолог Норман Борлауг. Ранее он был известен тем, что изобрел клей, который не растворялся в соленой воде, что было важно для снабжения американских войск, сражавшихся с японцами на тихоокеанских островах. Клеем Борлауга солдаты приклеивали банки с консервированными продуктами к пустым бочкам, спасательным кругам и другим плавсредствам, чтобы не потерять ценную провизию во время десантирования. Поскольку большого смысла в изобретении Борлауга DuPont не видела, ученого отправили поднимать сельское хозяйство в Мексику по контракту с тамошним правительством. На месте микробиолог развил бурную деятельность и за несколько лет благодаря разумному применению удобрений и пестицидов, а также умелой селекции сумел превратить Мексику из полуголодной страны в экспортера сельскохозяйственной продукции.

Со временем технологиями DuPont заинтересовались недавно получившие независимость Индия и Пакистан, где от голода традиционно страдала немалая часть населения. В 1963 году Индия запросила технологическую помощь, и DuPont перебросила Борлауга на поля Индостана. Ученый вновь показал себя с лучшей стороны: урожаи в стране стали быстро расти. Если в 1964 году Индия произвела 9,8 млн тонн пшеницы, то в 1969-м – уже 18 млн тонн. Благодаря успехам Борлауга начиная с середины 1960-х годов в мире заговорили о «зеленой революции», которая непременно избавит человечество от голода. С подачи американского правительства «зеленая революция» стала внедряться во многих развивающихся странах, однако результат получился несколько хуже, чем ожидалось. Так, вскоре выяснилось, что далеко не все химикаты, применяемые в

обновленном сельском хозяйстве, положительно влияют на здоровье. В частности, оказалось, что в районах интенсивного распыления некоторых удобрений у девочек половое созревание наступает чуть ли не в восемь лет. Также выяснилось, что отнюдь не все жители бедных стран могут позволить себе покупать удобрения и платить за горючее для тракторов. К тому же вследствие интенсификации земледелия многие крестьяне теряли работу и все-таки умирали от голода.

Хотя сам Борлауг был вознагражден за труды Нобелевской премией, «зеленая революция» уже в 1980-е годы стала вызывать все больше нареканий. Так, один из современных борцов за чистоту окружающей среды Пауль Готтлих писал: «Для точного учета необходимо учитывать каждый доллар экологического ущерба, который нанесла „зеленая революция“ и который она продолжает наносить, пока токсичные индустриальные методы ведения сельского хозяйства продолжают применяться. Подумайте о множестве сельскохозяйственных рабочих, пострадавших от пестицидов и удобрений, об источниках воды, которые были уничтожены, об участвовавших из-за загрязнения среды случаях астмы, об отравленных и безжизненных землях». То есть с широко разрекламированной «зеленой революцией» произошло то же самое, что в свое время случилось с дирижаблями, роботами и космическими поселениями: новые идеи стали воплощаться раньше, чем технологии достигли уровня, позволявшего воплотить их как следует, мир утратил веру в когда-то заманчивый проект, и тот, лишившись общественной поддержки, начал быстро сбрасывать обороты. Сегодня даже беднейшие страны Африки отказываются принимать в качестве гуманитарной помощи генетически модифицированные продукты, полученные по технологиям, идея которых зародилась в лабораториях Борлауга.

Ожидавшаяся революция в медицине также оказалась не столь масштабной, как того хотелось. В 1960-е годы многие верили, что ученые скоро научатся создавать в пробирке искусственные органы, а также добьются того, что поврежденные конечности станут регенерировать, как хвост у ящерицы. Основания для таких ожиданий давала как зарубежная, так и советская пресса. В 1965 году журнал «Техника – молодежи» уверял читателей: «Ведь ту же почку не обязательно занимать на стороне, ее можно вырастить из нескольких клеток, уцелевших в больном органе. Здоровые, они станут остовом

для постройки новой почки... Нужно только понять, как одинаковые клетки взаимодействуют, узнают друг друга, что заставляет их собираться воедино. Тогда хирург будет загодя строить, ваять, как скульптор, совершенные органы и вместе с ними возвращать людям здоровье, жизнь».

Между тем ученые, занимавшиеся проблемой регенерации, высказывались по ней более чем осторожно. В 1977 году – на пике интереса к регенерации – ведущий советский специалист в этой области Лев Полежаев писал: «До недавнего времени в учении о регенерации господствовало представление, что мышца сердца у млекопитающих и человека после травмы никогда не регенерирует и в очагах повреждения возникают только соединительные рубцы... однако... при определенных условиях опыта удается получить регенерацию поврежденной мышцы сердца у ряда низших и высших позвоночных и человека». Естественно, речь тогда шла скорее о пересмотре старых теорий, чем о внедрении новых методов. Еще осторожнее высказался коллектив советских ученых, который в том же 1977 году подвел черту под своими многолетними изысканиями: «Проблема регенерации находится в настоящее время в довольно сложном положении... Биологи освоили значительный материал, накопленный патологами при изучении регенерации у млекопитающих животных и человека, и дополнили его новыми данными. Вместе с тем эта важная работа не доведена до конца». Не была она доведена до конца и в последующие десятилетия. С регенерацией случилось то же, что и с другими великими идеями XX века: превратить манящую теорию в практику имеющимися средствами было невозможно.

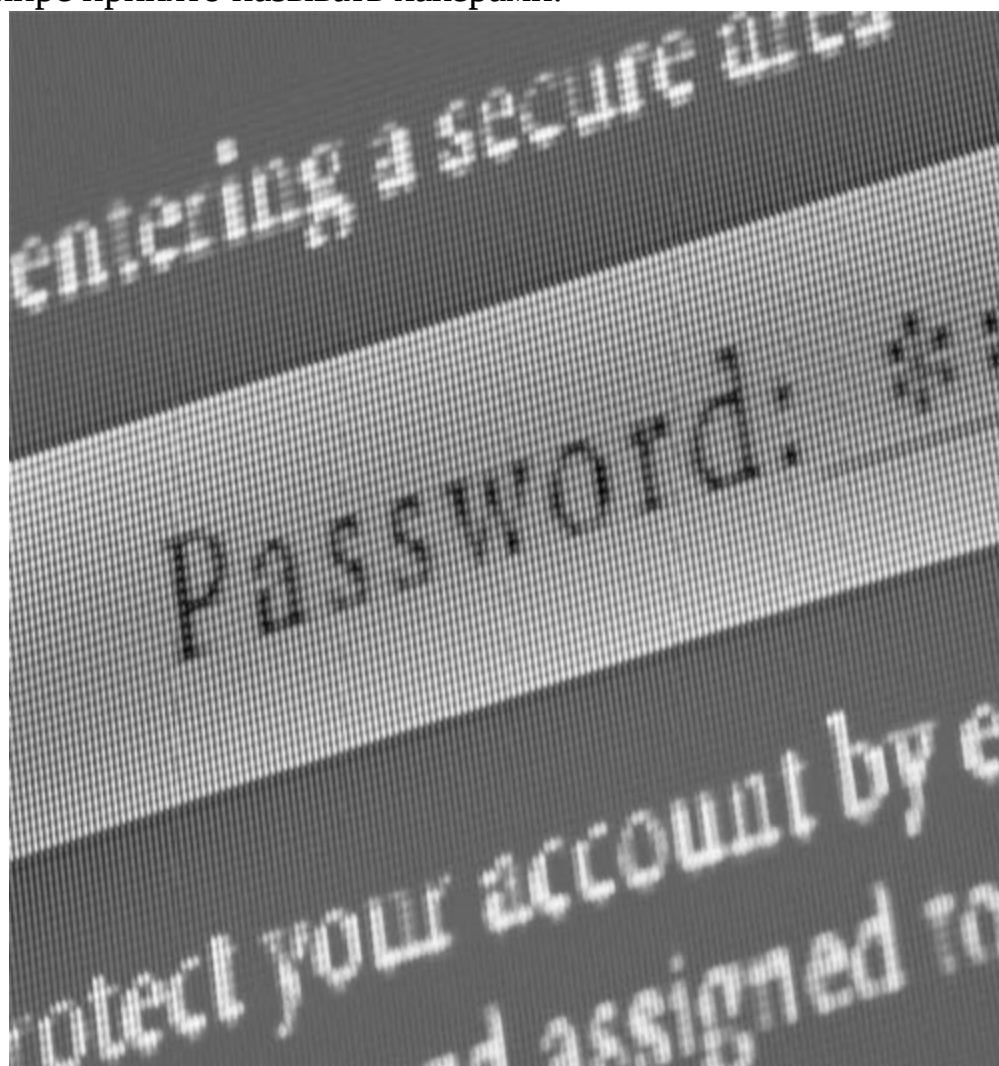
Время шло, а научных прорывов в области регенерации все не происходило. Впрочем, многим другим обещанным прессой чудесам медицины тоже не суждено было стать былью. Люди не стали жить до 120 лет, количество инфарктов не уменьшилось, а увеличилось, а место побежденных болезней заняли новые, о которых раньше никто не слышал. В итоге уже в 1970-е годы многие европейцы и американцы предпочитали лечиться чуть ли не у шаманов, а наши граждане уже в новейшее время крутили головами на стадионах во время сеансов Кашпиоровского и заряжали воду в банках с помощью телекартинки с Чумаком.

Несмотря на все разочарования XX века, люди до сих пор ждут революционных открытий, которые должны решить многочисленные проблемы человечества. Сегодня популяризаторы науки предрекают скорое пришествие нанотехнологий и победу над старостью с помощью стволовых клеток. Да и старые идеи не умерли окончательно. Так, нынешний президент США Джордж Буш не так давно пообещал все-таки построить базу на Луне, а один из футурологов предсказал, что в 2018 году Нобелевскую премию получит за свои достижения искусственный интеллект. Однако опыт прошлого века показывает, что с чем большим энтузиазмом говорят о той или иной технологической революции, тем меньше шансов у нее на успех.

Кирилл Новиков

Владыки сетей

9 сентября 1945 года на вычислительной машине Гарвардского университета был отловлен первый компьютерный баг. Это действительно был баг (bug), то есть насекомое, попавшее в чрево гигантской машины. С тех пор многое изменилось, но компьютеры по-прежнему остаются источником множества проблем для тех, кто ими пользуется. Впрочем, проблем было бы меньше, если бы не люди, которые используют свои таланты для их создания. Этих людей во всем мире принято называть хакерами.

Хакеры оказали интернет-бизнесу главную услугу – создали этот самый бизнес

Чародеи-романтики

На самом деле единого мнения, кто такой хакер, нет. Пресса и правоохранительные органы предпочитают называть хакерами субъектов, которые рассылают по сетям компьютерные вирусы, воруют информацию, снимают деньги с чужих счетов и «подвешивают» сайты вредных, по их мнению, организаций. Люди, причисляющие себя к хакерам, не устают повторять, что незаконными операциями занимаются крашеры (крушители), а истинный хакер – это высококлассный программист, который всего лишь бескорыстно стремится улучшить свои и чужие программы.

Между тем грань между хорошими хакерами и плохими крашерами весьма тонка и изменчива, поскольку один и тот же человек сегодня может взломать, к примеру, базу данных, а завтра – продать ее владельцу усовершенствованную систему защиты. В то же время простые законопослушные программисты вовсе не испытывают к хакерам какой-то особой нелюбви, поскольку действительная или мнимая хакерская угроза всегда была для них поводом просить повышения зарплаты.

За время компьютерной революции мир увидел становление нескольких поколений хакеров, у каждого были свои ценности и устремления. Общим же было одно: все этапы хакерского движения приносили пользу интернет-экономике.

На заре своей истории хакеры никому не вредили, даже, напротив, стремились безвозмездно помогать нуждающимся. Колыбелью мирового хакерства по праву считается Массачусетский технологический институт (MIT), который на рубеже 50-60-х годов стал кузницей научно-технической элиты США. Именно в стенах MIT родилось само понятие «хакер», указывающее на человека, способного выдать оригинальное решение сложной технологической задачи.

Нравы в институте царили самые демократичные, и студентам было неофициально разрешено шалить при условии, что шалость окажется высокотехнологичной и послужит вящей славе вуза. Так, однажды выпускники ухитрились неведомо как водрузить на купол главного институтского здания полицейскую машину. В другой раз студенты MIT прославились во время матча по американскому футболу с

участием команд Гарвардского и Йельского университетов. Внезапно прямо посреди поля начал расти черный шар – надувшись до значительного размера, он продемонстрировал трибунам надпись «MIT» и тут же лопнул, выпустив белый дымок. После этого инцидента ректор института заявил: «Я к этому абсолютно непричастен. А жаль».

В этой атмосфере технократического веселья росли и будущие застрельщики компьютерной революции, группировавшиеся вокруг лаборатории искусственного интеллекта MIT, в которой, в частности, разрабатывалось программное обеспечение для ЭВМ.

И профессоры, и студенты, имевшие отношение к лаборатории, чувствовали себя особой кастой чародеев и пребывали в полной уверенности, что в нарождающемся компьютерном мире нет ничего невозможного, а значит, нет и не может быть никаких запретов.

О тех полузабытых временах в хакерском фольклоре сохранилось немало легенд, больше похожих на волшебные сказки. Так, однажды авторитетный сотрудник лаборатории по фамилии Найт заметил, что некий новичок пытается заставить работать капризный компьютер, попеременно включая его и обесточивая. «Ты не сможешь починить машину простым отключением энергии, если не знаешь, что случилось», – сказал Найт, после чего со значением дважды щелкнул выключателем. Машина заработала.

В другой раз один из специалистов обнаружил на рабочей панели компьютера неизвестный тумблер, носивший следы кустарной сборки. У тумблера было три положения – «выключить», «магия» и «больше магии», причем стоял он в позиции «больше магии». Переключатель был внимательно изучен – обнаружив, что к нему подходит лишь один проводок, специалист совершенно справедливо счел, что имеет дело с очередной шуткой кого-то из коллег, и вырубил «магию». Машина зависла и ни в какую не соглашалась работать без включения загадочного тумблера. Дальнейшее исследование показало, что единственный проводок волшебного переключателя тянулся к проводу заземления – это говорило о том, что устройство никак не может влиять на работу машины. Тем не менее попытки выключить «магию» всякий раз приводили к зависанию системы.

С возникновением компьютерных сетей у специалистов MIT появилась возможность общаться с другими исследовательскими

центрами, которые могли находиться за тысячи километров от Массачусетса, и уже в начале 70-х годов, с появлением сети Arpanet, сотни ученых по всему миру могли делиться друг с другом своими достижениями.

Тогда-то компьютерные виртуозы из разных стран и начали осознавать себя единой «сетевой нацией» с собственной этикой и общими идеалами, а слово «хакер» вышло за стены MIT, став синонимом компьютерного гения. Главными ценностями тогдашнего сетевого братства были открытость и бескорыстный обмен информацией. Хакеры из разных стран считали своим долгом делиться своими идеями и программами с товарищами по сети, что только и могло поднять их авторитет в профессиональном сообществе.

Между тем компьютеры и программное обеспечение начали быстро завоевывать рынок, и хрупкой хакерской утопии настал конец. Безграничное любопытство хакеров стало тут и там наткаться на административные запреты, корпоративные секреты и военные тайны.

Далеко не все компьютерные интеллектуалы, привыкшие к лабораторным розыгрышам и панибратскому отношению с технологиями, были готовы смириться с утерей виртуального рая. Поскольку уследить за тем, чем заняты программисты на рабочем месте, было нелегко, многие из них начали потихоньку фрондировать. Так внутри сообщества компьютерных гениев начало расти субсообщество сетевых хулиганов. И тем не менее хакеры оказали интернет-бизнесу главную услугу – создали этот самый бизнес.

Взлет и падение Кондора

Вслед за поколением хакеров-альтруистов появилась генерация хакеров-стяжателей, которые боролись не за высокие идеалы, а за свой кошелек. Первые случаи не вполне законного использования высоких технологий были связаны с так называемыми фрикерами – людьми, которым не нравилось, что телефонные компании дорого берут за дальнюю связь.

В 1971 году ветеран Вьетнама Джон Драпер сконструировал «голубую коробку» – устройство, которое обманывало телефонную машинерию компании AT&T, посылая в трубку особый свист, благодаря чему звонок оказывался бесплатным. Изобретение Драпера было, по сути, чем-то вроде воровской отмычки, однако новатор вовсе не считал себя мошенником и даже не думал скрывать свои достижения от публики. Журнал Esquire опубликовал статью, в которой подробно рассказывалось о том, как в домашних условиях сконструировать «голубую коробку». Хакерское сообщество приняло изобретение на ура, и шалости с телефоном быстро вошли в моду среди любителей высоких технологий. Более того, фрикерство стало чем-то вроде неофициальной практики и экзаменом на профпригодность для многих будущих компьютерных гениев. Так, двое талантливых студентов – Стив Возняк и Стив Джобс – быстро наладили подпольный выпуск «голубых коробок» (впоследствии Возняк и Джобс основали небезызвестную компанию Apple Computer).

Случалось, что программисты совершали и более серьезные преступления. С переходом западных банков на компьютеризированную систему обслуживания клиентов соблазн быстро обогатиться для многих технологически подкованных банковских служащих порой оказывался слишком велик. Больше всех среди компьютерных воров прославился Стэнли Рифкин, который даже попал в Книгу рекордов Гиннеса за самое грандиозное ограбление банка в истории, совершенное им в 1978 году. Рифкин вовсе не был лихим бандитом из гангстерских фильмов. Это был скромный и застенчивый программист, работавший консультантом в Security Pacific National Bank в Лос-Анджелесе. Рифкину удалось узнать компьютерный пароль, позволявший перевести любую сумму в

любой банк на территории США. Мошенник купил фальшивый паспорт и открыл по нему счет в Нью-Йорке. Проще всего было бы перевести на этот счет ворованные деньги и тут же снять, однако Рифкин хотел сорвать по-настоящему большой куш и потому действовал более изощренно. Пользуясь тем же фальшивым паспортом, махинатор связался с известным нью-йоркским торговым брокером, который организовал ему закупку партии бриллиантов в СССР. После этого Рифкин взломал компьютер своего банка и переправил брокеру \$10,2 млн. Затем, вновь вооружившись поддельными документами, Рифкин вылетел в Цюрих, получил там два с лишним килограмма советских бриллиантов и, благополучно миновав таможеню, вернулся в США. Проблемы начались, когда выяснилось, что никто не собирается покупать партию не пойми откуда взявшихся драгоценных камней ни в розницу, ни оптом. Тем временем в банке обнаружили пропажу денег и забили тревогу. Вскоре агенты ФБР вычислили незадачливого торговца бриллиантами и водворили его на скамью подсудимых. Однако дурной пример оказался заразительным. Желая возместить хотя бы часть убытков, Security Pacific National Bank уплатил таможенную пошлину за контрабандные алмазы и попытался их продать. Сначала банк решил вернуть их на историческую родину, но советские компетентные организации вежливо отказались. Тогда банк попытался выйти на алмазный рынок, но результат был такой же, как у Рифкина: брать камни по реальной цене никто не хотел. В итоге их пришлось сбывать по бросовым ценам при посредничестве компании De Beers.

Казалось бы, действия программистов-взломщиков должны были серьезно дискредитировать их профессию, однако компьютерные преступления только помогали набивать себе цену специалистам по защите – компании были вынуждены тратить все большие средства на системы безопасности. Тем не менее в 1994 году рекорд Рифкина чуть было не побил россиянин Владимир Левин, который с помощью компьютера увел из нью-йоркского Citibank около \$10 млн. Левин был арестован в Англии, но получил всего лишь три года тюрьмы.

Наконец, хакеры показали, что способны воровать не только деньги, но и информацию. Поскольку уже в начале 80-х годов компьютеры в США и Европе стали доступны довольно большому количеству граждан, на сцену вышел новый тип хакера – подросток, который с

домашнего компьютера взламывает коды NASA и Пентагона. Одним из первых представителей новой генерации стал впоследствии знаменитый Кевин Митник, который уже в 1977 году в возрасте 13 лет придумал, как подделывать автобусные билеты и ездить бесплатно. Митник рос в неблагополучной семье и был застенчивым очкастым юношей с лишним весом и множеством комплексов, однако, заполучив в руки какое-нибудь сложное устройство, он преображался в инженерного гения. К началу 80-х годов Кевин Митник был уже опытным фрикером и принципиально не платил за телефонные переговоры. К компьютеру Кевин впервые прикоснулся во время бесплатной демонстрации в одном из радиомагазинов, после чего навсегда заболел передовыми технологиями. Вскоре он обзавелся оригинальным хобби – начал взламывать чужие компьютеры, причем делал это просто из любви к искусству. В 1982 году Митник вломился в компьютер Северо-Американского оборонного командования США (NORAD), однако ничего там не тронул, и инцидент сошел ему с рук. История с NORAD поразила общественное мнение, и Голливуд, вдохновившись историей Митника, в 1983 году снял фильм «Военные игры». Герой картины – мальчик, влюбленный в компьютеры, – по ошибке проникает в военный компьютер, думая, что попал в базу данных производителя видеоигр. Желая скачать увлекательную игру с термоядерным сюжетом, мальчик случайно запускает программу запуска баллистических ракет, и только хакерская смекалка помогает ему спасти планету от гибели. Фильм рассказал западной молодежи о том, кто такие хакеры, и движение компьютерных хулиганов стало быстро набирать силу.

Тем временем Митник не переставал удивлять публику, буквально терроризируя системных администраторов по всей стране. Однажды неутомимый хакер даже захватил контроль над тремя телефонными узлами Нью-Йорка, но и на этот раз остался безнаказанным. Терпение властей лопнуло, когда в 1990 году Кевин проник в базу данных компании Digital Equipment и скачал программы общей стоимостью \$1 млн. Митника привлекли к суду, однако он отделался годом условного заключения с обязательством пройти 12-ступенчатую программу по избавлению от компьютерной зависимости. Программа оказалась недостаточно эффективной – Кевин не удержался и нарушил условия приговора, взломав очередную защитную систему, после чего ударился

в бега. Теперь Митник взял себе многообещающий псевдоним Condor и буквально вышел на тропу войны, превратившись в настоящего сетевого партизана. Он взламывал системы направо и налево, а также отслеживал действия ФБР, пытавшегося напасть на его след.

Агенты ФБР в долгу не остались, поместив Митника в список особо опасных преступников – до того такой чести не удостоивался ни один хакер. История погони за неуловимым хакером подняла авторитет сословия компьютерных специалистов на небывалую высоту, причем с поимкой Митника престиж международного хакерства вырос еще больше: оказалось, что поймать его ФБР смогло только благодаря помощи другого хакера. В 1994 году Condor допустил оплошность, забравшись в компьютер фирмы, где работал Цутому Симомура – молодой программист, имевший те же увлечения, что и Митник. Симомура обиделся, выследил Митника и сдал его властям.

Суд над Кевином Митником перерос в общенациональную дискуссию о том, что можно, а что нельзя человеку, если он слишком умный, причем симпатии компьютерного сообщества были в основном на стороне хакера, который недавно его же и терроризировал. В 1999 году знаменитый компьютерный взломщик был наконец осужден на четыре года (большую часть срока он отсидел, будучи под следствием), а выйдя из тюрьмы, превратился в высокооплачиваемого специалиста по защите от компьютерного взлома и даже сыграл в телесериале роль агента ФБР. Так благодаря хакерам-мошенникам возникло новое направление электронного бизнеса – разработка и обслуживание систем компьютерной безопасности.

Банды Нью-Йорка

Слава Митника не давала покоя многим его сверстникам, и вскоре после выхода фильма «Военные игры» о себе заявили молодежные хакерские группы, которые порой вели себя как настоящие уличные банды. Пришло время нового поколения хакеров – подпольщиков и кумиров контркультурной богемы. Эта новая генерация состояла в основном из очень молодых людей, которых интересовала не столько возможность что-нибудь украсть, сколько романтика рискованных походов в киберпространстве.

В 1984 году, через год после «Военных игр», в Нью-Йорке сформировалась группа Legion of Doom (что можно перевести как «Легион неотвратимой судьбины»), лидером которой стал молодой Крис Гогганс, имевший не менее громкий сетевой псевдоним Erik Bloodaxe (Эрик Кровавый Топор). Молодые люди, как водится, развлекались фрикерством, а также оттачивали свое мастерство, проникая в закрытые базы данных, и быстро становились героями нью-йоркского андеграунда. Между тем в их рядах завелись недовольные. Очередной очкастый юноша по имени Марк Эйбен (Phiber Optic) поссорился с Кровавым Топором и был изгнан из «бригады». Надо сказать, что «легионеры» были в целом весьма интеллигентными хакерами: проникая в чужие компьютеры, они старались не делать пакостей, но Эйбен проявился как настоящий беспредельщик, для которого не существует никаких этических ограничений. Phiber Optic сколотил свою банду, собрав в ней своих единомышленников. Она получила название Masters of Deception («Мастера обмана») и главной своей целью определила посрамление «Легиона».

Пока «мастера» состязались с «легионерами» в количестве взломанных систем, отношения между конкурентами оставались довольно сносными. Команда Кровавого Топора снисходительно посмеивалась в сети над молодыми выскочками, а те, в свою очередь, обещали, что вот-вот превзойдут стариков. Но в 1990 году между двумя группировками началась настоящая война, в которой, правда, обошлось без человеческих жертв. По легенде, началось все с того, что во время очередной сетевой перебранки один из членов Masters of

Deserption высказался с использованием сленга, характерного для обитателей Гарлема. Кто-то из «легионеров» порекомендовал выкинуть из сети «этого ниггера» и неожиданно попал по больному месту: носитель гарлемского диалекта оказался чуть ли не единственным чернокожим хакером в Нью-Йорке. Это было оскорбление, и ребята Марка Эйбена решили, что «Легион» должен «ответить».

«Мастера» и «легионеры» начали усердно взламывать компьютеры друг у друга, прослушивать друг у друга телефоны, оскорблять друг друга в сети – словом, максимально осложняли жизнь себе и своим противникам. Битва титанов продолжалась до 1992 года и закончилась тем, что возрастные «легионеры», смертельно устав от борьбы, сдали своих назойливых конкурентов ФБР. За «Мастерами обмана» уже тянулся немалый шлейф компьютерных безобразий, и власти с удовольствием упекли зарвавшихся хакеров за решетку. Марк Эйбен и его подельники заработали по году тюрьмы, а также неувядающую славу истинных героев киберпространства. После освобождения компьютерное сообщество встретило Эйбена грандиозным банкетом в элитном Manhattan Club, а вскоре после этого журнал New York Magazine признал его одним из 100 умнейших людей города. Естественно, со временем и Эйбен, и Гогганс стали уважаемыми консультантами по компьютерной безопасности.

Впрочем, далеко не все хакерские банды отделялись так легко. В ФРГ с 1981 года существовало хакерское объединение Chaos Computer Club (Компьютерный клуб хаоса). Это была даже не группа единомышленников вроде банды Марка Эйбена, а скорее союз нескольких независимых хакерских группировок. Клуб сделал себе имя с помощью блистательного трюка: хакеры незаметно увели из одного гамбургского банка DM134 тыс. и с помпой вернули деньги на следующий день. Однако среди членов клуба со временем нашлись куда менее щепетильные личности. В 1987 году группа хакеров под предводительством Карла Коха вторглась в компьютеры нескольких компаний и научных учреждений США. Кох плотно сидел на кокаине и оттого имел склонность бредить наяву. Он был уверен, что за всеми бедами человечества стоят то ли марсиане, то ли иллюминаты, и решил выправить ситуацию посредством личного участия в интригах мировой закулисы – продал похищенную информацию КГБ. Кох

получил от советского агента, который называл себя Сержем, \$54,5 тыс., но деньги не пошли ему впрок. Усилиями хакеров, работавших на правительство США, незадачливых шпионов вычислили и призвали к ответу. Впрочем, Карл Кох до суда не дожил. В июне 1989 года его обгоревший труп был обнаружен в лесу в 25 км от Ганновера. Как ни странно, вердикт полиции был однозначен – самоубийство.

Молодежные хакерские банды действовали с таким бесшабашным напором, что государственные структуры начали заводить собственных хакеров, чтобы обезопаситься от малолетних шпионов-хулиганов. Кроме того, властные инстанции должны были закупать больше оргтехники и программного обеспечения, что шло компьютерной экономике только на пользу.

Полет червя

Пока компьютерная шпана успешно раздувала страхи перед всемогущим хакерством, иные юные спецы терпеливо выращивали на своих жестких дисках прожорливое племя компьютерных вирусов. Именно с возникновением таких программ связано становление очередного поколения хакеров, которое удерживает свои позиции по сей день. Это программисты экстра-класса, которые вместо примитивных краж и хулиганства занимаются разработкой программного обеспечения для будущих сетевых атак, рядом с которыми ущерб от действий Рифкина, Левина или Митника покажется булавочным уколом.

Первые вредоносные программы, которые еще не были вирусами, появились в 70-е годы, причем программисты придумывали их для того, чтобы заставить с собой считаться. Так, в середине 70-х программисты компании Motorola обнаружили дыру в защите программного обеспечения компьютера, работающего в офисе фирмы Херох. На посланный сигнал специалисты Херох никак не отреагировали, и их бдительные коллеги из Motorola решили продемонстрировать нерадивцам, какова может быть цена компьютерной безопасности. Через прореху в защите в компьютер Херох были внедрены две взаимосвязанные программы, единственным назначением которых было издеваться над операторами. Программы принялись раскручивать бобины с магнитными лентами, стирать данные и заниматься прочим непотребством. Когда программисты Херох ловили и уничтожали одну из них, та выдавала сообщение: «Меня атакуют! Брат Тук, молю, спаси меня!» «Не бойся, Робин Гуд, друг мой! Я прогоню людей шерифа Ноттингемского!» – отвечала другая программа и тут же воскрешала стираемую программу-близнеца. Переговоры Робина Гуда и монаха Тука продолжались до тех пор, пока программисты Херох не убили обе программы разом.

Еще раньше по компьютерам пробежалась программа Creeper («Ползун»), которая умела переползать с машины на машину и сообщала опешившим операторам: «Я Ползун. Поймай меня, если сможешь». В итоге «Ползуна» поймал и уничтожил выпущенный неизвестно кем «Потрошитель» (Reaper), однако урок мировым

сообществом все еще не был усвоен. Не услышало оно и многочисленные предупреждения компьютерных теоретиков о том, что не ровен час кто-нибудь создаст вредоносную программу, которая научится себя копировать и заражать другие компьютеры. В итоге теоретикам пришлось перейти к практике и самим создать вирусы. 3 ноября 1983 года молодой ученый Фред Коэн продемонстрировал в Университете Южной Калифорнии действие настоящего компьютерного вируса, показательно инфицировав им несколько машин. Возможность причинить вред большому числу компьютеров в рекордно короткий срок была официально доказана, и цена компьютерных специалистов резко возросла.

Настоящий кошмар начался 2 ноября 1988 года, когда в сеть заполз первый компьютерный червь. Виновником, как всегда, оказался очкастый юноша с внешностью Гарри Поттера. Студент по имени Роберт Моррис-младший был сыном крупного ученого, занимавшего высокий пост в Национальном центре компьютерной безопасности США, и многому научился у своего заслуженного родителя. Моррис написал программу, которая должна была незаметно обойти все компьютеры, подключенные к сети, и доложить своему создателю о ее размере. Программа содержала ошибку, и червь начал размножаться с ошеломляющей скоростью, полностью занимая ресурсы атакованных машин. До своего уничтожения червь Морриса успел поразить около 6 тыс. компьютеров. Сам же автор разослал по сети анонимные извинения: «Я очень сожалею». Однако суд его не простил и приговорил к \$10 тыс. штрафа и трем годам условного заключения.

Теперь уже всем стало ясно, к каким последствиям может привести пренебрежительное отношение к компьютерной безопасности, и статус сообщества программистов еще больше повысился. Сытые по горло проделками Митника, Эйбена и им подобных и в особенности скандалом с немецкими хакерами-шпионами, силовые ведомства США попытались переломить ситуацию одним ударом. В 1990 году была проведена масштабная полицейская операция «Солнечный дьявол», в ходе которой были задержаны многие хакеры, однако серьезным образом на расклад сил в компьютерном противостоянии это все же не повлияло. Общество и государство продолжали считать хакеров важным резервом интеллектуальной элиты и порой прислушивались к ним. К началу 90-х годов на Западе сложилась парадоксальная

ситуация: пока пресса и спецслужбы клеймили хакеров как законченных бандитов, сами хакеры открыто собирались на свои сходки, делились в сети опытом обезвреживания охранных систем и становились героями многочисленных книг и фильмов в эстетике киберпанка. Дошло до того, что хакеры обзавелись собственными лоббистами на самом высоком уровне. Их идеи открытого информационного пространства начал продавливать в конгрессе Альберт Гор, в итоге с компьютерных сетей были сняты ограничения секретности, что и привело к созданию Интернета.

Высшей точки своего влияния хакеры достигли к концу 90-х годов. 19 мая 1998 года группа опытных хакеров из группировки L0ft предстала перед конгрессом США и предъявила нечто весьма напоминающее ультиматум. Один из членов группы заявил, что любой из них в состоянии за 30 минут уничтожить весь Интернет. Разумеется, хакеры тут же оговорились, что преследуют лишь самые благородные цели: стремятся предупредить общественность об опасности, которая может исходить от других – плохих – хакеров. В этом вопросе они получили полную поддержку со стороны официальной науки. Присутствовавший на слушаниях эксперт Питер Нойман тут же заявил, что оборонное ведомство и другие агентства должны выделять больше средств на развитие компьютерной безопасности.

Визит хакеров L0ft в конгресс сослужил интернет-экономике США неплохую службу: ассигнования на компьютерную оборону с тех пор растут год от года. И общественность против этого нисколько не возражает, поскольку с подачи СМИ боится хакеров почти так же, как международных террористов. Кстати, в том же 1998 году в Америке крутили 30-секундный ролик, в котором российские ракетчики обсуждали, откуда пришел приказ начать ядерную войну – из Кремля или от какого-нибудь хакера. В итоге военные решили, что приказ лучше на всякий случай выполнить, и нажали на кнопку.

Сегодня хакеры есть в каждой стране, «подключенной» к Интернету, а их общественный статус набирает вес так же стремительно, как растет зависимость мирового сообщества от Всемирной паутины. Параллельно увеличивается и количество денег, которые государства и частные компании тратят на компьютерную защиту. Сами же хакеры по-прежнему с возрастом предпочитают переходить в структуры, занятые борьбой с их вчерашними коллегами. В свою очередь,

молодежь по-прежнему идет в хакеры. Два года назад кто-то из молодых взломал компьютер Митника и оставил сообщение: «Добро пожаловать на волю, мистер Кевин».

Владимир Гаков

От женщины до тоже человека

40 лет назад, 10 июня 1963 года, в США вступил в действие закон о равной оплате, запретивший дискриминацию по признаку пола в сфере оплаты труда. Это была самая серьезная экономическая победа американских феминисток. Однако «женская» революция, как и все прочие, набрав ход, не смогла вовремя остановиться, выродившись, по мнению многих – как мужчин, так и женщин, – в абсурд. Хотя даже в нынешней насквозь феминизированной Америке поправка к конституции, гарантирующая равенство прав по признаку пола, не ратифицирована.

Массовый «исход в феминизм» определили причины весьма приземленные

Восстание рабынь

Оксфордский словарь английского языка определяет феминизм как «движение за уравнивание женщин в правах с мужчинами, основанное на идее изначального равенства полов». Что понимать под «правами» и под «равенством», остается предметом неутихающих споров, как и стратегия, идеология, достижения и издержки феминистской революции.

Например, один из интернет-сайтов дает целый спектр «феминизмов»: милитаристский, анархистский, культурный, сексуальный, экологический, расовый, индивидуалистический, либеральный, марксистский, экономический, умеренный, поп-феминизм, радикальный, сепаратистский. Посетителям сайта предлагается список продолжить.

Чтобы не утонуть в этом море «женских слез», пролитых за века доминирования мужской культуры, дальше речь пойдет в основном об экономическом и политическом феминизме, которые являются прямыми наследниками суфражистского (от *suffrage* – избирательное право) движения XIX – начала XX века в Западной Европе и Северной Америке.

Над неравным социальным положением женщины отдельные продвинутые представительницы прекрасного пола задумывались и до того. Например, англичанка Мэри Уоллстонкрафт (мать будущей писательницы Мэри Шелли – автора «Франкенштейна») писала об этом еще в конце XVIII века. Однако первые организованные волны освободительного женского движения прокатились по миру лишь столетие спустя, параллельно социальным революциям в Старом и Новом Свете (не миновав и Россию, где также было движение «равноправок»).

Так, отцы-основатели американской нации, положив в основу ее принцип равенства всех людей перед Богом, под «людьми» понимали лишь свободных мужчин. В 1776 году жена будущего второго президента США Джона Адамса написала мужу в Филадельфию, где тот принимал Декларацию независимости, и попросила, чтобы собравшиеся там мужчины «не забыли в тексте о своих дамах». Супруг отшутился в том духе, что дамам следует не забывать о доме и

детях, однако вставил в текст декларации открывающую фразу-мину, взорвавшуюся два века спустя: «Все мужчины и женщины созданы равными».

Но и в XIX веке мысль о правовом равенстве полов звучала крамолрой для ушей просвещенного американца. Потому что тогдашняя правовая система базировалась на заимствованном у англичан «обычном» (или прецедентном) праве, согласно которому «в браке муж и жена составляют единое целое».

Отсюда следовало, что жены не могут иметь политических или экономических интересов, отличных от интересов мужей, которые голосуют и ведут всю хозяйственную деятельность от имени жен и в интересах семьи. Как отмечали составительницы программного суфражистского документа – Декларации чувств и решений, принятой в 1848 году на первой конференции по правам женщин в Сенека-Фоллз, «с точки зрения гражданских прав и перед законом замужние женщины фактически приравнены к мертвым». Интересно, что текст этой «декларации независимости» подписали делегаты обоих полов: 68 женщин и 32 мужчины.

В дополнение к нормам обычного права американских женщин закабалял и введенный в XIX веке принцип различия социальных ролей мужчин и женщин (сейчас их называют гендерными ролями), допускающий применение норм конституции в соответствии с половой принадлежностью. С середины XIX века, когда на Верховный суд США были возложены функции конституционного, и вплоть до 1960-х годов этот орган в теории и на практике проводил линию, направленную на половую дискриминацию. Классическая формулировка ее прозвучала в 1873 году, когда Верховный суд поддержал закон штата Иллинойс, запрещающий женщинам заниматься адвокатской практикой, заявив: «Естественные биологические отличия делают женщин непригодными для определенных профессий в гражданской жизни. Их главной сферой деятельности остается домашнее хозяйство и материнство. Мужчина является или должен являться покровителем и защитником жен и матерей, в том числе будущих, от неженской работы».

Дело усложняла и терминологическая неразбериха в тексте 14-й поправки к конституции, принятой в 1868 году. Поправка гарантировала всем лицам (persons) с гражданством равную защиту на

основе закона и запрещала законодательным органам штатов лишать американских граждан положенных им привилегий и льгот, но одновременно резервировала избирательное право лишь для граждан мужского пола (male citizens).

Все равны, но женщины равнее

Тем не менее в середине XIX века американские суфражистки, подхватив эстафету боевых подруг из Старого Света, начали планомерно расшатывать основы существующего социального порядка. На первых порах главными целями стали равные избирательные права и доступ к образованию.

В 1833 году колледж Оберлин первым из американских высших учебных заведений открыл двери перед абитуриентами в юбках, и спустя восемь лет там же получили ученые степени первые три американки, две из которых активно участвовали в движении суфражисток.

Спустя шесть лет штат Миссисипи первым принял закон о праве замужней женщины на собственность. А в 1866-м две знаменитые «бабушки американской революции» Элизабет Кэйти Стэнтон и Сьюзен Энтони создали Американскую ассоциацию за равные права. Любопытно, что одно из самых влиятельных лобби, противостоявших суфражисткам в эшелонах власти, составили виноторговцы, опасавшиеся, что «новый электорат» начнет с того, что поддержит кандидатов, выступающих за сухой закон.

Начало прошлого века принесло первые ощутимые победы. В 1915 году Нью-Йорк потрясла 40-тысячная демонстрация женщин в защиту равных избирательных прав. А спустя год первая дама заняла место в палате представителей конгресса, ею стала видная суфражистка и пацифистка Джанетт Ранкин, которая воспользовалась более прогрессивным, чем федеральный, избирательным законом штата Монтана (в 1941 году она единственная голосовала против объявления войны Японии). Правда, еще через год полиция арестовала полторы сотни суфражисток, пикетировавших Белый дом, но остановить прогресс уже было невозможно.

В 1919 году при поддержке президента Вильсона конгресс принял 19-ю поправку, давшую 26 млн американок право голоса. При ратификации в штатах судьбу ее решили голоса всего двух членов сената штата Теннесси (в конституции записано, что поправки должны быть ратифицированы тремя четвертями штатов, и Теннесси оказался искомым 36-м из тогдашних 48). Как подсчитала одна из видных

суфражисток, победа далась дорогой ценой: 57 лет борьбы, 56 референдумов и сборов подписей, 480 обращений в сенаты штатов (и 277 – к руководству обеих ведущих партий), а также проталкивание поправки в повестку конгресса всех 19 созывов.

Однако, добившись главной политической победы, наследницы сошедших со сцены суфражисток – феминистки – столкнулись с иной проблемой: соотношения гендерных ролей с конституционным равноправием.

В переводе на человеческий язык это означает дилемму: либо социальные привилегии и льготы (связанные с биологическим отличием женщин от мужчин), либо равноправие. А последнее в рамках сохраняющегося мужского типа общества (которое, кажется, и не собирается трансформироваться в более женственное – толерантное, кооперативное, а не конкурентное, менее агрессивное и т. д.) означает не что иное, как фактическое приравнивание женщин к мужчинам. Со всеми вытекающими правами, но и с мужскими же социальными нагрузками и ограничениями.

После окончания Первой мировой войны феминизм раскололся на два течения. Умеренное «социальное» крыло предпочло бороться за дополнительные гарантии и привилегии женщин в общественной жизни и на производстве, в то время как радикальное «эгалитарное» выступало за полное равенство с мужчинами во всех сферах жизни, отказываясь признавать какие-либо различия между полами: биологические, физиологические или психологические. Поначалу радикальные феминистки остались в меньшинстве: во время войны объективно возросла доля женщин в сфере массового производства, и встал вопрос о социальной защите женского труда, а кроме того, многие активистки женского движения вполне удовлетворились завоеванным правом голоса и отошли от борьбы. За счет отколовшихся (которых, следуя логике всех революций, оставшиеся в меньшинстве «большевички» немедленно обозвали ренегатками) революционные ряды заметно поредели.

Сходившую на нет революционную ситуацию нужно было как-то обострить. И радикальные феминистки нацелились на конституцию, из текста которой, по их мнению, следовало убрать всякие упоминания о половых различиях и, таким образом, довести революцию до победного конца.

Неправовая поправка

В 1923 году лидер Национальной женской партии Элис Пол, прошедшая боевое крещение в английском суфражистском движении, сформулировала поправку о равных правах – Equal Rights Amendment (ERA), ставшую предметом дискуссий на многие десятилетия. В первом варианте она состояла всего из одного предложения: «Мужчины и женщины должны иметь равные права в Соединенных Штатах и на всех территориях, находящихся под их юрисдикцией». В таком виде поправка была представлена участницам юбилейной конференции в Сенека-Фоллз, собравшимся 21 июля 1923 года – спустя 75 лет после принятой там же первой декларации.

Социальное крыло не поддержало ERA, поскольку стояло за недавно введенные в ряде штатов (и поддержанные Верховным судом) законодательные протекционистские меры в отношении работающих женщин. По мнению «социалок», интересам большинства американских женщин отвечало как раз сочетание гражданского равенства в области избирательных прав с государственной защитой женщины-работницы и матери. Однако радикальные дамы настаивали на том, что введение ERA принципиально изменит статус женщин в обществе и необходимость в льготах отпадет сама собой. Продолжая воевать с отступниками в собственных рядах, «эгалитарки» открыли второй фронт: начали планомерную бомбардировку общественного мнения и политической элиты, напоминая последней, что и голоса женщин на выборах теперь чего-то стоят.

Во время избирательной кампании 1940 года республиканцы первыми включили «взрывоопасный» пункт об ERA в предвыборную платформу; демократы, тесно связанные с главными противниками поправки – профсоюзами, спохватились только к следующим выборам. А после Второй мировой войны, во время которой впервые в жизни пошли работать 6 млн американок (занятость женщин на производстве за четыре военных года выросла с 25 до 36 %), более 80 % новоиспеченных работниц пожелали остаться на своих рабочих местах. Тем самым они опровергли доминировавшее общественное мнение («война закончится, и женщины вернутся к семейным очагам») и проигнорировали нападки консервативного большинства

(«стремиться на работу могут только невротички, теряющие свою половую идентичность») и давление массовой культуры с ее стереотипами «стоцентной американки».

После войны возобновились дебаты в конгрессе вокруг ERA (в 1945 году, кстати, в Капитолии впервые появился и проект упомянутого закона о равной оплате, принятия которого пришлось ждать почти два десятилетия). Юридический комитет палаты представителей с согласия автора поправки Элис Пол (к тому времени ставшей обладательницей двух докторских степеней, в том числе юридической) изменил текст, который теперь звучал так: «Равенство прав на основе законов не должно оспариваться или ограничиваться Соединенными Штатами или каким-либо штатом по признаку пола».

В 1971 году пал наконец один из главных бастионов «мужского шовинизма» – Верховный суд. Признав не соответствующим конституции закон штата Айдахо, дававший мужчинам определенные преимущества в конкретных делах о наследстве, Верховный суд заявил о недопустимости в судебных делах о наследстве аргументации типа «мужчины более заинтересованы и более способны к финансовой деятельности». Заявление Верховного суда прозвучало для радикальных феминисток залпом «Авроры», и тогдашний его председатель Эрл Уоррен (тот самый, что ранее благополучно замял дело об убийстве Кеннеди) с тех пор стал одной из икон их революции. Все предрекало ее быструю победу и в законодательной сфере: уже в следующем году ERA была принята обеими палатами конгресса (в верхней палате – 84 голосами против 8, а в нижней – 354 против 24), и оставалось только ждать ее ратификации в законодательных органах штатов. Срок был установлен восемь лет.

С учетом разительного изменения общественного климата в стране никого не удивило, что в первый же год поправку ратифицировали 22 штата. Но уже в следующие годы процесс забуксовал. В итоге к июлю 1982 года «за» проголосовали лишь 35 штатов вместо требовавшихся 38. Поправка принята не была.

Вроде бы успешно развивавшаяся «правополовая» революция споткнулась на несущественной частности: семейном праве. Феминистки предлагали реформировать его согласно концепции «равноответственного партнерства», однако это оказалось палкой о двух концах. С одной стороны, замужние женщины получили равные

возможности для участия в общественной жизни, с другой – разведенные и матери-одиночки, наоборот, лишились многих завоеваний «социалки». Теперь мужчины, поровну разделившие с женами материальную ответственность за детей, при разводе несли минимальные материальные потери. Более того, в отдельных случаях закон давал им право требовать алименты от бывшей жены – даже когда ребенок решением суда оставался с матерью.

Под знаменем феминизма – К победе мачизма!

Неудача с ERA продемонстрировала, что многие революционерки, страстно желавшие равенства, не отдавали себе отчета в том, что оно предполагает и равную ответственность. Однако революция – стихия инерционная, сродни лавине: сдвинувшись с места в начале прошлого века, она к его концу все смела на своем пути, включая соображения здравого смысла.

Большую роль в изменении общественного сознания в Америке сыграла книга, как ни странно французская, – «Второй пол» Симоны де Бовуар, вышедшая на родине писательницы в 1949 году и переведенная на английский в начале 50-х. Именно этот бестселлер донес до сознания интеллектуальной элиты Америки (как женской, так и мужской) правду о половом неравноправии во всех аспектах: историческом, биологическом, социальном и культурном. (Аналогичная массовая «библия феминизма» американского автора – «Загадка женственности» Бетти Фридан – вышла только в 1963-м.) В то же время массовый «исход в феминизм» определили причины куда более приземленные. Послевоенный рост рождаемости (baby-boom) запер миллионы обеспеченных американок, имевших по трое-четверо детей, в семейную клетку, в которой их ждали скука и одиночество: мужа большую часть времени пропадали на работе, дети – в школах и кампусах.

К началу 1970-х в стране стихийно сформировались женские партии и движения. В дискуссионных «группах по развитию сознания» обсуждались все формы дискриминации по признаку пола: неравная оплата (о том, как нарушался соответствующий закон, – чуть ниже), неравномерное распределение семейных обязанностей, насилие над женщиной в семье и на улице, унижающие женщину порнография, индустрия «сексуальных услуг» и конкурсы красоты, отсутствие инструментов влияния на внутреннюю и внешнюю политику государства и тому подобное.

Вскоре феминистки перешли от слов к делу, начав масштабное наступление на оставшиеся государственные и общественные бастионы «мужского шовинизма» (в оригинале к male chauvinist обычно прибавляется еще и pig – свинья). Недовольные тем

свинарником, в который превратили мир «эти козлы», феминистки бойкотировали конкурсы красоты и «сексуально ориентированную» моду, создавали убежища для женщин, подвергшихся насилию в семье, и добивались права служить в армии, заниматься бизнесом и политикой на всех уровнях, включая высшие. То есть стремились окончательно потеснить мужчин в тех сферах, которые, собственно, и способствовали превращению мира в свинарник. По остроумному замечанию одного антифеминиста, «юбку приравняли к брюкам, снабдив ее шириной».

Слоган масштабной PR-кампании, сопровождавшей эту победоносную революцию, в переводе с феминистского на «здравомыслящий» звучал так: «Женщина – тоже мужик!» Подразумевалось, что даже и лучший. Кроме того, следуя славным революционным традициям другой страны, воинственные феминистки не забыли и другой лозунг: «Кто не с нами – тот против нас». И стали досаждать судебными исками всем нарушителям принятой под их давлением (основа электората в США – не поспоришь!) политкорректности, начиная с «оппозиционных» журналистов и писателей и кончая университетскими профессорами, которым достаточно было поднять глаза на сдававшую им экзамен студентку, чтобы загреметь под статью о сексуальном домогательстве.

Для характеристики нынешнего состояния умов в Америке достаточно напомнить о трагикомическом случае, десять лет назад обошедшем все СМИ. В одну из июньских ночей 1993 года супруга американского военнослужащего Лорена Боббит, измученная «сексуальными домогательствами» супруга, отрезала ножницами его «орудие пытки» и выбросила окровавленный орган на улицу.

Далее трагедия приобрела оттенок сказки со счастливым концом: случайный прохожий нашел отрезанное, вызвал полицию и спустя полтора часа Джона Боббита и символ его мужского достоинства по отдельности доставили в больницу, где врачи за девять часов виртуозно поставили все на свои места. Но самое интересное ждало жадную до сенсаций публику впереди: состоялось два судебных процесса, на первом из которых оправдали Боббита, а на втором – его жену, которую суд признал временно невменяемой. Однако если первый вердикт вызвал бурю возмущения со стороны феминистских

организаций, то второй американские СМИ встретили без особого возбуждения, как нечто само собой разумеющееся.

Саботаж свергнутых классов

Пока в США кипели страсти, феминистки Старого Света добивались успехов, сохраняя национальную и культурную специфику. Так, француженки плотно оккупировали сферы культуры, науки и образования, англичанки с головой ушли в политику – причем в левую часть политического спектра (борьба за равноправие в трудовой сфере через партии и профсоюзы, за государственное обеспечение ухода за детьми). А западногерманские и скандинавские феминистки успешно штурмовали все ветви власти, занимая высшие государственные посты и набирая до половины голосов на парламентских выборах.

Что касается Штатов, то там дала себя знать специфика американская. Как известно, Америка – нация в культурном отношении молодая, потому-то во всем, что затевают американцы, зачастую куда больше молодой удали и бьющей через край энергии, чем расчетливой мудрости вкупе с культурными ограничениями. А присущий этой нации «комплекс чемпионов» не позволяет остановиться на полпути, подумать и вовремя дать задний ход, если цель оказалась ложной или непосильной.

Не стала исключением и американская феминистская революция. Сегодня «затираемые» повсеместно американские мужчины, превратившись в дискриминируемое меньшинство, открыто стоят за свои права уже не рискуют: феминистки живьем съедят. Поэтому процветает тактика скрытого саботажа, примером которого стало выполнение того самого закона о равной оплате.

После 1963 года было оперативно принято еще несколько федеральных законов, закреплявших экономическое равноправие полов: о равенстве в жилищном строительстве (1968), о равных возможностях при кредитовании (1975), о равенстве женщин в образовании (1974), поправки к законам о профессиональном образовании и образовании взрослых (1976) и другие. Однако даже в 2001 году, по данным Национального статистического бюро, белым американкам в среднем платили по 76 центов за ту же работу, за которую мужчины получали полновесный доллар. Еще меньше доставалось афроамериканкам (69 центов) и испаноязычным «латиносам» (56). Как показали исследования, проведенные

Национальным комитетом по равной оплате, за тот же год среднестатистической американке с высшим образованием в сравнении с коллегами-мужчинами, выполнявшими такую же работу, недоплатили \$12 893. Только за первые месяцы 2001 года суды 35 штатов приняли к рассмотрению около 100 исков по поводу «неравной платы». Любопытно, что исками оказались завалены не только работодатели, недоплачивающие своим сотрудницам, но и те, кто не обеспечивал сотрудницам дополнительных социальных льгот и привилегий.

(Для усиления неработающего закона в 1996 году был подготовлен другой – закон о честной оплате труда. В 1999 году он поступил в конгресс, где благополучно застрял. Хотя один пункт нового закона дает ему дополнительный шанс на принятие в сегодняшней Америке, после событий 11 сентября 2001 года ударившейся в поголовное стукачество: закон запрещает увольнение сотрудников, разгласивших условия оплаты, предложенные работодателем.)

Но это, по мнению пессимистов, лишь последние разрозненные очаги сопротивления исторически обреченных «контрреволюционеров».

Тем более что сражаются они на том фронте, где дело женщин – правое: с тем, что равный труд требует равной оплаты, согласится всякий не зацикленный на комплексе мачо мужчина. Но ведь дело не ограничилось экономическими требованиями, западная феминистская революция победила и на других направлениях.

Другой вопрос, стал ли в итоге мир более мирным, гуманным, уравновешенным, толерантным, кооперативным? Пример Маргарет Тэтчер, Мадлен Олбрайт и Кондолизы Райс, с именами которых, в частности, связаны войны последних двух десятилетий (соответственно фолклендская, югославская и иракская), убеждает в обратном. Кажется, что в мире лишь прибавилось агрессивных и напористых мачо – неважно, носят ли они брюки или юбки.

Мария Голованивская, Сергей Татевосов Потребитель получает все

Потребители существовали всегда, но вот права у них появились недавно – примерно 40 лет назад. Их придумал Ральф Надер, рассудивший, что, поскольку потребителей столько же, сколько людей на земле, опора на их интересы – самый лучший фундамент для построения собственной блистательной карьеры. Великолепная мысль, принеся адекватные результаты. Превратить покупателей – обычных людей, приобретающих еду, авиабилеты, стиральные порошки, одежду и пр., – в потребителей, то есть в определенную категорию граждан, очень легко. Нужно им просто об этом сказать. Ведь у них же есть общий признак – как и у гомосексуалистов, безработных или темнокожих. И у этой категории, пусть в нее входят хоть все граждане, есть особые права, которые и стоит защищать.

Какие права? Права на качественные товары и услуги. Кто на эти права покушается? Сами производители товаров и услуг, старающиеся продать подороже вещи, далекие от совершенства. Или иначе: если производитель не может сделать совершенный товар, пусть честно расскажет не о его достоинствах, как это принято, а о недостатках, а уж потребитель пусть сам решает, хочет он за это платить требуемые от него деньги или нет.

А недостатки есть у всего – стоит только поискать. Вот несколько лет назад одна американка выиграла судебный процесс против компании, производящей микроволновые печи. Женщина решила высушить в ней свою промокшую под дождем болонку, а та возьми да издохни. Американка почувствовала себя ущемленной в своих потребительских правах, ведь в инструкции к печке ни слова не было сказано о том, что там нельзя сушить болонки!

От смешного до великого – один шаг. Чтобы сделать его, все потребители должны объединиться в общественное движение. Борясь за свои права, они должны участвовать в справедливом переустройстве общества. И таким образом развернуть наконец экономику лицом к себе, то есть к потребителю. Богатая идея.

Надер предложил людям возможность не покупать то, что им не нравится

Ненормальный Надер

Ральф Надер, родившийся в 1934 году в семье ливанских иммигрантов в Уинстедде (штат Коннектикут), являл собой яркий пример шестидесятника американского образца. Первые свои университеты он прошел почти что за кухонными спорами: его отец, Натра Надер, владел ресторанчиком, в котором поощрялись жаркие дискуссии об общественном благе. Натра чувствовал себя американцем до мозга костей, говорил, что каждый раз, когда видит статую Свободы, его охватывает волнение. Ральф с большим интересом прислушивался к разговорам взрослых, а к 14 годам он успел уже прочесть все самые известные книги журналистов-«разоблачителей», которые боролись против коррупции и злоупотреблений в государственных органах.

Впервые его общественный темперамент проявился в Принстонском университете, где он учился в 50-е годы. Однажды Надер нашел на газоне в университетском кампусе несколько мертвых птичек и попытался добиться запрещения распылять ДДТ. Над ним посмеялись: если бы ДДТ был так опасен, профессора химии и биологии давно бы обратили на это внимание и приняли бы меры, а тут какой-то студент позволяет себе объявлять ДДТ причиной гибели птичек. В общем, Принстон раздражал Ральфа Надера: «Самая большая смелость, которую позволяли себе студенты, – отказ носить традиционные белые кожаные ботинки».

В 1955 году, окончив Принстон, он поступил в Гарвардский университет на факультет права. Имевший место в Принстоне эпизод, когда он заступился за ущемленного в правах торговца ход-догами и потерпел неудачу, привел его к мысли, что нужно получать специальное образование. Однако Гарвард также бесил Надера: «Узкий интеллектуализм и моральная нечистоплотность преподавателей и студентов». Градус его протеста против окружающей жизни постоянно повышался. Позднее, уже став борцом за права потребителей, Надер об этом университете вспоминал так: «Это было дорогостоящее поточное производство, только вместо инструментов они производили наемных адвокатов для юридических фирм и крупных корпораций. Тех же, кого волновали вопросы добра и зла, считали просто

ненормальными». После Гарварда «ненормальный» Надер совсем недолго занимался адвокатской практикой в родном Коннектикуте и в 1963 году переехал в Вашингтон. Он уже знал, чему посвятить жизнь.

Первый бой

В Вашингтоне Надер поступил на работу консультантом в Департамент труда и активно сотрудничал в качестве внештатного автора в журналах The Nation и The Christian Science Monitor. Одновременно он устроился в качестве советника «на общественных началах» в сенатский подкомитет по изучению вопросов безопасности автомобилей. Автомобили возмущали Надера давно: еще когда он был студентом, он опубликовал в The Nation статью под броским заголовком: «Безопасный автомобиль, который просто невозможно купить».

Изучив особенности конструкции автомобилей (в чем ему помог один «изменник» из General Motors), Надер пришел к выводу, что их производители озабочены дизайном, мощностью, стоимостью, но только не безопасностью тех, кто на них ездит. А в 1965-м опубликовал книгу о коварстве автопроизводителей «Опасно на любой скорости». Мишенью был автомобиль «Корвэйр», выпускаемый корпорацией General Motors. Надер считал «Корвэйр» «одним из самых выдающихся в нынешнем столетии проявлений промышленной безответственности». Он убеждал, что причины аварий со смертельным исходом нужно искать в первую очередь в конструктивных дефектах машин и винить, следовательно, тех, кто эти машины производит, а не тех, кто ими пользуется.

Несмотря на то что в прессе сразу же появились рецензии на книгу, публика поначалу не обратила на нее особого внимания. Чего нельзя сказать о General Motors, где были крайне обеспокоены появлением «общественного обвинителя». Компания наняла частных детективов, чтобы те поискали на Надера компромат. Говорят, ему даже подсылали девиц легкого поведения, но оказалось, что Надер до них не охотник. Все это кончилось плачевно для General Motors: один из детективов перепутал Надера с журналистом Джеймсом Риджеуэйем, а тот сразу обнаружил за собой слежку. Дело получило огласку, и глава General Motors вынужден был принести извинения Надеру.

Тому, впрочем, только это и было нужно: теперь он мог на всех углах обличать не только опасные для жизни машины GM, но и порочные методы его руководства. Благодаря столь мощной рекламе книга стала

бестселлером, а ее автор – фигурой национального масштаба. Были проведены сенатские слушания о безопасности машин и автодорог, затем принят соответствующий закон и создана федеральная комиссия, призванная следить за соблюдением стандартов безопасности. Во многом благодаря именно Надеру стали обязательными ремни безопасности и сигналы поворота на автомобилях. Теперь Надер не сомневался: даже один человек, проявив настойчивость, может очень многое изменить. И этим человеком будет он, Ральф Надер.

Всадники Надера

Разобравшись с автомобилями, Надер переключился на другие сферы жизни. Благо поле деятельности представлялось поистине безграничным. Свой метод он описывал как «поиск документальных подтверждений для собственной интуиции».

Например, интуиция подсказывала Надеру, что мясо и птица, которые продаются в супермаркетах, не отвечают элементарным санитарным нормам, а хот-доги вообще делают неизвестно из чего; что газопроводы являются источником повышенной опасности для граждан; что рентгеновские лучи и телевизоры вредны для здоровья, а условия работы в шахтах далеки от идеальных. И всякий раз он мог предъявить миру факты, доказывающие его правоту. Люди с ужасом узнавали, что их всюду подстерегают опасные враги – враги потребителей. И им, потребителям, надо как можно скорее искать защитников.

В 1968 году Надер создал первую группу, которая должна была положить начало организации потребителей. В нее вошли семь студентов-юристов, которые добровольно взяли на себя расследование деятельности Федеральной комиссии по торговле. Через несколько месяцев группа обнародовала доклад, в котором изобличались злоупотребления членов комиссии и делался вывод о неэффективности ее работы. В комиссии началась чистка, а толпы восторженных студентов повалили к Надеру, мечтая поучаствовать в каком-нибудь сенсационном разоблачении.

Из тридцати тысяч желающих были отобраны 200 человек. С легкой руки одного вашингтонского репортера их стали называть всадниками Надера. В последующие два года «всадники» обнаружили коррупцию в федеральных комиссиях, отсутствие контроля за пищевой и фармацевтической промышленностью, загрязнение воздуха и воды, злоупотребления в банках и т. п. К 1972 году по материалам докладов было опубликовано 17 книг. При этом «всадники» получали не материальное, а скорее моральное вознаграждение за труд. Надер давал им большую свободу действий и растил будущих лидеров потребительского движения.

В общем, успех затеи со студенческими расследованиями превзошел все ожидания. Ральф Надер был воодушевлен.

Вездесущие потребители

Разнообразные группы «надеритов» стали появляться как грибы. Все их даже трудно перечислить. Наиболее известные – группа по изучению общественных интересов, наблюдательный орган при сенате, центр автобезопасности, демократический проект, банковские, налоговые, судебные, медицинские проекты и еще с десятков органов, в названии которых присутствует изобретенный Надером «активный гражданин» – public citizen.

Особенно бурно проекты Надера плодились при президенте Картере. Многие сподвижники Надера входили в государственные органы и работали в сенатских комиссиях. Был даже принят закон, согласно которому участие граждан в делах государства специально финансировалось из бюджета, чтобы все желающие имели возможность донести до властей свою точку зрения. После прихода к власти Рональда Рейгана эта безоблачная для движения потребителей эпоха кончилась. Администрация Рейгана откровенно плевала на всю эту общественную деятельность. Тем не менее многие надеровские организации выжили и продолжили борьбу. К началу 90-х годов Надер контролировал примерно 30 организаций с совокупным доходом около \$80 млн.

Доходы эти складывались из крупных сумм, вносимых корпоративными спонсорами, и большого потока «взносов» граждан. Студенты, работавшие на Надера, обходили целые кварталы, стучась в каждую дверь. Они вступали в длительные беседы с какой-нибудь миссис Смит, рассказывали о том, как неразумно тратятся общественные средства, как плохо государство следит за качеством еды и эффективностью лекарств, как корпорации препятствуют честной конкуренции, необоснованно поднимают цены и тем самым грабят ее, миссис Смит. И вот теперь, продолжали студенты, наконец появился человек, который сможет с этим покончить. Надо только ему немного помочь – дать ему 5 или 10 долларов. Потому что мы сами должны о себе позаботиться – ведь верно, миссис Смит? И миссис Смит, разумеется, соглашалась, вспомнив о том, что ей как-то отказались заменить сломанный уют, что лекарство от насморка,

выписанное доктором, совершенно не помогло, а в прошлом году после дождя на газоне вдруг пожелтела вся трава.

Другой способ был еще проще. В каком-нибудь университете помощники Надера собирали студентов и предлагали им стать коллективными членами одного из надеровских проектов. Если большинство было «за», то все студенты ежегодно автоматически платили взносы – те же 5 или 10 долларов. Чтобы этого не делать, нужно было специально об этом заявить и заполнить соответствующую бумагу. Но самым изящным был, пожалуй, третий способ: люди Надера приходили, скажем, в автомобильную компанию и предлагали ее руководителям рассылать листовки с рекламой надеровского центра автомобильной безопасности вместе с рекламными проспектами этой компании. Чаще всего фирма соглашалась – ведь иначе ее могла постигнуть участь General Motors, которая много лет не могла оправиться от скандала.

Святой Надер

Многие американцы искренне полюбили Ральфа Надера – самоотверженного борца за права вечно обиженных потребителей. Журнал *New Republic* как-то назвал его Святым Ральфом, и это прозвище прилипло к нему. «Ральф – доказательство того, что между фанатиком и святым почти нет разницы», – писал журнал.

Ральф и сам помог американцам его полюбить. Он охотно рассказывал журналистам, что на личные нужды ему требуется не более \$10-15 тыс. в год, что живет он в небольшой комнате рядом с офисом и вообще по характеру, как это ни удивительно, скорее аскет, чем настоящий потребитель. К созданным при его непосредственном участии организациям он теперь не имеет почти никакого отношения, во всяком случае формального, и только радуется, что посеянные им идеи дали такие прекрасные всходы в американском обществе. Конечно, до победы простых потребителей над акулами капитализма еще далеко, но борьба не была напрасной и он верит в возможность «качественного пересмотра результатов промышленной революции». Конечно, лучшая позиция для этого – президентское кресло. И он уже неоднократно сражался за него. Однако пока не получалось: не все потребители еще заняли правильную гражданскую позицию.

И уж само собой разумеется, что победная поступь Надера замедляется подножками, которые ему то и дело ставят всякие недоброжелатели. А их у него немало. Расследование, которое провел журнал *Forbes*, показало, что Ральф Надер находится в центре мощной «сети интересов» и очень избирательно подходит к тем, кому грозит преследование со стороны «потребителей».

Выяснилось также, что наиболее высокооплачиваемые юристы в США – это не сотрудники фирм с Уолл-стрит, а никому не известные частные адвокаты, специализирующиеся на гражданских исках частных лиц. Эти люди стали одними из самых богатых в США благодаря активности потребителей, решивших отстаивать свои права. А это решение им подсказал не кто иной, как Ральф Надер. Естественно, что адвокаты ему искренне признательны, и признательность выражается в хорошей финансовой поддержке.

Формы взаимной поддержки могут быть разными. Самый распространенный вариант – одновременная атака на крупные корпорации. Адвокаты предъявляют к корпорации иски, обвиняя ее в производстве некачественной продукции, а люди Надера в СМИ устраивают массированную антирекламу той же корпорации. Независимо от того, как в действительности обстоит дело с качеством продукции, корпорация-мишень мечтает только об одном – о спокойной жизни, иначе ее бизнес будет полностью разрушен. Единственная возможность добиться этого – пойти на мировую, не доводя дело до суда. Такой выход в высшей степени устраивает и адвокатов, и Надера: первые получают максимальные дивиденды, а второй может использовать для саморекламы очередной успех в борьбе с акулами капитализма.

Иногда корпорации приплачивают Надеру за бездействие. Например, борьба с курением не входит в число надеровских приоритетов, хотя трудно представить себе нечто более вредное для потребителей, чем табачная промышленность. Объясняется все очень просто: табачные компании принадлежат к числу наиболее щедрых спонсоров защитника угнетенных потребителей.

Подобных примеров немало. Но все они доказывают только одно: никакой Надер не мессия, не революционер и не философ. Он всего лишь незаурядный бизнесмен, который сумел нажить немалый капитал, в том числе и политический, предлагая гражданам то, что у них и так всегда было, только в другой обертке, – возможность не покупать то, что им не нравится.

Елена Антонова

Торгуют все!

«Если к нам за покупкой придет парочка ваших друзей, вы получите скидку». Слышали? Наверняка. Так вот, когда вы это слышите, вы имеете дело с особой дистрибуторской технологией – сетевым маркетингом (MLM). В этой индустрии работает более 30 млн дистрибуторов, она охватывает практически все континенты и уже прочно обосновалась в России. Совокупный ежегодный оборот mlm-компаний достигает \$25 млрд и растет на 20-30 % ежегодно. И с помощью технологии MLM сегодня можно продать все – от набора скрепок до элитного страхового полиса.

А изобрел эту «золотую технологию» Карл Ренборг.

*Каждый новичок имеет возможность построить свой
собственный бизнес*

Суп из гвоздя

20-е годы. Китай. Революционные войска Чан Кайши непримиримы к любым проискам акул империализма. По всей стране сотни тюрем. Самая знаменитая – лагерь для интернированных в Шанхае. В его стенах тысячи иностранцев: французы, немцы, американцы. Условия чудовищные. Среди заключенных отбывает свой срок 35-летний американец Карл Ренборг.

Тюрьма не лучшее место для научных экспериментов, считают его друзья, а он часами напролет рассказывает им о своих опытах в области здорового питания. «Вынужденная тюремная диета – уникальная возможность поэкспериментировать над своим организмом», – шутит Ренборг. И каким-то образом неугомонный химик убеждает китайских охранников регулярно приносить ему разные растения, которые можно раздобыть в окрестностях тюрьмы. Охранники, посмеиваясь, все же пропалывают леса-поля и каждый день пучками сваливают на нары странного зэка китайскую флору: побеги бамбука, свежие листья папоротника и корешки женьшеня. А тот знай себе часами сидит в уголке и строгаёт заточенной железкой гвозди. «Организму необходимо железо», – улыбается химик и добавляет в тухлое мясо опилки ржавого гвоздя. Свои экспериментальные блюда Карл поглощает сам и предлагает соседям. Многие морщат нос и отказываются.

Годом позже из лагеря вышли именно те, кто сидел на диете Ренборга. Остальные до свободы не дожили.

Здоровье человека зависит от того, ЧЕГО он не ест

Ренборг родился 15 мая 1887 года во Флориде, в городе Санкт-Питерсберге. С раннего детства он читал запоем и поэтому всегда удивлял окружающих эрудицией в самых разных областях знаний. Он хорошо разбирался в философии, религии, истории, политике, астрономии, математике, аэродинамике, химии, в правах человека. Знал несколько языков, включая китайский. Хотя Ренборг не был религиозен, многие годы он потратил на изучение христианства, совершил паломничества в Палестину, Израиль и Египет. Но особый интерес его жизни еще в юные годы – изучение мировой популяции растений, пищевых запасов планеты и технологии консервации натуральных продуктов. Его первой любовью была наука о питании. «Идея была привлекательна, отвечала моим идеалам, и я был настырным», – впоследствии вспоминал Ренборг.

В 1915 году 27-летний Ренборг, уже будучи доктором химии, заключает контракт с одной из американских нефтяных компаний и перебирается в Китай, в Тяньцзинь. Правда, работает бухгалтером. Чуть позже – контролером в судостроительной компании, затем – представителем Американской молочной компании, наконец – представителем Colgate Products Company в Шанхае.

А вокруг страшная нищета. Китайцы с трудом сводят концы с концами. Какое здоровое питание?! Была бы рисовая лепешка, скудный суп и вода. Неподалеку от завода Colgate – фабричная кухня для китайских рабочих. В полдень собирается толпа чумазных людей в робах. Все с жестяными мисками. Кто получил свою порцию мутной жидкости – счастливчик. Это почти царский обед. За всем этим и наблюдает Карл Ренборг. Именно тогда он понимает, что необходимо создавать дешевые пищевые добавки, которые смогут хоть как-то разнообразить нищенское питание китайцев. Он тщательно изучает литературу о питании, делает записи своих наблюдений. Его ключевые выводы: здоровье человека зависит, во-первых, не от того, что он ест, а от того, что не ест; а во-вторых – от специальных диет. По поводу

первого вывода еще можно поспорить, второй же был доказан в шанхайском лагере.

Добавка молодости

В 1927 году Ренборг вернулся в США без гроша в кармане и довольствовался случайными заработками. Его бизнес в Китае имел успех, однако войны подорвали коммерцию большинства иностранных фирм, в том числе компании, где работал Ренборг. «Я вернулся в США без денег. Занимался чем придется, чтобы заработать на хлеб с маслом. В это время я услышал о кинорежиссере, который разбогател второй раз. Когда его друзья выражали ему соболезнование, что он разорен, он отвечал, что не разорен, а только сломлен. Вот так же и я», – позже писал Ренборг.

Идеи, родившиеся в Китае, не оставляли его. Он арендовал захламленный чердак в городе Бальбоа-Айланд в Калифорнии и устроил там маленькую лабораторию, где продолжил эксперименты над растительными продуктами. Там он и начал разрабатывать методы концентрации питательных веществ из растений. «Когда я оказался на чердаке, где жил и работал, и начал заниматься настоящим делом, я думал только об этом, и ни о чем другом. Люди спрашивали, почему я не работаю, но у меня была одна работа, которая занимала все мое время», – вспоминал он.

На чердаке Ренборг провел несколько лет. А в 1931 году на химика снизошло озарение. Как-то раз он обнаружил растение, которое содержит почти все минералы и витамины, большое количество белка и много других полезных компонентов. Это была люцерна, которую в Китае называют «основой всех благ». Вскоре он изобретает новую пищевую добавку, в которую помимо люцерны вошли петрушка и водяной кресс, и в 1933 году начинает проверять ее действие на друзьях. А если точнее, то дело было так: Ренборг просил друзей испытать эти препараты, а те прятали маленькие коробочки с порошками подальше в тумбочку. Правда, через какое-то время они каялись Карлу, что, мол, так и не решились откусать волшебного снадобья.

И тут Ренборгу приходит в голову банальная мысль: к бесплатным продуктам люди относятся несерьезно. Если он будет назначать за добавки какую-то цену, то люди будут употреблять их хотя бы потому, что они за это заплатили. Так Ренборг и сделал, и его препараты стали

давать первые, поистине сногшибательные результаты. Дамы свежели на глазах, а измученные Великой депрессией, крахами и банкротствами джентльмены отмечали на своих лицах по утрам зачатки румянца. И никаких дурных мыслей. О таинственных продуктах Ренборга поползли слухи, знакомые его друзей просили устроить им встречу с химиком-благодетелем. И тогда у Ренборга появилась идея создать принципиально новую стратегию бизнеса.

Маркетинг по рекомендациям

В тот момент экономика США пожинала плоды жесточайшего кризиса. Тысячи обанкротившихся банков, заводов и фабрик, колоссальная безработица. Надо ли говорить, что многие искали возможности для самореализации в малом бизнесе. Ренборг сделал друзей и знакомых первыми своими дистрибуторами: «Предложите эти препараты своим друзьям, а я вам заплачу комиссионные после того, как они их купят». Он назвал эту схему продаж маркетингом по рекомендациям. (Означающие то же самое термины «многоуровневый маркетинг» и «сетевой маркетинг» появились уже после смерти Ренборга.)

Суть схемы сводится к тому, что, продавая товар, торговые представители (дистрибуторы) компании предлагают покупателю тоже стать дистрибутором. И так до бесконечности. Таким образом, каждый новичок имеет возможность построить свой собственный бизнес, свою собственную дистрибуторскую сеть. Задача компании – регулярно снабжать каждого дистрибутора продукцией и выплачивать ему комиссионные как за тот товар, который продал сам дистрибутор, так и за товары, которые продали привлеченные им торговые представители. В результате дистрибутор, который находится на вершине огромной сети, может сам лично уже ничего не продавать, но все равно будет получать пожизненные проценты от продаж дистрибуторов его сети. А поскольку сеть может разрастаться практически до бесконечности, в некоторых компаниях сетевого маркетинга такие проценты называются процентами с бесконечности.

Кроме того, Ренборг впервые придумал и разработал чрезвычайно важный в современном многоуровневом маркетинге принцип спонсирования. Слово «спонсор» в переводе с английского языка означает «поручитель». Применительно к своему бизнесу Ренборг трактовал это понятие так: под спонсированием в маркетинге по рекомендациям подразумевается то, что торговый представитель компании, пригласивший в этот бизнес новичка, не только во всем ему помогает, не только его всему обучает, но и несет ответственность за его дальнейшую работу.

Схема заработала, и в 1934 году Ренборг создает в Бальбоа-Айланде компанию California Vitamins Inc., а в 1939-м, после его переезда в Лос-Анджелес и появления названия Nutrilite у его препарата, переименовывает свое предприятие в Nutrilite Products. Первые годы Ренборг вкладывал в бизнес практически все, что зарабатывал: «Создавая компанию, мы собирали доходы по крупицам и всю прибыль вкладывали в дело. Например, когда компания выросла до \$20 тыс. чистой прибыли в год, я платил себе зарплату \$300 в месяц, то есть \$3600 в год. Когда мы стали делать миллионы, они также после уплаты налогов расходовались на приобретение земли, возделывание полей, оборудование, производство и т. п.». В 1946 году правой рукой Ренборга, незаменимым секретарем и казначеем компании становится его жена Эдит Ренборг. Фактически она и создала тот прочный финансовый фундамент, на который не только опиралась вся научная и производственная деятельность компании, но который позволял осуществлять инвестиции и давать кредиты многим тысячам дистрибуторов.

Пирамида

В 1949 году в компании Nutrilite появились два талантливых молодых человека – Рич Де Вос и Джей Ван Эндел. После первых успехов в этом бизнесе они создали в городе Ранд Рапис, штат Мичиган, торговую фирму по реализации продукции Nutrilite и назвали ее Ja-Ri Corp. «Рич, а ты понимаешь, что тот маркетинговый план, который придумал Ренборг, абсолютно универсальный? Его ведь можно применить к массовым продажам любой продукции!» И Джей предлагает компаньону отделиться от компании Nutrilite.

В 1959 году Вос и Эндел создают свою собственную компанию American Way Corporation, или AmWay, которая, в отличие от Nutrilite, не ограничивается реализацией пищевых добавок, а занимается распространением еще и хозяйственных товаров для домашнего использования. В результате AmWay не просто повторила успех Nutrilite Products, но и превзошла своего партнера. Причем даже по объемам продаж пищевых добавок самой Nutrilite. В результате в 1972 году AmWay купила контрольный пакет Nutrilite. По оценкам маркетологов, на сегодня AmWay является самой крупной компанией сетевого маркетинга в мире: объем ее продаж составляет \$2 млрд в год.

Придуманый Ренборгом принцип продаж был позаимствован и другими. Сегодня с использованием стратегии MLM по всему миру распространяется свыше 25 тыс. наименований товаров и услуг. Самые известные компании, которые в свое время активно продвигали товар при помощи многоуровневого маркетинга, – это Coca-Cola, Colgate, Gillette, Visa, Lipton, Ford, Херох.

Но были в победном шествии многоуровневого маркетинга и серьезные провалы. Рост сетевого маркетинга в конце 60-х – начале 70-х годов был заметно заторможен из-за неприятного события, прoderжавшего пионеров этого бизнеса в напряжении почти четыре года. В то время в США буйным цветом расцвели мошеннические финансовые и торговые «пирамиды». Они собирали деньги с доверчивых граждан, обещая им за это колоссальные дивиденды – до 1000 % годовых. Правительство США было всерьез обеспокоено этой проблемой, и в 1975 году Федеральная комиссия по торговле выпустила ряд положений о структурах типа «пирамида». Главным

объектом для нанесения удара была выбрана компания AmWay, которая как козел отпущения была привлечена к ответственности. Над MLM нависла угроза запрета. Однако в ходе длительного расследования с привлечением огромного количества специалистов было установлено, что деятельность компании не является «жульнической пирамидой», а метод продвижения товаров, названный многоуровневым маркетингом, является вполне приемлемым и допустимым.

Звезды

Но вернемся к Ренборгу. Когда его компания развернулась, он зажил припеваючи, отдавшись своим многочисленным хобби. Теперь он мог позволить себе посвятить часть времени одному из увлечений молодости – астрономии. Благо денег достаточно. Он облюбовал маленькую обсерваторию в калифорнийских горах, где проводил время в изучении звездного неба. Он много пишет о своих наблюдениях и готовит книгу о звездных мирах и своих открытиях в астрономии. Временами он уединяется на Таити, любимом месте отдыха, где у него собственный дом. В общем, Ренборг еще при жизни стал знаменитостью. Среди его друзей было много политических звезд: король Греции Павел, Джавахарлал Неру, Уинстон Черчилль, Папа Римский Иоанн XXIII. Это давало ему немалые, в том числе и лоббистские, возможности. Так, в середине 60-х Ренборг знакомится с Эйзенхауэром и с его помощью быстро добивается отмены в стране запрета на использование в пищевых продуктах некоторых компонентов.

Умер Карл Ренборг, как и положено поклоннику подобного образа жизни, абсолютно (или, как говорят врачи, практически) здоровым в 1973 году на 87-м году жизни, оставив после себя гигантскую империю.

Послесловие

Наше время сегодня спрессовано до предела. События мелькают мимо нас с такой ошеломляющей быстротой, информация обрушивается таким бурным потоком, что сам этот факт уже стал – как ни парадоксально – некоторой банальностью. Это своего рода защита – мы привыкаем жить в белом шуме, на бегу, второпях, в окружении мелочей. Точнее, мы практически все вокруг начинаем считать мелочами, переставая замечать, как множество обстоятельств, судеб, случайностей сливаются во времени, рождая историю.

Между тем случайно, казалось бы, нанесенные на бумагу линии сливаются в знак, звуки отдельных инструментов – в стройную музыкальную симфонию, а из отдельных событий складывается целостная картина, пусть в наших умах она по сути своей мозаична.

Та же история вышла и с книгами «знаковой» серии. Каждый текст, каждая история здесь – самостоятельное произведение, словно деталь мозаики, имеющая свою неповторимую форму и уникальное место. И подчас, собрав детали в новом порядке – как это сделали авторы и составители серии, – можно увидеть привычное в новом свете и сделать новые важные выводы. Каждый читатель может складывать эту мозаику сам, выстраивая картину так, как ему угодно, получая свое, личное видение мира.

Причем это возможно как в рамках одной книги, так и в рамках нескольких, ведь книги серии образуют некое смысловое единство. В первой – «Знаковые люди» – речь идет о тех, чей ум, энергия, страсть влияли – и часто кардинально – на течение истории. Кто-то из них возглавлял революционные преобразования, становясь локомотивом перемен, а кто-то, подобно брошенному в пруд камню, провоцировал серию волн – общественных, политических, культурных потрясений поистине глобального масштаба. В любом случае без них наш мир действительно был бы другим: их судьбы, их дела, их взлеты и падения стали значимыми, знаковыми для многих и многих поколений.

Вторая книга рассказывала о брендах – мировых марках, ставших символами, с появлением которых у людей появилась, по сути, еще одна реальность – мир образов, несущих определенный смысл. Но, в сущности, она все-таки рассказывала о людях, стоявших за созданием таких брендов, о творцах мира вещей и связанных с ними символов. Их творческое начало, натура предпринимателя, пионера, первооткрывателя, помноженные на тяжелейший упорный труд, позволили создать что-то, ставшее неотъемлемой – знаковой – частью нашей жизни.

Третья книга – по крайней мере, на первый взгляд – сильно отличается от первых двух. Составители рискнули предложить свое видение масштабных процессов и явлений, в разное время кардинально менявших – или способных изменить – мир. При этом они не стали писать «новую хронологию» революций, переворотов или реформ, они вновь предлагают читателям своего рода мозаику, калейдоскоп разных по масштабам моментов, которые переживало человечество. А ставшее уже торговой маркой «Коммерсанта» подчеркнутое внимание к экономической, денежной составляющей этих моментов позволяет взглянуть на многие вещи с новой стороны.

Мы вообще редко задумываемся о том, сколько «случайностей» должно совпасть, сколько незаметных глазу – особенно глазу современника, «замыленному» малозначимой повседневной суетой, – мелких и мельчайших факторов должны оказать свое действие на общество, чтобы вероятное стало реальным, возможное – неизбежным. Какой же прихотливый, а порой парадоксальный узор

возникает перед нашими глазами, когда у нас появляется возможность взглянуть на историю человечества попристальней, издалека...

Главные краски этого полотна – пурпур и охра. Красное и желтое. Кровь и золото. Эти оттенки настолько густы, что на их фоне теряются остальные. Предприимчивость купцов и стремление предпринимателей к новым рынкам оборачивается построением наркобизнеса государственного масштаба и заканчивается чередой войн. Воспетое Киплингом «бремя белого человека» – фактическим рабством целой страны, грабежом такого масштаба, что по сравнению с ним перестроечная приватизация (изрядно демонизируемая нашими демагогами) выглядит проделками мелкого карманника. Идеал, вдохновлявший поколения трубадуров, – благородный рыцарь без страха и упрека – на поверку оказывается разбойником без чести и совести, способным на любые злодеяния ради денег.

Все переворачивается с ног на голову, становится – или выглядит – совершенно не тем, чем казалось раньше. Ведь Сейлемское мракобесие, охота на ведьм – это не что иное, как частный случай передела собственности, местечковой «реприватизации». Золотые лихорадки в Калифорнии и на Аляске не принесли особых барышей золотоискателям. Состояния тогда сколотили совсем другие – те, кто их обслуживал. Да и не такими баснословными эти состояния оказались. Несколько десятков человек «намыли» себе на содержании гостиниц, салунов и игорных домов до \$500 тыс., но эти – пусть и довольно крупные по тем временам – состояния не идут ни в какое сравнение с богатствами Джона Рокфеллера, нажитыми тогда же на керосине и бензине. Но империя его едва устояла перед силой слова – в США был принят антимонопольный закон и по решению Верховного суда компания Standard Oil была принудительно распущена. Все это стало возможным после публикации серии статей одной принципиальной журналистки.

Конечно же, история человечества состоит не из одних лишь мрачных моментов. Набивая свои карманы (и немножко пополняя казну Соединенного Королевства) служащие Ост-Индской компании – неосознанно, конечно – сохранили для человечества сокровища индийской цивилизации. Индия обогащала Англию не только финансово, но и культурно, духовно, внося в язык и быт колонизаторов новые ценности. Так, именно из Индии в английскую – а потом и в

русскую – жизнь вошли такие понятия (и связанные с ними привычки), как шампунь и пижама.

История крестовых походов знала примеры не только алчности и клятвопреступлений, но и истинного благородства. Причем тех, кто оставался истинным рыцарем, как, например, Симон де Монфор, отказавшийся участвовать в штурме христианской Зары в угоду венецианскому кошельку, явно было немало – иначе этот образ не сложился бы вообще. Контакты с арабским миром обогатили Европу не только в материальном, но и в хозяйственно-культурном, даже духовном плане: рис и ветряные мельницы, сочинения Аристотеля и новые приемы в поэзии и архитектуре – все это пришло к нам от арабов. Тяготы, лишения и тотальное беззаконие Клондайка в рассказах Джека Лондона превращаются в гимн крепкой дружбе, целеустремленности и силе духа.

Мне кажется, что часто именно «знаковость» момента, стечение множества обстоятельств, порой недоступных учету и анализу, выводит на авансцену истории тех или иных персонажей. Таким образом, «Знаковые моменты» все равно возвращают нас к людям, к их роли, к тем следам, что они оставили за собой, эффектно подытожив серию из трех книг. Я уверен, что мы будем снова и снова вспоминать свои встречи с людьми, которые шли своим путем и не боялись нового, а напротив, видели в нем единственно возможный путь развития. Будем переживать драматические истории создания мировых брендов, которые сегодня символизируют не только качество продуктов и услуг, но определенное качество жизни. Будем вновь и вновь поражаться парадоксам и неожиданным поворотам истории человечества, истории Человека.

Можно смело сказать, что «знаковые» книги – это книги о движении вперед – бесстрашном, но не бездумном, а подчиненном логике момента.

Мы с радостью откликнулись на предложение поддержать проект не только потому, что он интересен, самодостаточен и по-своему уникален. Тексты, собранные в трех книгах, рождают мысли о близких компании ценностях, принципах, и это главное. Авторы показывают – и доказывают – что развитие любой системы, будь то компания, страна или человеческое общество, зависит от талантов и возможностей людей, ее составляющих. Одновременно внимательный читатель

заметит, что большинство героев «знаковых» историй отличает не только внутренняя сила, но также умение, делая выбор, воспринимать внешние сигналы – «подсказки» – исторической действительности. Уважение вклада индивидуальности в дело достижения целей компании, доверие к жизни, предоставляющей возможности для творчества, свободного развития и самовыражения – то, что помогает «МИЭЛЬ» создавать свою историю.

Григорий Куликов,

председатель совета директоров холдинга «МИЭЛЬ»

В издании использованы фотографии Agence France Press, The Associated Press, Getty Images И ИД «Коммерсантъ», а также фирмы «Монеты и медали»

